

Если любишь —
не сдавайся!

Дарья
Сунарокова

Притворись,
что мы
вместе

• Любовный бестселлер •

Роман

Лена Сокольникова

Дарья Сумарокова

Притворись, что мы вместе

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сумарокова Д. В.

Притворись, что мы вместе / Д. В. Сумарокова — «Эксмо»,
2017 — (Лена Сокольникова)

ISBN 978-5-699-94012-7

Жизнь постоянно ставит симпатичную и талантливую докторшу Лену перед моральным выбором: лететь ли среди ночи в больницу на необязательный вызов или остаться в рамках должностных инструкций и продолжать спокойно спать; уходить ли от мужа-алкоголика или терпеть насилие и неуважение; ехать ли в коттедж на романтический Новый год с возлюбленным или подарить долгожданные праздники дочери; продолжать ли служить любимому, но безденежному врачебному делу или найти способ выбраться из нищеты? Лена упорно делает выбор в пользу наиболее хлопотного варианта. Она поступает так подсознательно... Но ошибается ли она?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94012-7

© Сумарокова Д. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

1992–1995	6
1996–1998	12
1998–1999	18
2004	28
2005	58
Апрель	66
Июнь	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Дарья Викторовна Сумарокова

Притворись, что мы вместе

Бетховену, грозящему небесам

© Сумарокова Д., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

1992–1995

На самом деле причиной всему послужило ничем не примечательное окно. Лет двадцать назад кто-то наспех покрасил его грязно-белой краской, впоследствии осыпавшейся с отсыревшего дерева нелепыми бесформенными лохмотьями. Мне было четырнадцать, когда наше семейство наконец-то переехало из военного общежития в отдельное жилье. Новая квартира казалась роскошной: целых три комнаты. Большая досталась родителям, комнату поменьше определили Сашке и Борьке, младшим братьям-близнецам десяти лет от роду, меня поселили в самую маленькую, узкую и темную, похожую на трубу. Я была счастлива.

В то время спальные районы Санкт-Петербурга росли, как поганки после сентябрьской мороси. Сложно было даже представить, что буквально полчаса езды на метро – и ты в совершенно другом мире. Запах гранита, тяжелые воды Невы и балтийский ветер. Совсем рядом Эрмитаж отражается в тяжелых низких тучах, а за кулисами Невского проспекта каждая парадная, каждый колодец хранят тени тех, кто играл главные роли в самых важных спектаклях за последние двести лет.

Хотя хватит уже слюнявой лирики, вернемся к новейшей истории. Какой-то гений советской архитектурной мысли построил безликую пятиэтажку практически в двадцати метрах от хирургического корпуса большой городской больницы, а может, и наоборот – больницу около дома, что, собственно, не принципиально. И так уж было суждено: окно моей комнаты располагалось как раз напротив операционных блоков.

В отношении учебы я представляла собой заурядную скучно-терпеливую отличницу. Из папиного: Ленка все задницей берет – зубрила. Мой рабочий стол поставили около того самого облезлого окна, помыть и перекрасить которое не успели: отец не был поборником закаливания и тут же, поскольку вселились мы зимой, заткнул рамы ватой и заклеил их несметным количеством слоев бумаги. Довершала композицию профилактически-лечебная инсталляция из алоэ и герани в ужасных коричневых горшках – самый яркий образ социалистического подоконника. Все имело высший смысл, ведь каждая простуда единственного отпрыска женского пола становилась в нашей семье событием значительным и печальным.

Необычное соседство я заметила почти сразу: в процессе наукогрызения мои мысли регулярно уплывали за окно, а там практически каждый вечер происходили поразительные события. Как только темнело, над дверью приемного покоя того самого хирургического корпуса включали яркую лампу, что давало возможность разглядеть все происходящее в деталях, несмотря на расстояние. Сценарий всегда был неизменен: по несколько раз за ночь к дверям подъезжали кареты «Скорой помощи», легко и привычно взлетая на полутораметровый пандус. Задние двери машины открывались, оттуда выносили носилки с больным. Тут же, прямо на улице, пациента перекладывали на больничную каталку и спешно завозили в приемный покой.

Затем, чаще всего минут через десять-двадцать, можно было увидеть, как в операционной напротив моего окна загорается свет. Сначала появлялись операционные сестры, раскладывали инструменты и включали аппаратуру, потом завозили больного. Последними заходили хирурги. Все происходило быстро, но без суеты. Этот необыкновенный мир отвлекал меня от уроков и погружал в совершенно другую реальность. Непостижимо, иррационально и невероятно притягательно. Детали операции разглядеть было трудно из-за расстояния и спин врачей, но все же оторваться не представлялось возможным. Через несколько дней после появления ночного хобби я втихаря конфисковала у отца армейский бинокль. Преступление свершилось безо всяких угрызений совести, теперь появился шанс различить детали происходящего на операционном столе. Военная техника не подвела: в первый же вечер случился полный катарсис. Среди окровавленных салфеток и каких-то металлических предметов я увидела часть темно-красного ровного блестящего предмета, похожего на кусок говяжьей печенки, и тут же

почувствовала себя Эйнштейном. Стало совершенно очевидно: наша печень такая же, как у коровы или свиньи. Две больших мужских руки в перчатках довольно грубо, как мне тогда показалось, щупали эту часть живого организма, пальцы шарили, явно что-то искали. Потом из глубины совершенно живого человека начали доставать уже не совсем узнаваемые запчасти, их безбожно мяти и дергали и в довершение всего прямо на салфетку из живота вывалили огромный ком беспорядочно переплетающихся между собой розово-серых колбасок. С некоторым опозданием я поняла, что это был кишечник, самый длинный орган человека. Все перечисленное описывалось в учебнике по биологии, но только убогая картинка оказалась очень далека от оригинала. До конца досмотреть операцию в первый раз я так и не смогла: был риск оставить на тетрадке по математике весь свой ужин.

После всех этих переживаний в моей голове вертелись одни и те же вопросы: как такое возможно? Кто эти люди, которые кромсают и сшивают странные устройства внутри человека? Как могут они разбираться в этом механизме, чинить то, что сотворено до сих пор неизвестно кем, неизвестно откуда пришло и неизвестно куда уходит? Кто скажет, что знает ответ? При этом больше всего меня поразила уверенность, с которой эти на вид обычные мужчины ковырялись внутри живого существа.

Через некоторое время я поняла, что больница дежурит по «Скорой помощи» несколько раз в неделю, так что только в определенные дни операционная работает вечером и ночью. Вечерняя бригада неизменно состояла из двух операционных сестер, анестезиолога и двух или трех хирургов, один из которых возглавлял операцию, а другие, как я определила впоследствии, просто помогали ему.

Я ждала этих вечерних баталий с большим нетерпением, после многих месяцев стала узнавать хирургов по повадкам и манере работать, у меня появились любимчики, я выучила расписание их дежурств и предвкушала встречу, страшно жалея, что из-за масок нет возможности рассмотреть лица.

Один из них, я прозвала его Лезгин, – большой субъект с вечно торчащей из-под колпака нечесаной шевелюрой, – почти всегда был весел, в процессе работы непрерывно балагурил, и это значило, что все идет хорошо и легко. В самом конце праздника жизни он непременно тут же швырял перчатки в таз и хлопал по мягкому месту всех участвовавших в процессе дам, а потом частенько, когда, видимо, операция особенно удалась, начинал выплясывать лезгинку вокруг операционного стола. Несмотря на расстояние, несложно было понять: все присутствующие женского пола были влюблены в него, впрочем, как и я. Если же процесс излечения шел плохо, он мог запросто запустить инструмент в стену, после чего операционная сестра безропотно подавала ему чистый, терпеливо дожидаясь следующего приступа ярости. Я чувствовала себя абсолютно несчастной от невозможности даже просто приблизиться, побыть рядом, посмотреть и хотя бы краем уха услышать, о чем *они* говорят.

Запомнился совершенно седой старичок. Он был такого низкого роста, что перед операционным столом ему под ноги ставили деревянную скамеечку. В начале операции анестезиолог помогал ему забраться на подставку, осторожно поддерживая под локоть. Из-за своей сутулости дедушка напоминал рыболовный крючок. А смешные очки с толстыми стеклами сестры привязывали ему за дужки поверх колпака. Однажды операция началась в семь часов вечера, и когда я около часа ночи ложилась спать, медсестры по очереди продолжали заботливо освежать ему лоб и протирать очки. Проснувшись в три часа, я опять подошла к окну – старый доктор все еще оперировал, и лишь в четыре утра второй хирург, молодой парень, помог ему спуститься с возвышения и покинуть операционную. Через несколько месяцев подглядываний я поняла: старичок не дежурит регулярно, его привозят на «Скорой» два-три раза в месяц; видимо, в каких-то особых ситуациях. Девятого мая, проходя мимо больничных ворот, я узнала его в толпе готовящихся к демонстрации по низенькому росту и сутулой спине. Он был в форме военного врача, на груди мундира не осталось свободного места из-за орденов и

медалей, почти как у моего деда. В конце учебного года, перед началом школьных экзаменов, я опять засиделась за полночь и вновь увидела, как старая раздолбанная «Скорая» привезла дедулю к приемному покою. Тогда мне показалось, что ему было особенно тяжело вылезать из машины. С неприятным волнением я наблюдала, как доктор, опираясь на палочку, потихоньку идет от машины к дверям, отказавшись от помощи выбежавшей его встречать санитарки. Через двадцать минут, как обычно, загорелся свет над операционным столом, и ему, как всегда, приготовили под ноги подставку, но в этот раз он провел за работой всего около часа, и его сменил молодой парень, ассистировавший последние несколько недель.

После того вечера прошло всего несколько дней. Возвращаясь из школы, я увидела похоронную процессию за воротами больницы. Внутри у меня все сжалось от скверного предчувствия. Приблизившись, насколько это было возможно, я успела разглядеть в маленьком, будто детском, гробу сверкающие на солнце знаки давно улетевшей войны. Военный оркестр играл «Смуглянку», а в больничном скверике словно наступила зима: все пространство вокруг наполнилось белыми цветами. Мой дедушка был еще жив; меня душили слезы, но в то же время я была счастлива.

«Я могу прямо сейчас, потратив один жетончик на метро и двадцать минут времени, увидеть деда живым и веселым», – думала я.

Еще один главный герой операционной сцены тоже явно вышел из военных. Ему было около сорока, жестами и повадками он походил на моего отца. Держался всегда спокойно, никогда не суетился, даже если все вокруг начинали паниковать, он работал не спеша и уверенно. Однажды ему достался, как я догадалась, совсем погибающий больной, молодой парень. Операция длилась не менее шести часов. Я наблюдала, и мне, как всегда, страшно хотелось узнать, какая непонятная поломка случилась с таким же, как я, человеком, укутанным сейчас в белоснежные стерильные простыни. В течение этих бесконечных часов больного три раза возвращали к жизни, безжалостно всаживая в него электрические разряды один за другим и упорно пытаясь оставить в этом мире. В конце концов проиграли. Военный последним отошел от стола. Приблизившись к огромному окну операционной, он снял маску и колпак. Я видела в бинокль его лицо так явственно, как будто он стоял рядом со мной. Уставшие глаза и глубокие морщины. Несколько минут он просто смотрел в темноту, а потом мне показалось, будто губы его слегка зашевелились, как если бы он шепотом разговаривал с кем-то, не желая быть услышанным окружающими. Взгляд стал жестким, даже жестоким. Ужасно хотелось подслушать и понять, к кому же обращен его гнев по ту сторону ночной темноты.

Они были богами, и этот факт не подлежал сомнению: раз они могли спасти чью-то жизнь, значит, в этот момент радикально изменяли решение, которое принял кто-то наверху (или внизу, или еще где-то, черт его знает где).

Однако оставалось большой загадкой, как же можно присутствовать внутри живого человека, понимать и знать его устройство. Мне казалось, что выше этих знаний нет ничего, и все то, что проходили в школе, теперь считалось ненужным и бесполезным. В самых тайных мыслях я боялась даже представить себя там, рядом с ними. Невозможно нарисовать такую картинку, где я буду стоять в операционной, смеяться, как они, разговаривать, как они, понимать их и делать то, чем они заняты каждый день, находясь в непрерывном поединке с болезнью и смертью. Трудно преодолеть чувство собственной неполноценности, однако вечерние баталии за окном не отпускали, и я решила попробовать.

Воспламененные соседством с больницей идеи были сокровенной тайной, никто из домашних не догадывался о моих ночных бдениях. Школа наконец близилась к финалу, оставались еще десятый и одиннадцатый классы, и мое заявление о намерении пойти в медицинский было воспринято довольно истерически.

Во-первых, медиков в семье не наблюдалось до седьмого колена, интеллигенция развивалась сугубо в военно-техническом направлении. (Военмех – вот это институт! – опять же из папиного.)

Во-вторых, как мне сразу пояснили, не было ни нужных знакомств, ни лишних денег, а что такое Первый медицинский в Санкт-Петербурге, знали все. Просто impossible.

В-третьих, и самое главное. Из маминого: муж-медик – это ни денег, ни спокойствия, и вообще, в больницах творится страшный блуд. Последний факт страшно заинтриговал и только подогрел желание свершить невозможное. Судя по всему, на тайном семейном совете было принято решение не мешать, но и не помогать, надеяться на перемену в настроении находившейся в активном пубертате пятнадцатилетней девушки.

Так уже произошло однажды, когда в раннем детстве я с невероятным упрямством доставала родителей желанием поступить в музыкальную школу. Мама была на последнем издыхании с близнецами, отец поздно приходил с работы, и, как только я начинала разговор о музыкальной школе, отказ следовал незамедлительно. На помощь, втайне от всей семьи, пришел дед Ваня, научивший меня петь «День Победы», а потом нагло всем отправившийся со мной на вступительное прослушивание. Опять же не сказав никому ни слова. Педагог по фортепиано Любовь Аркадиевна была настолько поражена неординарностью моего репертуара, что, несмотря на полное непопадание в ноты, все-таки взяла меня в свой класс. Эпизод и правда оказался не без юмора: пела я ужасно, но с чувством полной уверенности в своей правоте. Дед пришел со мной на прослушивание в офицерском кителе со всеми орденами и медалями, и такая группа поддержки означала для меня абсолютную гарантию успеха.

Теперь же прийти на помощь было некому, дедушка уже не мог полноценно участвовать в моей очередной аванюре. Затаившись, я старалась не думать о том, что же буду делать, если не поступлю.

Периодически, раза два в неделю, я заходила к бабушке с дедушкой в гости, но даже там не решалась расслабиться и поделиться своими планами до конца. Жили они немного ближе к центру, чем мы, в добротном сталинском доме. Две большие комнаты в коммуналке с высокими потолками и хорошие соседи являлись причиной нежелания попробовать поменять все это хозяйство на однокомнатную квартиру в нашем районе.

Дед время от времени хитро поглядывал на меня, ожидая какой-нибудь вопиющей веселухи, да такой, чтобы все семейство разом проснулось и заходило на головах. Так ему нравилось. Причины его веселого душевного устройства оставались тайной, потому что дед был сиротой. В возрасте примерно пяти лет (точный возраст неизвестен) его нашли на железнодорожном полустанке истощенным, с тяжелой лихорадкой. Единственное, что он четко о себе знал, это имя: Иван. Сразу после того, как его накормили, он начал громко петь на коверканном хохляцком языке разные неприличные песенки, посему фамилию определили как Певучий. А дальше мореходное училище, Испанская, Великая Отечественная, Японская... короче, жилось ему теперь страшно скучно, и чем сильнее раскачивалась по разным причинам семейная лодка, тем для него было лучше. Самое важное – потенциал для безобразий он всегда находил прежде всего во мне. Никак не мог забыть кислую физиономию отца в те моменты, когда я яростно брэнчала гаммы на стареньком пианино.

Последние два класса пронеслись быстро, и провела я их рядом с тем самым окном. Я стала намеренно завешивать его плотными шторами и очень редко теперь позволяла себе отвлекаться на завораживающие спектакли. Время и пространство заполнялись несметным количеством учебников по биологии, химии, а также Булгаковым и Чеховым. Творения последних оказались понятны лишь местами, однако оба были врачами, что, несомненно, повышало ставки: сочинение по их произведениям явно могло прокатить.

Родители не могли не замечать гору книжечек с очевидным медицинским уклоном и существовали в такой обстановке беспокойно, с тайной надеждой на неминуемый провал. В

конце одиннадцатого класса меня таки заставили досрочно поступить в *нормальный* технический институт. В марте девяносто пятого года, еще не окончив школу, я оказалась студенткой того самого Военмеха. Несчастней перспективы для блондинки, с трудом боровшейся с математикой и физикой, невозможно было представить. Поступила я туда благодаря коллективному разуму большой компании пацанов из моего класса, также решивших воспользоваться началом грандиозных перемен в российском образовании и стать студентами еще до окончания школы. Какая такая реформа требовалась одной из лучших образовательных систем в мире, никто так и не понял, включая, судя по всему, и тех, кто эту реформу затеял. Так или иначе, угроза осеннего призыва отпадала сама собой.

По ночам я продолжала упорствовать, засыпая с толстыми конспектами о простейших, многоклеточных, ковалентных связях и свободных радикалах. Стадии развития сперматозоидов я вызубрила с каким-то особым остервенением, и, как оказалось, не зря: именно этот вопрос был первым в моем билете по биологии.

Финальный аккорд перед поступлением в Первый мед получился совершенно неожиданным: несмотря на то что ничего, кроме учебников, я вокруг не замечала, в июне после выпускного бала я вернулась домой с большим сюрпризом для себя самой – с поклонником по имени Владимир Сорокин. Вышеуказанный господин в первую же минуту внушил моей маме полный душевный покой: он был невозмутим, молчалив, в меру симпатичен, а самое главное – он был студентом третьего курса Финэка. На наш выпускной Владимира притащил его двоюродный брат, учившийся в параллельном классе. Кое-что непонятное в кавалере все-таки имелось: он проводил меня не только до квартиры, но и до моих родителей, передав им лично на руки, чего обычно молодые люди стараются избегать.

Предки Владимира несколько лет назад удачно переехали в Санкт-Петербург из Средней Азии. Глава семейства много лет проработал на каком-то закрытом объекте, безвозвратно исчезнувшем в пыли постсоветской истории. Семья была крепкой и зажиточной, что не могло не радовать моих родителей. Тут же последовал второй удивительный факт: вышеозначенный Владимир почти сразу после нашего с ним знакомства представил меня своей родне. Отнеслись ко мне спокойно, даже по-дружески. Отцу, совершенно очевидно, было все равно, а мать, судя по всему, нашла в моем появлении некоторые положительные моменты – ситуация стала предсказуема и необходимость переживать по поводу беспорядочной личной жизни сына отпала. Владимир оказался немногословен, его прошлые отношения так и остались для меня тайной.

Напомню: в то время я и сама была похожа на примитивное многоклеточное из моих конспектов и больше всего на свете боялась, что кто-то или что-то помешает мне своим чрезмерным присутствием. Братья нещадно выкидывались из комнаты при любой попытке отвлечь меня от учебников. Однако Владимир обладал определенной мерой терпения и довольствовался маленькими радостями: довозил меня до Петроградки, где находился институт, или же встречал после вечерней аэробики – единственного отдыха, который я себе позволяла.

И вот – июль 95-го.

Туман и напряжение.

Вернувшись домой после третьего, и последнего, экзамена, я плотно занавесила окно и решила не подходить к нему до того момента, пока наконец не узнаю свой приговор.

Вечером 24 июля отец позвонил в деканат, и на том конце провода совершенно равнодушная тетя сонным голосом сообщила, что списки поступивших уже висят в главном здании на доске объявлений и обслуживать всех страждущих по телефону она не собирается. Ночью я не спала ни одной секунды. Лежала, тупо уставившись на плотные занавески, отгородившие меня от всего, что находилось за окном.

Утром 25 июля я села в самый первый автобус и проехала пару остановок до метро. Пустые вагоны подземки вздрагивали, наверху дремала Петроградка, пока еще ненадолго про-

хладная и полупустая. Ноги казались мне ватными и плохо слушались. В ушах шумело, будто кто-то забыл закрыть водопроводный кран.

Никто, совершенно никто не может сейчас сделать это за тебя.

Глубоко дыша, я приблизилась к доске объявлений на стене деканата. Списки студентов в алфавитном порядке. Буквы плавали. Номер шестьдесят пять – Сокольникова Елена Андреевна.

Аллилуйя!

Я постояла еще какое-то время перед списком, перечитывая и перечитывая свое имя, потом, набрав в легкие побольше воздуха, повернулась и полетела в сторону метро, не чувствуя собственного тела, переполненная ощущением бесконечной свободы. Мир в одну секунду стал прекрасен, полон звуков, запахов, цвета. Почти дойдя до пешеходного перехода, я обернулась и еще раз посмотрела на институт, который должен был стать моим на ближайшие шесть лет. Множество малоэтажных корпусов, крохотный скверик, петляющие асфальтированные дорожки, словно паутина охватывающие этот маленький, совершенно самостоятельный мирок, отделенный от остального города вычурной петербургской решеткой. Все пространство за пределами кованой ограды казалось декорациями. Большие старые здания, припаркованные машины, люди, открывающие двери магазинов, небо, набегающие рваные облачка – все это являлось обрамлением сложного спектакля, текущего вроде как по своим внутренним законам и в то же время созданного кем-то извне и непрерывно исполняемого. Теперь эта пьеса казалась прекрасной.

Что ж, спасибо Вам, господин Режиссер.

Вечером мы с родителями порадовали себя шампанским, на столе красовался огромный торт. Компанию поддержали Сорокин и мои братья. Родители все-таки были рады за меня, братаны особо не углублялись в повод для тортика, Владимир оставался неизменно серьезен и особых эмоций по поводу моего поступления не выражал. Около десяти детское время вышло, все разошлись по комнатам, а Владимира мама интеллигентно выставила за дверь.

Я выключила свет в своей комнате и в полумраке подошла к окну. Помедлив, наконец раздвинула тяжелые шторы. Все находилось на своих местах: те же окна напротив, тот же свет, тот же сценарий. Я насторожилась, прислушиваясь к себе:

Все правильно. Реки текут. Я близко, но все еще чертовски непонятная и длинная дорога между моим окном и теми дверьми, к которым подъезжает карета «Скорой помощи».

Много лет прошло... позже я так и не решилась даже просто попробовать работать в операционной. Для меня было ясно одно – в природе существует божественный дар, и, не имея его, нельзя вмешиваться в человека, возвращая ему жизнь и здоровье. Почему-то у меня было такое чувство, что Дед Мороз пронес мешочек с подарком мимо.

1996–1998

Кульминацией первого курса стала зимняя сессия. Дни и ночи проходили в непрерывной зубрежке, противной латыни и общении с несчастным Йориком, украденным из анатомички. Йорик существовал почти без зубов, бедняга, но, слава богу, поверхность черепа почти не пострадала, что делало его вполне применимым для обучения. Поначалу все это казалось полным безумием: зачем обзывать каждую едва различимую ямку или выступ на косточке мертвым набором звуков какой-то абракадабры? Предки всегда гордились моей хорошей памятью, но теперь я обнаружила, что являюсь полным имбецилом: вызубренное трижды невозможно было воспроизвести уже через полчаса. А вылетать после первой же сессии совершенно не хотелось. Про амбиции круглой отличницы уже никто не вспоминал. Вечером накануне экзамена по анатомии я очнулась посреди кухни, мама стояла напротив и с ужасом таращилась на меня. Театрально обхватив голову руками, она срывающимся голосом звала отца на помощь:

– Андрей, иди срочно сюда, надо бы «неотложку»...

Картина маслом являла следующее: в руках у меня была большая папина кофейная чашка, до краев наполненная макаронами, поверх которых лежала еще и котлета. Не на шутку испугавшись за остатки своих мозгов, я побросала все учебники и назло врагам завалилась спать.

Короче, без лишних слез: учеба давалась непросто, особенно неприятно было окончательно осознать, что блондинке учиться на врача довольно хлопотно. Два первых года я никак не могла смириться с тем, что староста нашей группы, толстая очкастая дочь главного патолога института Наташка Пивоварова, всегда имела три шанса на экзамене, а я – половину малюсенького, едва уловимого шансика. Но, как это чаще всего бывает в жизни, трудности только злят и закаляют человека, заставляют бороться за место под солнцем еще яростнее. Теоретические предметы давались трудно, и порою уже хотелось сдать. Неожиданную поддержку я получила от своей одногруппницы Ирки Асрян, которая тоже страдала, но от интеллигентно припудренного шовинизма из-за ее фамилии и носа. Преподаватели зачастую довольно неприкрыто иронизировали по поводу интеллектуальных способностей народностей Кавказа. Однако Ирка была единственным ребенком в семье коренных питерских интеллигентов, в течение многих поколений живших на Васильевском острове, и главной чертой ее характера был цинизм, причудливо переплетенный с искренним желанием научиться «помогать людям жить» – жить, естественно, по ее, Иркиным, представлениям. Ненависть к Наташке Пивоваровой и необоснованные репрессии со стороны педагогов объединили нас. Для меня очень важным оказалось и то, что Ирка совершенно спокойно относилась к цвету моих волос и пятидесяти килограммам живого веса, обычно находившегося в узких драных джинсах или практически несуществующей юбке. Минимальным количеством одежды я демонстрировала всем старым девам на пропавших формалином кафедрах свой протест, а Ирку это только веселило в отличие от многих других девушек в нашей группе.

Как-то на втором курсе во время обязательной санитарной практики, которая заключалась в выдраивании больничных туалетов и работе в пищеблоке (Пивоварова, естественно, на этой практике отсутствовала), я в очередной раз пустила сопли по поводу вселенской несправедливости, на что у Ирки нашелся, как всегда, очень мудрый ответ:

– Не парься, Ленка. Посмотрим еще, кто будет *врач*, а кто так, погулять вышел и всю жизнь просидел при кафедре патанатомии. И потом, если не потянем, после третьего курса уже можно медсестрами идти работать. Совсем самостоятельными людьми будем. Кончай, короче. С волками жить – по-волчьи выть.

На том я немного успокоилась, продолжила отчаянно приводить больничные сортиры в надлежащий санитарно-гигиенический вид, а к концу месяца научилась чистить вареные яйца по пятьдесят штук в минуту.

Первые два года института я просуществовала, разделяя свою жизнь на три части: учеба, Вовка и Асрян. Ирка жила через четыре остановки метро от моего дома, что можно было считать счастливым случаем для такого большого города. Мои школьные подружки теперь тоже были студентками, встречались мы все реже и реже, и, остро ощущая недостаток в женском плече, я очень радовалась появлению Асрян в моей жизни.

Все это время Сорокин существовал рядом, прочно и неотступно. Иногда, отвлекаясь от учебы, я начинала думать, что все-таки это ненормально – в девятнадцать лет не иметь ровным счетом никого, кроме Вовки. Время от времени появлялись какие-то новые ухажеры, прицепившиеся в институтском кафе или в метро, и некоторые мне даже нравились, но молчаливый страж четко знал время и географию моих передвижений и практически каждый день встречал меня из института. Всякий раз после очередной попытки пересечься с какой-нибудь личностью я ощущала себя страшно лживой и неверной, особенно когда видела Вовкину машину у ограды института. На том все и заканчивалось. Пацанов в институте оказалось мало, по три-четыре человека в группе, а у нас и вовсе один на двенадцать девчонок. Рыжеголовый Саша через два года проживания в «курятнике» стал хорошо разбираться в колготках, косметике и краске для волос. Хотя все же присутствовали на курсе некоторые личности мужского пола – которые могли по прошествии нескольких лет встать за операционный стол. Уже тогда я чувствовала, как перехватывало дыхание от их пронзительных взглядов. Но нет...

К концу третьего года мучений наконец свершилось. Преподавателем по патофизиологии поставили молодого парня с большим запасом ядовитого юмора. Во время изучения органов пищеварения он достал из-под груды бумаг на столе рентгеновский снимок.

– А ну-ка, барышни, сейчас над вами поиздеваюсь. Что на снимке? Вопрос для пятого курса. Поставлю «зачет» прямо сейчас! Кто хочет стать миллионером?

Все наперебой заорали очевидное: на изображении желудок, наполненный рентгеноконтрастным веществом. Асрян осторожно молчала. Я тупо тарасилась на снимок и первые полминуты мысленно жалела нашего Сашку – уже не первый препод игнорировал присутствие в нашем маленьком коллективе единственного, но все же мужчины: «барышни», «девушки» или «милые дамы» являлось постоянным обращением в толпу. Но как только тщетные попытки получить на халяву зачет утихли, я вдруг совершенно четко увидела этот несчастный больной желудок, его неровные, изъеденные чем-то инородным очертания. Его выходное отверстие, различить которое было почти невозможно. Но еще труднее оказалось разглядеть тоненькую неестественную трубочку, как-то совсем некстати торчащую из середины желудка и тоже заполненную контрастом. На мгновение мне померещилось, что картинка ожила и несчастный серо-розовый мешочек стал хаотично двигаться, тщетно сопротивляясь, стараясь избавиться от багровой гадости, чуждой и разъедавшей все на своем пути.

– Можно, я попробую, Павел Александрович?

Препод вонзил в меня презрительный взгляд в предвкушении очередной глупости.

– О! Блондинкам слово!

– Это опухоль желудка, выход в кишечник закрыт. Тут, по-моему, операция была, трубочку пришили, чтобы пища выводилась...

Препод удивленно хмыкнул и впервые за все время занятий посмотрел на меня серьезно.

– Сокольников, это не трубочка, а анастомоз, но незнание конкретного термина, безусловно, простительно для третьего курса. Я спокоен за вас в будущем. Зачет.

Повисла изумленная тишина. Наташка Пивоварова в ту же секунду покрылась красными пятнами, Асрян злорадно улыбнулась.

Вечером этого же дня мы с Ирккой решили, что сразу после экзаменов летом устраиваемся работать медсестрами, в *ту самую* больницу рядом с моим домом и желательно в самое трудное отделение. Итогом размышлений стала гинекология. Мотивы казались простыми: позор выйти из института и не уметь делать внутримышечные уколы, снимать операционные швы, ставить капельницу или принимать роды. Всему этому можно было научиться именно в гинекологическом отделении.

Годы были трудные, медсестер не хватало, и нас приняли с распростертыми объятиями. Мы тут же поставили условие: с сентября работаем только в выходные. Но и это никого не смутило. Здоровье населения мало волновало власть имущих, впрочем, в этом отношении ничего не изменилось еще со времен Петра Первого. Хотя нет, на туберкулезных болотах вырос город.

С большим нетерпением сдав летнюю сессию, мы побежали в отдел кадров моей давнишней соседки. Она существовала, ничуть не изменив своим биоритмам. Люди в белых халатах сновали по территории между корпусами, не обращая на нас никакого внимания. На первом курсе казалось, что я не смогу даже перенести ногу через порог приемного отделения, пройти по тому самому пандусу для «Скорой помощи» и открыть дверь. Однако теперь уже все было не так. Теперь я могла профессионально драить туалеты, чистить вареные яйца на предельной скорости, ставить клизмы и даже знала, теоретически, как делать уколы и ставить капельницы.

Я могу тут быть. Три года – это реальный тюремный срок, и он дает право.

Вместе с Асрян мы в течение одного дня оформили все необходимые бумажки и на всю стипендию купили новые медицинские костюмы – белая кофта и зеленые штаны. Студенческие халаты казались портянками из детского сада, мы же хотели выглядеть как все. Накануне первого дежурства сидели у Асрян дома, предвкушая и боясь. Тряслась в основном я, Ирка же никогда не пачкала свой мозг такими недостойными вещами, как сомнения в самой себе; ее больше волновали практические последствия нашего трудоустройства. Она расположилась на широком кухонном подоконнике, достала из-за цветочного горшка спрятанную сигаретку и закурила. Момент был самый подходящий: родители отбыли на дачу.

– Теперь можно рассчитывать на собственные деньги, стипендия и какая-никакая зарплата – это уже что-то. Почти взрослый человек... вот так, Ленка. Это совсем другое ощущение, понимаешь?

– А вдруг кто-нибудь помрет прямо в отделении?..

– Кто-нибудь все время умирает, особенно дети в Африке. Кончай уже трястись, а то слышно, как зубы клацают.

На отделение мы явились утром в понедельник, за полчаса до начала смены. Вначале выслушали кучу непонятных слов от старшей медсестры, которой было совершенно не до нас. А потом, подгоняемые крепким словом более опытных товарищей, принялись носиться между процедурным кабинетом и палатами на таких оборотах, что не заметили того, как настала глубокая ночь. Не было сил ни есть, ни пить, ни тем более бояться. Мы просто упали на узенькие диванчики в сестринской комнате и проспали почти весь остаток темноты. Повезло: больница в этот день не дежурила, и пациенты на отделении не беспокоили до самого утра.

Вовка Сорокин два года как окончил Финэк; его мамочка, будучи к тому времени уже при должности (к сожалению, не могу вспомнить, какой и где), быстро нашла сыну место в приличной конторе; тоже, собственно, не важно, какой. За прошедшие годы мы с Вовкой привыкли друг к другу, жизнь наша двигалась вперед, и теперь, уходя утром из дома, я скорее по привычке произносила:

– Мам, я буду в одиннадцать.

Она же по привычке спрашивала:

– Почему так поздно?

Далее шли мои пространные объяснения касательно того, где я буду дислоцироваться начиная с четырех часов дня. Чем старше я становилась, тем сильнее обострялось нежелание что-либо кому-то объяснять.

Поработав уже года два и став гораздо увереннее в себе, Вовка предложил снять квартиру неподалеку от больницы, куда я только что устроилась. О том, как передвигаться по городу, Вовка не переживал: ниспосланная мамой очередная новая машина красовалась под нашими окнами каждый вечер на зависть соседским семьям с дочерьми.

Оставалось только поговорить о моем переезде с предками, но я об этом не беспокоилась, потому что знала, насколько лояльно родители относятся к Вовке. Однако вечерний разговор с мамой на кухне приобрел неожиданный поворот:

– Нет, Лена, я не против Володи и вашего совместного будущего, но все-таки без ЗАГСА – это неправильно. Пусть делает предложение, ведь, в конце концов, так принято.

Я прислушалась к себе, ожидая волны сопротивления, но, к удивлению, ничего подобного не последовало. Притащив свое тело в ванную, я встала перед зеркалом и уныло уставилась в свое отражение, прежде чем смыть с лица боевой раскрас. Теперь из зеркала на меня смотрела не смешная пацанка с неаккуратно подкрашенными маминой тушью ресницами, а вполне себе прикольная девица со стрелками а-ля Бриджит Бардо и остатками розового блеска на достаточно пухлых губах. Кр-р-расивая... почему-то в этот момент вспомнился божественный брюнет Петя с четвертого курса. Говорили, он уже неплохо ассистировал на гнойной хирургии... А при встречах вполне себе так недвусмысленно поглядывал на меня... В воображении явственно вырисовывалась картина: Петя входит в операционную, ждет, пока сестры наденут перчатки, встает за стол, четко и уверенно дирижирует процессом... маска на лице, большие зеленые глаза, влажный лоб...

Выйдя из ванной, я столкнулась с отцом. Вся остальная часть моего семейства уже тусовалась на кухне, телевизор орал, и я решила воспользоваться моментом.

– Пап, мне тут Вовка предложил пожить вместе, а маман против моего участия в не освященном ЗАГСом проживании.

Папа был захвачен врасплох. Помедлив с минуту, поковыряв указательным пальцем в правом ухе, что свидетельствовало о максимальной степени сосредоточенности (как правило, взгляд его при этом блуждал по потолку), он спросил:

– А ты сама что решила?

– Ну... я не знаю... Он же мне предложение не делал, просто пожить вместе пока.

Опять повисла напряженная пауза, заполненная папиным ковырянием в ухе. Я присела на корточки и прислонилась спиной к стенке узенького коридорчика между комнатами и кухней. Если честно, я немного волновалась, ожидая отцовского решения. Наконец он перестал ковырять в ухе и посмотрел на меня.

– Леночка, я давно хотел тебе сказать: ты на нас с мамой не равняйся. Нам с ней очень повезло – мы влюбились в правильных людей. Это случайность. Партнера надо все же головой выбирать. Пылкие чувства очень обманчивы. По большей части любовь возникает не к человеку, а к нарисованной тобой картинке. Но реальный же человек, как правило, совсем другой, только выясняется это слишком поздно. Для нормальной жизни нужны банальные вещи: чтоб был надежный, без вредных привычек, порядочный и желательно побогаче. Вот и думай теперь – про Володю это или нет. Только трезво и без эмоций. Если про него – то живи или там замуж выходи, какая разница. Это уже вам с мамой выяснять. Я приму любое твое решение.

На том и разошлись.

Ночью меня почему-то потянуло к окну, но после поступления в институт, а тем более после начала работы в гинекологии, я почти перестала воровать отцовский бинокль. Эмоции стали уже не те, многих из дежурной хирургической бригады я теперь знала лично, поэтому ощущения волшебства не возникало. Я сама являлась почти полноценной частью этой

системы. Вернувшись в кровать, я замоталась в одеяло. Сон не шел, мысли набегали одна на другую, сталкивались, превращая любую попытку размышлений в хаос. Через полчаса вращений вокруг собственной оси организм начал уставать и в конце концов медленно и тревожно впал в анабиоз.

Если так, то все правильно. Все уже записано и решено. Небедная семья, порядочные люди... Вовка с хорошей работой, четвертый год терпеливо нянчится со мной. Где уж найти надежней? А самое важное – я смогу учиться и самостоятельно жить, работать в больнице, и не нужно будет думать, где взять денег, даже если врачебная зарплата так и останется врачебной на долгие годы. Так что...

На следующий день Вовкина «девятка», как всегда, дежурила на выходе из института.

– Ну что, ты со своими говорила? Мама уже нашла нам квартиру. У нее знакомый риелтор. Так что все, как ты и хотела: недалеко от больницы.

– Поговорить-то поговорила. Отец не против, а мама про ЗАГС тут же завопила.

Вовка даже бровью не повел.

– Ну, если так, давай в ЗАГС сходим, как раз лето.

Я выдохнула.

– Ну, давай.

Событие запланировали на август, наступило радостное возбуждение в предвкушении грандиозной гулянки. Платье сшили просто и быстро, у маминной подруги, без кринолинов и фаты – и то и другое повергало меня в панический ужас. Асрянша изъявила желание засвидетельствовать наш союз, благо Вовка с ней неожиданно хорошо поладил, если учесть его довольно предвзятое отношение к людям с Кавказа.

Свадьба свадьбой, а жизнь продолжалась, и это был прекрасный период в нашей с Асрян трудотерапии. Мы помогали друг другу преодолевать страх перед первым уколом, капельницей и скальпелем, и к концу августа нас, несмотря на неопытность, уже не боялись оставлять без посторонней помощи вдвоем на семьдесят человек. Чем витиеватее и тоньше казалась вена, тем приятнее было в нее попасть и не наставить синяков. Воскресенья славились особенно горячими дежурствами. «Скорая» тащила всех тех, кто сидел дома до последнего момента: женщин с жуткими кровотечениями, криминальными абортами, выкидышами, внематочными беременностями и прочими «радостями», по сравнению с которыми простатит и импотенция казались просто легким насморком. В сумрачной процедурной разворачивались жуткие баталии за здоровье пациенток. Врачи в отделении были все как на подбор – лет за пятьдесят, старшей советской школы. Не позволяли никаких соплей ни себе, ни больным, ни сестрам.

Я представляла, с каким презрением буду смотреть на своих сопливых одноклассниц, не видевших ничего, кроме учебников, и не узнавших до сих пор, что такое медицина. Асрян на мои приступы нарциссизма реагировала философски:

– Болезнь третьего и четвертого курса, Сокольников. Думаешь, что уже все знаешь и равных тебе просто нет.

– Фу, Асрян, не гадь в душу.

Наконец двадцать второго августа девяносто восьмого года толпа разношерстной публики заполнила маленькое кафе. С моей стороны присутствовали две давние подружки из класса, конечно, Асрян, и, естественно, многочисленное семейство Сокольниковых – дядьки, тетки, двоюродные братья, сестры, а также всевозможные племянники и племянницы. Самым главным был дед в морском военном мундире с орденами и медалями и серебряным кортиком на ремне. Моя гордость и неопишуемая красота, мой любимый дед Ваня. Бабушка ради такого события покрасила волосы в радикально рыжий цвет, а дед подровнял усы и гладко зализал остатки седины. В последнее время подарки войны и старость давали о себе знать: после контузии теперь все чаще и сильнее болела голова, подагра медленно уничтожала суставы; в довершение всего он стал совсем плохо слышать.

Я жутко переживала, вдруг старикам будет скучно и про них все забудут в пылу застолья? Но дед не потерял хватки – увлек молодежь рассказами про то, как во время войны они отрывали голыми руками немецкие уши; про торпедные катера и японских убийц. Только он умел весело рассказывать про войну. Бабушка о блокаде не рассказывала ничего и никогда. Они были у меня с братьями единственными бабушкой и дедушкой: папины родители умерли еще до рождения внуков, один за другим. От них остался старый покосившийся домик под Лугой, много лет служивший нам приютом в летнее время.

Вовка не мог похвастаться большой семьей, хотя, если честно, детали его генеалогии меня не сильно интересовали. На свадьбу, кроме родителей, пришли только тетка с дочерью и сыном, а также друзья по работе. Господа Сорокины в целом, казалось, были довольны происходящим, однако легкое пренебрежение все же улавливалось. Источник угадывался в мадам Сорокиной. По ее периодически отсутствующему взгляду явно было понятно, что ей хотелось невесту побогаче, весьма вероятно, с приданым, состоящим из квадратных метров. Но поскольку единственный сын с годами все больше становился фетишем – его желания исполнялись любой ценой.

Все прошло зажигательно, лишь одна маленькая деталь все же немного омрачила веселуху: Вовка совершенно неожиданно для меня напился, и, собственно, не он один, что в конце концов привело к небольшой потасовке с панками, проходившими мимо. Панки мирно плелись по улице, когда я вышла подышать. Уже хорошенько набравшемуся Вовке в этот самый момент померещилось, что бедные насекомоядные как-то не так на меня посмотрели. Кулаки Сорокина и его товарищей оказались тяжелы, панки быстро сообразили: надо ретироваться. Застолье продолжалось до трех ночи.

Первую брачную ночь муж провел в обнимку с только что установленным в нашей съемной квартире унитазом. Таким я видела Вовку первый раз, искренне сопереживала ему и старалась помочь, чем могла. Подобное отсутствие романтики не сильно меня расстроило – ведь эту ночь никак нельзя было назвать первой, мы оба были детьми своего времени. Когда Вовка совсем обессилел и избавился от содержимого желудка окончательно, я помогла ему доковылять до комнаты, точнее, доползти, и уложила на разложенный диван, рядом с которым на всякий случай еще поставила маленький тазик.

Вовка захрапел через секунду, а мадам Сорокина номер два, изрядно устав, пошла в ванную. Смывая макияж и пытаясь расчесать крепко залитые лаком волосы, уложенные в дурацкую прическу, я поймала себя на мысли, что этот знаменательный день огорчил меня только одним: платье, даже без кринолина, мешало мне танцевать от души.

Утром следующего дня солнце встало так же, как всегда. Но Питер есть Питер, и к десяти утра небо над домами нависло тяжелым покрывалом. Моросил почти осенний дождь, и пейзаж казался совершенно серым и навевал тоску. Однако бесспорно положительной новостью являлась моя полная свобода. Теперь у меня имелась кухня, в которой командовала только я, комната, где вся геометрия сложилась так, как хотелось мне, ибо Вовка не обнаружил стремления к тому, чтобы что-то изменить в дизайне нашего жилища, к тому же съемного. С большим удовольствием я разбирала сваленные в кучу коробки с подарками и развешивала новые занавески. Разнообразные кухонно-бытовые фантазии одолевали меня до обеда, но быстро иссякли, в окончательном виде кухня приняла простой и незамысловатый вид.

Вовка мучился головной болью полдня. Еще не очень разбираясь в тонкостях детоксикации, я совершенно интуитивно решила сварить борщ. Когда тошнота и вызванное ароматами из кухни желание поесть сломили его волю, Вовка все-таки опрокинул бутылку пива и проглотил две тарелки моего первого борща, после чего к вечеру ожил. Мы созвонились с народом и отправились большой компанией в кино.

До сентября оставалось совсем немного. Я страшно соскучилась по институту.

1998–1999

Первые дни учебы принесли сразу несколько разочарований. Во-первых, летом не только мы с Асрян посвятили свою душу и тело реальной медицине. Десять человек из двенадцати наперебой рассказывали всякие гадости из жизни хирургии, реанимации, травматологии и даже морга на Пискаревском проспекте. Было обидно, но страшно весело. Во-вторых, все дамы, за исключением, конечно, Ирки, с завистью поглядывали на мое обручальное кольцо, особенно староста Пивоварова. Это означало только одно – меня ждут мелкие пакостные выходки в ближайшее же время.

С началом четвертого курса наконец-то проявилась настоящая медицина. Теперь мы не сидели в стенах института, а тусовались по разным больницам, где в красках познавали азы хирургии, терапии, лор-болезней и многого другого. Я поняла, что чувствую себя как рыба в воде, и каждое новое знание логично и само собой разумеющимся ходом мыслей вытекало из предыдущего. Произошли большие перемены.

Мои бесконечные передвижения по городу разрушали Вовкин сложившийся ритуал забирать меня из института. Встретить меня ему теперь удавалось буквально пару раз в неделю. Мешало также то, что он перешел на новую работу, где начальник не делал особых поблажек даже для блатных, так что уезжать, когда вздумается, у Вовки не получалось. Новая ситуация оказалась очень симпатичной, так как теперь появилось время просто посидеть с народом в кафе или даже после занятий сходить в кино. Подобралась небольшая компания с разных курсов, знакомые знакомых и друзья друзей, любители фильмов «не для всех», а также завсегда-таи самых андеграундных заведений Питера. Съезжаясь где-нибудь на Невском, мы всей толпой двигались в спонтанном направлении. Эти походы я обожала, однако присутствовало одно печальное обстоятельство – только мне одной из всей компании после фильма нужно было сломя голову нестись в метро, а не продолжать веселье где-нибудь на Апражке. Оставаться со всеми допоздна удавалось крайне редко. Помимо того, что Вовка не одобрял походы жены черт знает куда, он также с большим презрением относился к посещению апражкинских нечистот, жутких забегающих для нищих студентов. Он был прав – мало кто в нашем институте мог с первого курса перемещаться по городу на собственном авто. В целом ограниченная возможность тусоваться превращала мою «свободу» в какой-то совершенно псевдонаучный факт.

В нашу компанию затесался тот самый Петр с пятого курса. Первый раз он появился вместе со своей девушкой, красивой брюнеткой с моего курса. Ей завидовали все, включая меня, замужнюю женщину, и радости нашей не было предела, когда она пропала из поля зрения пару месяцев спустя, оставив Петра на растерзание. Как потом говорили, она очень, *очень* удачно вышла замуж.

Петя после этого события понурым не казался, но взгляд его стал резче, а разговор – злее. Ему уже обещали место на кафедре хирургии, пророчили «большое и светлое». Будущий золотой скальпель.

Как-то после лекций мы сидели нашей тусовкой в маленьком кафе на территории института, человек семь или восемь. Петька, как всегда, пришел последним и плюхнулся на единственное свободное место за столиком, как раз напротив меня. Наших разговоров он не слушал, взял чашку кофе и тупо уставился в окно. Пытаться выкинуть из головы мысль о том, что Петя невероятно красив, было бесполезно. Я вдруг отчетливо поняла: как же все-таки это неправильно, ведь ясно без всяких дополнительных фактов: *там*, к кому она ушла, не стоит и Петькиного мизинца. Он же талант, красавец и будущая «прима-балерина». Все, что мне оставалось, – это пытаться изобразить живой интерес к разговору за столом и перестать поглядывать на точеный профиль и длинные пальцы хирурга.

Однако предмет моего восхищения – Петя – неожиданно сам оторвался от окна.

– Сокольников, говорят, ты теперь Сорокина?

От неожиданности я немного потерялась. Асрян, наоборот, как всегда, успела первой:

– Петруха, ты до противного последним узрел очевидное.

Ирка схватила мою ладонь с кольцом на пальце и показала Петьке.

Тот злобно оживился и сосредоточил взгляд на моей вмиг прокисшей физиономии.

– Ну-ка, и за кого же у нас выходят замуж блондинки девяносто-шестьдесят-девяносто?

Внутри у меня все моментально заклокотало.

– Блондинки выходят замуж за мужчин, так же как и рыжие с брюнетками.

– Не-е-е, я в плане профессии.

– Он окончил Финэк.

– Финэк – это хорошо, ну а работает-то где?

– Господи, Петя, на работе работает, на *ра-бо-те*. Понятно?

Асрян тут же подлила масла в огонь:

– Ну ты, Петрик, даешь. Только слепой мог не замечать последние три года «скромную» вишневую «девятку» ровно в четыре часа у калитки. А теперь у нас «Форд Мондео».

– Аа-а-а. Ну, понятно.

Петька опять отвернулся к окну, постарался напустить на себя полное равнодушие, и его лучезарная корона как-то моментально криво съехала на затылок. Слова вылетели сами собой:

– Ничего тебе не понятно, Петя. И даже не буду утруждаться объяснять. У каждого, знаешь ли, своя дорожка. Главное, идти по ней не сутулясь. Усек?

Тут краем глаза я увидела в дверном проеме знакомую фигуру. Вовка осмотрелся по сторонам, увидел меня и подошел к столику. Кроме Асрян, его никто не знал, хотя ничего и не надо было объяснять. Для приличия я все-таки представила Сорокина всему собранию. Вовка довольно сдержанно поздоровался и сел на краешек моего кресла, положив руку мне на плечо.

– Решил заехать наудачу, вдруг ты тут.

– Классно. А то дождь. Неохота бежать до метро.

– А ты домой собиралась?

– А ты пораньше закончил сегодня?

Разговор за столом притих, народ напряженно ждал развязки, и я поняла: нужно как можно скорее уходить. Наспех попрощавшись, я в последнюю секунду поймала серьезный взгляд Асрян и понеслась к выходу, оставив на столе мелочь за свой чай. Домой ехали молча, слушали, как ползают по лобовому стеклу дворники, и я почему-то чувствовала себя проституткой. Тягостные минуты Вовкиного молчания были самым страшным наказанием, хотя давно уже надо было привыкнуть – Сорокин в трезвом виде редко выражал словами свои мысли, обиды и планы. Первая всегда сдавалась я.

– Вова, ну что ты надулся? Я что, преступление совершила? Я просто сидела в кафе, и все. Ты разве не позволяешь себе этого? Я же тебе ничего не говорю, когда ты в бильярд до трех утра режешься с пацанами?

– Я разве что-то сказал?

– А то я не вижу. Сидишь как сын.

– Я еду. Дождь, и дорога тяжелая.

– Понятно.

Молчание так и висело до конца дня. Наутро – как будто ничего не случилось. То был четверг, а в пятницу Сорокин пришел из бильярдной не в три часа ночи, а в пять. Запах пива заполнил всю комнату. Памятуя недавнюю сцену в кафе, я ничего не сказала даже в шутку и усердно постаралась изобразить крепкий сон. Однако алкоголь не лишил Вовку мужской силы: не говоря ни слова, с абсолютно не свойственной ему жесткой страстностью он развернул меня рывком и, опять же, в нехарактерной для него манере – грубо овладел моим телом. Не могу

сказать, что я сопротивлялась, но я была сильно удивлена. Утром за окном шел первый снег, пространство обновилось, старое стерлось и просветлело.

Суббота прошла на дежурстве. Асрян тактично не вспоминала о недавнем происшествии, но я как-то сразу почувствовала: появилась тема, касаясь которой Ирка не будет со мной до конца откровенна. По крайней мере теперь. Эта тема – Вовка. Хотя, если честно, мне и самой не очень хотелось обсуждать аспекты моей нынешней, доставшейся путем окольцевания и смены фамилии, так называемой свободы.

Слава богу, появилась новая, остро волнующая тема – Ирка наконец *познакомилась*. Как известно, армяне умеют жить гораздо лучше русских, а Асрян воплощала собой все самое необходимое, что может дать армянский генофонд для человеческого устройства и жизнеобеспечения. *Он* тоже был студентом Первого меда, на последнем курсе. Маленький толстенький некрасивый еврей Сашка Эпельбаум. Кроме главного достоинства – еврейской национальности, – присутствовало еще кое-что: папа его, начальник таможни в питерском порту, давно приготовил сыну место хирурга в Тихоокеанской торговой флотилии. Медицинское судно – ничего престижнее в те годы и представить было невозможно. Для Асрян все сложилось банально, предсказуемо и просто. Собственно, тут и обсуждать было нечего по двум причинам, которые Ирка сама же и сформулировала. Во-первых, она не скрывала отсутствия душевного трепета в отношении смешного очкастого еврейского отпрыска. Во-вторых, самый лучший муж – это муж с большой зарплатой в периодическом шестимесячном рейсе.

Что ж, предельно честно. Не возникало ни тени сомнения: этот брак будет удачным, если, конечно, состоится. Хотя, если судить по Асрян, можно было предсказать слияние евреев и армян со стопроцентной вероятностью. Бегая между палатами от капельниц к лоткам для шприцов, я рисовала себе картину, как же буду хороша в ярко-синем платье, свидетельствуя великий союз.

Вечером в сестринскую позвонила мама:

– Лен, привет, ты завтра свободна?

– Вроде как. А что, зовете на обед?

– Да нет. Я тут у бабушки. Дед что-то совсем поник, подагра замучила, два дня практически не встает. Суставы на руках и ногах все раздулись, страшно смотреть. Ты, может, зайдешь? Подумаем вместе. Наверное, его лучше в больницу. Или на дом вызвать специалиста?

Внутри у меня все сжалось, и стало очень-очень страшно.

– Мам, я утром сразу после работы приеду.

Я не была у них около месяца – закрутилась как белка в колесе. Деду натикало почти восемьдесят семь, в анамнезе война, контузия, ранение в живот, туберкулез и старость. В последние месяцы болячки все больше и больше напоминали о себе, суставы периодически напухали, по утрам он совсем не мог начать двигаться без обезболивающих. Теперь бабушка вместе с мамой были привязаны к его кровати мрачным поводом предчувствия. Утром я бросила Асрян одну сдавать дежурство и в восемь часов уже была у деда. Маман еще не успела приехать из дома, бабушка пыталась состряпать что-нибудь диетическое, громыхая кастрюлями на общественной кухне. В комнате стоял невыветриваемый запах лекарств, дед полусидел-полулежал в гряде подушек. Совсем похудел, лицо стало детским, и только высокий лоб со следами старой травмы оставался прекрасен, был таким, как и много-много лет назад. Дед всегда будет самым лучшим. Каждое Девятое мая, крепко вцепившись в его огромную ладонь обеими руками, я ревностно осматривала шагающих рядом ветеранов и всякий раз с бесконечной радостью констатировала факт: у нас медалей больше всех, а значит, мы сильнее и храбрее.

Смотрите, люди, во мне течет его кровь.

Дед, увидев меня, оживился:

– Леноч... привет. Как твои дела? Как ты учишься, как Володя?

– Привет, дедуся. Все хорошо, только вот с работы освободилась.

– Молодец, молодец. Только не бросай учебу. А то замуж вышла, так, наверное, ребенка родишь и институт бросишь.

– Да что ты, дед! Никогда в жизни. Ты ж меня знаешь.

– Ты у меня умница, красавица моя.

По морщинкам потекли слезы, я обняла его и сразу почувствовала, насколько он похудел – одни сухие косточки остались. Дед попытался отстраниться.

– Лена, я заразный, наверное, не обнимай.

– Ну какой ты заразный?! Прекрати.

– Эх, жалко, правнуков не увижу. Устал.

– Ну хватит уже. Все ты увидишь, не хандри давай.

– Лен, они с бабкой хотят меня в больницу упечь. Точно решили от меня избавиться. А я тебе сразу говорю: не поеду. Дайте умереть спокойно.

– Все, деда, не хочу это слышать. Пойду поесть тебе принесу. Никто тебя никуда не упе-
чет. Я прослежу.

– Нет. Я слышал, как мать с тобой по телефону разговаривала. Думают, я совсем глухой.

– Никто ничего не станет делать без твоего согласия.

Я вышла в общий коридор и тут же наткнулась на бабушку с кастрюлей овсянки. Целых полчаса мы с ней вдвоем, порой совсем теряя терпение, воевали с дедом за каждую съеденную ложку – нужно было, чтобы он хоть что-то поел. В десять утра приехала мама, и начался семейный кухонный консилиум.

– Лен, надо его все-таки в больницу. Что думаешь? Он уже встать из-за этой подагры не может, плохо мочится, совсем не ест. Ты же видела.

– Мам, от чего ты его решила лечить? От старости, что ли? Чтобы он в чужом месте не мог даже чаю попросить лишний раз?

– Ну что ты из нас фашистов делаешь?! Надо же как-то помочь. Ты посмотри, как он мучается.

– Лечение в такой ситуации можно и дома организовать. На моей памяти за последний год мы его уже пять раз в больницу отвозили, и что толку? Я попрошу кого-нибудь из наших врачей с терапии приехать его посмотреть. Правда, я там мало кого знаю пока, но за благодарность в денежном эквиваленте, думаю, приедут.

Мама, видимо, решила поддержать мое предложение.

– Давай мы заплатим еще за такси.

– Сначала найду кого-нибудь, а потом обсудим что почем.

На том и решили. В понедельник после учебы я притащила терапевта из приемного покоя нашей больницы – Семена Петровича, настоящего доктора Айболита, с которым познакомилась на дежурствах. Увидев припасенную моим отцом бутылочку армянского коньяка, он без колебаний согласился: тащить деда в отделение было бы убийством – и расписал лечение на дому.

Последующие три недели я жила между институтом и дедушкиной комнатой. После лекций я неслась ставить капельницу и делать уколы, потом тащила пробирки с дедовыми анализами в наш приемный покой. Дежурства на выходных пришлось нам с Асрян поделить: когда я дежурила в больнице, она заменяла меня на боевом посту у деда. К концу второй недели ему стало заметно лучше: воспаление в суставах спало, боли уменьшились, понемногу начали двигаться пальцы рук. Он пробовал потихоньку вставать, даже сам добирался до туалета, придерживаясь руками за стенку. Однако настроение у деда по-прежнему было совершенно не боевое: раздражение вызывала любая новая вещь, любая еда, слово, звук или запахи. Было легко понять, как он мучается от своего бессилия, потому что теперь это тело *точно* было не его. Настоящий Иван Певучий остался там, где грохотала война, где приходилось голыми руками отрывать уши немцу, вцепившемуся своими лапищами в шею, где так хотелось жить и это

желание с невероятной силой наполняло каждую клеточку организма. Самое главное – тогда он не был дедом. Он не был дедом даже тогда, когда тащил меня втайне от всех родственников на прослушивание в музыкальную школу. Его страшно раздражали все эти шприцы, пилюли и банки с растворами. Как только он обрел малейшую свободу, он тут же выгнал нас вместе с адскими приспособлениями и выбросил остатки таблеток и лекарств для капельниц, прежде чем мы успели их припрятать на всякий случай.

Прошло три недели, самочувствие деда улучшилось, но он совсем осатанел: срывался на неприличную брань в наш адрес и требовал прекратить даже внутримышечные уколы, настаивал, чтобы мы дали ему наконец копченой колбасы вместо овсянки. До ремиссии было еще далеко, но пришлось свернуть боевые действия и сдаться. Небольшой пакет не попавшихся ему на глаза шприцов я выкинула на помойку, понимая, что зря это делаю: все равно скоро ситуация повторится. Вся «отрава» понадобится заново. Домашние брюки и тапочки я не стала убирать далеко и сложила все в бабушкин комод.

Вовка ждал, с трудом припарковавшись в крошечном колодце; салон машины сильно прогрелся, меня немного укачало и из-за этого клонило в сон. В полудреме накатили забытые в последнее время мысли: эти три недели я так ни разу и не увиделась с нашей компанией. Асрян в мое отсутствие тоже не стремилась к общению и проводила все свободное время со своим перспективным евреем. Я же не признавалась даже самой себе, кого конкретно мне так хотелось увидеть. С каждым днем становилось все холоднее, и теперь вместо прогулок по Невскому вся наша компания сразу перемещалась на Апражку, в какую-нибудь из местных забегаловок. Это означало только одно: меня там не будет – идти на открытую конфронтацию с Вовкой мне не хотелось. Серая питерская осень заканчивалась тоской и безысходностью...

Однако адские часики тикали для деда гораздо быстрее, чем я думала. Буквально через две недели после окончания первой серии пыток позвонила бабушка, совсем упавшая духом: ночью у него опять раздуло суставы и поднялась высокая температура, почти сутки уже не было мочи. Взяв с собой Семена Петровича, я приехала к деду после лекций с новым пакетом лекарств. Дед так ослаб, что даже не поморщился при виде вываленных на тумбочку упаковок с новыми шприцами и капельницами. Семен Петрович провел у постели буквально полминуты, после с мрачным выражением лица написал новую петицию, в два раза короче предыдущей. Уже на пороге он кратко подвел итог:

– Только симптоматическое лечение, барышня.

Никто никогда не помнил имена новеньких медсестер.

Субботнее дежурство удалось поменять, и я решила остаться у деда на все выходные. После ухода врача сделала ему мочегонное с обезболивающим, надела свежий памперс и помчалась к метро: надо было заехать домой, собрать сумку в институт и оставить записку Сорокину. Дома я его не застала. Максимально вероятным объяснением Вовкиного отсутствия являлся пятничный бильярд. Быстренько поменяв учебники, я побежала обратно к деду. На часах было около десяти, в вагонах подземки уже никто не толкался, нашлось даже свободное место. Моя пустая съемная квартира только добавила мрачных красок в размышления: насколько я могла помнить совместную жизнь своих родителей, отец вообще не позволял себе не ночевать дома. И если бы Вовка мог довезти меня до бабушки на машине, мое отсутствие длилось бы не два часа, а вполовину короче. Мысли прервал громкий смех из другого конца вагона. Обернувшись, я увидела всю нашу компанию с Петькой во главе. Наверное, уже выпили не по одной пива, а то и чего покрепче, и теперь двигались догоняться дальше. Пятница только начиналась. Слава богу, мне было пора выходить, хорошо, что меня никто не заметил.

Пешая прогулка отняла еще минут десять, на часах уже было около половины одиннадцатого. Подходя к подъезду, я подняла голову и увидела: бабушка высматривает меня в окно. Раньше она так не делала *никогда*. Внутри все оборвалось, лестничных пролетов я даже не

заметила. Звонить не пришлось: бабушка стояла на пороге, замученная и совершенно потерянная.

– Лена, надо бы его покормить, а я разбудить не могу. Пойди, попробуй растолкать.

Сейчас, сейчас, ба. Сейчас растолкаю. Я сейчас же разбужу и покормлю.

В комнате царил полумрак, дед совсем утонул в белом мягком пространстве и съехал с подушек вниз. Пульс почти не прощупывался, вздохи были редкими и неровными. В голове у меня проносились строки из учебника по реанимации: дыхание Чейна – Стокса, Куссмауля... Дед впал в кому и потихоньку уходил. Было очень душно, я не успела снять свитер. По спине потекли струйки пота.

– Ба, иди на кухню, я тут сама.

Но бабушка продолжала бесцельно стоять около кровати, маленькая и поникшая. Половина ее волос оставалась ярко-рыжей, а от корней они уже отросли на несколько сантиметров и были седыми. Как у клоуна в цирке.

Главное – это тот, кто останется жить. Это главное.

– Ба, иди, говорю. Я тут сама. Иди, не стой. Я тебя позову.

Она посмотрела на деда совершенно спокойно и вышла из комнаты. Я присела на край кровати и взяла его за руку. Теплая. Пульса уже не было совсем, под полуприкрытыми веками взгляд остекленел и стал бессмысленным. Прошло еще несколько минут, и стихло дыхание. Я вызвала «Скорую»: нужно было взять свидетельство о смерти и, возможно, еще какие-то бумажки. Потом я укрыла его одеялом поплотнее, сложила ему руки на груди и закрыла глаза. Подумала, что надо найти бинт и подвязать подбородок... Опыт, слава богу, уже приобретен.

Это невероятно. Невероятно, как это может быть?! Какая глупость! Он же есть, он же тут... Можно прямо сейчас увидеть и ощутить: высокий лоб, след от ранения, шершавые ладони. Какая дурацкая нелепость...

Я гладила его измученные подагрой руки, желая удержать в них тепло. Изуродованные болезнью пальцы и тонюсенькое, как у ребенка, запястье, еще живое и сохранившее немного тепла. Казалось: сейчас он возьмет, откроет глаза и засмеется своей самой удачной из всех затей: «Вот это как получилось у нас! Нескучно получилось! А, Ленок?!»

Запомнить каждую деталь, каждую мелочь. Не дай бог позабыть. Как же я ненавижу это. Как же все это тупо, примитивно – все, что случилось сейчас, и что, черт возьми, вообще происходит вокруг?!

Бабушка смирно сидела в своей комнате и ждала моей команды. Минут через пятнадцать приехала «Скорая». Молодой мальчик с испуганными глазами попытался наброситься на деда с дефибриллятором, даже не спросив, когда и что произошло, плохо проверив реакцию зрачков. Я едва успела защитить несчастное, наконец-то освободившееся от боли тело. Но ребенок сдаваться не хотел.

– Девушка, я врач «Скорой помощи», я должен провести реанимационные мероприятия.

– А я архангел Гавриил и деда мучить не дам. Ему, по самым скромным подсчетам, восемьдесят семь. Оставьте его в покое.

Парень явно первый раз приехал на смерть, а тут еще борзоватые родственники помешали действовать в полном соответствии с учебником по «неотложке». Заполняя справку о смерти, он беспрерывно покашливал, руки тряслись.

– Доктор, у меня тут бабушка в соседней комнате. Дайте ампулу реланиума. Вдруг сильно перенервничает. Шприцы есть.

– Вы что, медик?

– Студентка.

Парень, как ни странно, под конец собрался с духом и повел себя по-мужски: прежде чем ретироваться, достал из раскладки ампулу реланиума. Бабушка выглянула из кухни, как только услышала звук закрывающейся двери.

– Ба, пойдем, я тебе укол сделаю, а потом родителей с Вовкой вызовем.

Бабушка теперь была как струна, прямая и нервущаяся. Кто пережил блокаду, тот не станет плакать. Даже стало смешно: уж что-что, а реланиум если и будет нужен, то только моей маман или Вовке.

Бабушка села на краешек кровати.

– Как хорошо, Ленок: соседи сегодня еще в обед уехали дачу закрывать. Никого нет.

– Пойду звонить, ба.

– Иди, иди. Я тут посижу.

Я вышла на кухню, в холодильнике обнаружилась початая соседская бутылка дешевой водки. Остаток ночи прошел в тумане, ампула реланиума так и осталась невскрытой. Откуда-то совсем из другой реальности материализовались сначала мать с отцом, потом братья и Вовка. Все ходили из комнаты в кухню и обратно, что-то у меня спрашивали, кто-то плакал. Потом я вспомнила, что плакали все, кроме отца, бабушки и меня.

Пусть заботятся сами о себе. Они живы, нестары и здоровы. Я люблю тебя, дед.

Как назло, два дня по Цельсию держался стойкий минус. Земля успела промерзнуть. В холода кладбище вообще очень мрачное. Летом зеленые краски дают надежду, а декабрьская черно-белая палитра нагнетает мрачные мысли. Кто-то шепнул на ухо: когда человека кладут в землю, прощающимся становится легче. В этот момент умерший находит свое пристанище и покой. Ни хрена! Тупое вранье. Я почти физически чувствовала холод этой отвратительной сырой ямы. Какое еще пристанище в таком мерзопакостном месте? Дурь собачья. Опустили гроб и начали кидать землю. Все сопровождалось ужасной какофонией: звякали лопаты о подмерзшие куски земли, люди топтались в грязном скрипучем снегу, кто-то негромко переговаривался. В голове стучал отбойный молоток. Потом на тяжелый земляной холм упали гвоздики, и я поняла, что деда действительно здесь больше *нет*. Мне остался серебряный морской кортик, братанам – ордена. Так он решил. Это было самое большое наследство в мире.

За две недели до Нового года мы с Асрян вернулись в наш обычный субботний рабочий режим. Дежурство протекало, как всегда, бодро, в шесть вечера я осознала – если наконец не схожу в туалет, то внутренности разорвутся. На семидесяти койках в отделении лежало восемьдесят человек, коридор был заставлен дополнительными кроватями. Движение и шум не прекращались ни на минуту, оставалось только молиться, чтобы «Скорая» не откопала на задворках города еще одну тяжелую внематочную беременность или криминальный аборт. Около десяти вечера мы осторожно, чтобы не сглазить наступившую тишину, прокрались в сестринскую и с надеждой на лучшее вскипятили чайник, включили маленькую электрическую плитку и наконец подогрели мои котлеты и Иркины овощи. Ноги гудели, желудок требовал еды. На время похорон и траура я брала две недели отпуска, и из-за этого накопилось много событий, не перетертых еще нашим с Ирккой вечерним бабским разговором.

– Как твой еврей?

– Еврей – прекрасно. Рассматривает меня под лупой. Ты ж понимаешь, какая ответственность перед семьей. Почетная обязанность сохранения генофонда с высоким айкью.

– И в чем же это выражается на практике?

– В двух параллельных потоках: цветы, кино и новые духи, а потом расспросы о здоровье, образовании, наличии вредных привычек и наследственных заболеваний у всех моих родичей, ну и завуалированно у меня. У подъезда каждый раз выходит, открывает в машине дверь с моей стороны и руку подает. Когда я сказала, что меня это напрягает, последовал рассказ про маму: в прошлую зиму вот так вот вылезала из машины, бедняжка, и растянула ахилл. Тяжело вылезать из нового «Лендровера».

– Блин, он что, до сих пор на тебя не покушался, что ли?

– Сокольникова, ты для начала вспомни, какой невинной девочкой появилась на первом курсе, и не задавай тупых вопросов! Отдамся, когда с родителями познакомит. Для евреев это все – практически приговор.

Как же я тебе благодарна за то, что называешь меня по девичьей фамилии. А также за то, что разговариваешь с набитым ртом, куришь в сестринской и не переносишь как минимум половину людского населения.

– Эх, хитра ты, Асрянша. Восхищаюсь. Точнее, нет. Не хитра, а, блин, расчетлива слишком. И что, никаких чувств, никакого желания?

– А сама-то что? Скажешь, сильно влюбленной замуж вышла?

Я приумолкла. Сказать мне действительно было нечего.

– Ладно, не обижайся, Ирка. Ты молодец. Я просто завидую, ты же видишь.

– Это ты ладно. Лучше на свою физию в зеркало посмотри: просто потухла после похорон, черные круги под глазами. Как на тебя еще и обижаться? Кстати, Петька на днях спрашивал: куда пропала, и все такое.

– Провоцируешь, что ли?

– Не-е-е. Просто почему-то кажется, что должна тебе сказать... предчувствие...

– Что ты там предчувствуешь – дурья чушь.

– Может, и чушь. Может, и нет.

– Ты же знаешь: я не променяю свой «Форд Мондео» на ходока в медицинском халате.

– А как же секс на операционном столе?

Мы смеялись, выплевывая друг на друга домашние заготовки. Но неожиданно у меня сильно закружилась голова, и через секунду все съеденное мною с таким удовольствием я выблевала в раковину.

– Черт, Ленка, ты что, подавилась, что ли? – спросила Асрян, держа меня за плечи.

– Да нет, просто что-то плохо стало... затошнило, надо было хоть что-нибудь в обед зажевать. Обожрались.

Я умылась и завалилась на диван, чувствуя сильную слабость и озноб. Голова продолжала кружиться.

Асрян внимательно глядела на меня.

– Лена, а когда у тебя месячные-то последний раз были, ты хоть следишь?

– Ой, ну прекрати! У нас договоренность: не кончать до шестого курса.

– Договоренность... Ну-ну. Давай-ка я тест возьму в процедурке.

– Ну хватит! Я же тебе говорю: ничего нет.

– Лена, лучше сейчас. Будет время подумать, если что.

Мне стало очень грустно.

– Ну неси. Ничего нет, вот увидишь.

– Нет так нет. Просто сходишь в туалет. Чего тут сложного?!

Через пару минут Ирка притащила из секретного запаса старшей медсестры немецкие тесты на беременность, и я, с трудом поднявшись от слабости, поплелась в служебный туалет. Что и говорить! Было израсходовано пять штук, но мнение эксперта не изменилось – две полоски. *Две*, а не одна. Именно две. Пять раз подряд.

Руки тряслись. Я высунулась в коридор.

– Ирка, принеси другие, *советские*.

Асрян громко хлопнула дверью сестринской и вместо процедуры ринулась ко мне, с таким же грохотом захлопнув за собой дверь служебного туалета.

– Покажи.

– Нечего смотреть. Они почти просроченные. Принеси наши, стандартные.

– Дай сюда, говорю.

Ирка практически вырвала у меня из рук все пять картонных полосок и, мельком взглянув, громко расхохоталась.

– Ага, просроченные. Будут ровно через полгода. И главное – все пять. Поздравляю тебя, Сокольников: опять первой будешь в группе. Девки с ума сойдут от зависти. И замуж первая, и ребенка.

Иркин хохот лишил меня остатков самообладания, и я совсем пала духом.

– А ты что-то не завидуешь, как я посмотрю.

Легким движением она выкинула злосчастные полоски в пакет для мусора и, повернувшись ко мне, скрестила руки на груди.

– Нет, не завидую. Не знаю даже почему. Просто не хочу, чтобы ты от него рожала. Не хочу, и все.

– То есть от еврея можно, а от Сорокина нельзя? Понятно... И чем это он так тебе не угодил?

– Значит, не угодил. Какая разница чем?! Я и сама пока не понимаю. Просто не угодил, без объяснений. Ленка, я ж тебя знаю. У тебя сейчас в глазах тоска.

Наверное, так оно и было в ту минуту. Почти наверняка.

– Ладно, я еще ничего не решила. Дебильное окончание гребаного дежурства. Давай хоть попробуем прилечь. Сил уже просто нет. Черт с ними, с этими тестами.

В коридоре стояла тишина, мы закрылись в сестринской на крючок и выключили свет. Ночь, как назло, выдалась удивительно спокойной, так что не на что было отвлекаться. Я лежала в темноте под Иркино мирное сопение. Конечно, не спала. В голове бродили разные мысли. Получилась полная нелепица: попытка приобрести через поход в ЗАГС свободу и взрослую самостоятельную жизнь оборачивалась невероятной хренью в виде декрета на работе и, что самое ужасное, академического отпуска в институте. Вот теперь это реальная семейная единица, реальный муж, реальные заботы – вместе до конца...

Круг замкнулся.

Нет, аборт, только аборт. Никаких академок. Никакого декрета. Потратить столько сил и времени... и теперь все коту под хвост... Нет! Ничего страшного не случилось: срок наверняка пять-шесть недель, не более... Блин, как можно было не заметить?! Ведь уже реально две или три недели как задержка. А может, и больше. Идиотка, могла бы мини сделать. Поздно.

Правая рука затекла, и я потихонечку, стараясь не провоцировать жуткие пружины в старом диване, перевернулась на другой бок. В голове проносились образы из процедурного кабинета: микроскопические головки, ножки, ручки, височные косточки в белом эмалированном тазу, забрызганном темно-красной краской, самой женской красной краской на земле. Таз всегда ставили на подставочку между ног. Процесс осуществлялся под одно и то же музыкальное сопровождение – монотонный подскребывающий звук с периодическим хлюпающим подпевком. Все, что было убито за десять, максимум двадцать минут, вытаскивалось безобразной кровавой массой наружу. Хлюп-хлюп.

Доктор, пожалуйста! У меня не больше двенадцати недель. Я прошу вас, доктор, помогите...

Непонятно откуда появился Петька: он сидел в том самом кафе около нашего института – за столиком почему-то больше никого не было. Вот все-таки странный, подумала я. Какой приколот сидеть одному в кафе? Скучно же... А может быть, он кого-то ждет? Даже наверняка. Новая пассия... Не зря же в окно пялится: явно высматривал... Пальцы, как у Паганини. Прекрасные мужские руки – руки хирурга. Через десяток лет будет звездой операционной, это точно.

Мне страшно хотелось подойти и сказать что-нибудь умное, а может быть, смешное или просто какую-нибудь язвительную гадость. Но я не решилась.

Кого же он ждет? Ведь лекции давно закончились... У меня возникла шальная надежда: может, меня – и тут же улетучилась...

2004 Октябрь

– Сорокина! Еле-е-ена Андреевна, к заведующей зайдите!

Я вжалась в стол. Орала наша старшая медсестра Лилия Ивановна. Нежелание лишний раз передвигать свою пятую точку по длинному больничному коридору приводило ее к необходимости истошно вопить. Семьдесят метров как-никак. Сил общаться с начальством после ночного дежурства не осталось никаких, надежда улизнуть в два часа и самой забрать Катю из сада таяла по мере приближения к кабинету заведующей.

Светлана Моисеевна была не просто начальником эндокринологического отделения, где я работала последние два года, а настоящей главой прайда. В укор всей эндокринологии она была божественно толста. Неприличная даже для заведующей золотая цепочка со звездой Давида – размер украшений был сопоставим с размером бюста. Макияж создавался по утрам, вероятно, не менее часа: тона всегда не по-еврейски агрессивны. Маникюр, без вариантов, алый. А в довершение образа – хрипловатое от многолетнего курения контральто. *Do as doctors say, don't do as they do.* Короче, ее все любили.

Но сейчас призыв к телу прозвучал совершенно некстати: ноги ломились от ночных скачек с препятствиями по приемному покою, голова кружилась, страшно хотелось спать.

Уже постучав в дверь, я сообразила, как глупо спалилась: заранее в ординаторской поменяла медицинские брюки на джинсы. Глядя со стороны, можно сделать вывод: верх еще на работе, а низ уже ушел домой.

– Светлана Моисеевна, вызывали?

Опытный взгляд заведующей, вырастившей не один десяток таких тунеядцев, как я, сразу вцепился в новые светло-синие джинсы.

– Заходи. Молодежь, уже небось ласты домой намылила. А, Сорокина? А между делом, еще всего лишь тринадцать тридцать! Бо-о-оже мой (вот это всегда было удивительно по-одесски), нет сил уже с вами воевать, бессовестные люди... Мы в ваши годы просто сутки, сутки напролет, не поднимая головы! На Дальний Восток, в пустыни. А тут теперь, понимаешь, аспирантура, ординатура, чистые халатики! Только-только после института, а уже большой карман пришей, как говорится! Совершенно ничего еще не понимают, а мнят себя профессорами. А, Сорокина?

Поток словоблудия всегда сопровождался бешеной жестикуляцией.

Интересно, а я-то что? В конце концов, уже третий день отсюда не вылезаю: приемник – отделение, отделение – приемник. Да у меня ребенок – настоящая сирота! И где это мой набитый личностью большой карман? Дырка в нем, что ли?!

Я собрала последние силы и надела виноватое лицо.

– Светлана Моисеевна, я просто уже две ночи из приемника не вылезаю: Семен Петрович заболел. Я уже все сделала по отделению, хотела вот пораньше на двадцать минут выйти...

– Так, не оговаривайтесь, Елена Андреевна! Я прекрасно в курсе, чем таким Семен Петрович заболел: вчера из его кабинета санитарка целый ящик бутылок выволокла, кошмар... Боже мой, да что вам говорить! Бесполезная трата щитовидной железы! Ну да ладно... Так... зачем это я тебя вызывала?..

Атеросклероз, матушка, страшная вещь.

– А! Вот что! Я тут сама с собой посоветовалась и решила: все-таки надо кому-то из молодых дать платную палату, но только *одноместную и одну*. Василиса Семеновна рекомендовала тебя, уж не знаю, за какие такие успехи. У меня все равно времени нет за вами всеми смотреть. Возьмешь седьмую. Кстати, туда сейчас какую-то даму из реанимации переведут.

Впервые выявленный диабет... И повнимательнее: сынок там вроде как новый русский или что-то в этом репертуаре... Боже, как же я это словосочетание не люблю... новые русские, старые русские... Понятно все?

– Хорошо, Светлана Моисеевна. Спасибо большое. Можно идти?

– Угу... А! Нет! Стой... Уже, между прочим, который месяц замечаю... Что это ты так много дежурств в приемнике берешь? И не списывай на больных товарищей. У тебя же семья, ребенок. Все никак в д'Артаньяна не наиграешься, что ли? Про ваши ежевечерние веселья на хирургии знает вся больница, а приемник с реанимацией просто славятся! Учти: я долго терпеть не стану твою постоянную зевоту в ординаторской. Или эндокринология, или шашкой всю жизнь махать.

Точно атеросклероз: то мало работаешь, то много.

– Я учту, спасибо большое. Просто не хочется первый сертификат по терапии терять...

Жестикующая моментально усилилась.

– Ну бо-о-оже мой, что ты все время, просто все время оговариваешься! Невозможно! Так, все, иди. Я тебя последний раз предупредила!

Этот последний раз был не менее чем двадцатым. Выйдя из кабинета, я в удрученном состоянии поплелась к седьмой палате, не ощущая абсолютно никакой радости от частичной отмены дедовщины в отношении платных услуг.

Если сейчас там еще и сынок начнет морду кривить, загрызу.

Около палаты меня выловила Лилия Ивановна и всучила историю болезни.

– Вот, только передали с реанимации.

– Спасибо, осчастливили, блин.

Ответной реакции не последовало: молодых врачей на отделении было трое, и никто из нас пока не смог внушить старшей медсестре уважения. Я посмотрела на обложку истории: Полина Алексеевна Вербицкая, 1950 года рождения.

В палате стояла тишина, никаких родственников в досягаемом радиусе не отмечалось. Тут было много небывалых по тем временам излишеств: стеклопакеты, плотные занавески, холодильник, микроволновка, новый линолеум, приличных размеров стол и шкаф для одежды, а самое важное – отдельный санузел с душем. Пахло недавно законченным ремонтом. Кровать поставили подальше от окна, в полумраке. С порога я даже сначала не поняла, где больная: она была настолько маленькой и хрупкой, что одеяло почти полностью скрадывало очертания тела. Я приблизилась и села на краешек кровати, потихоньку перелистывая историю болезни. Женщина спала.

Вот странно: откуда диабет? Ожирения нет, метаболический синдром под большим вопросом... Черт, так надеялась увидеть огромную армянскую маму. Уж с этим народом я научилась разговаривать.

Женщина оказалась совершенно петербургская: седые, без следов краски, волосы аккуратно забраны в гладкую прическу, подчеркивающую высокий лоб, черты лица благородны и глубоки. Тут же вспомнилась одна из преподавательниц Вагановского училища, которых я частенько наблюдала, гуляя в Каткином саду: изящной походкой, в маленьком темном берете, приталенном элегантном плаще и на неизменных каблукках, она со своим выводком шествовала в сторону Невского проспекта.

Девочки, спину держать...

Годы только прибавили госпоже Вербицкой достоинства и красоты. Тонкие ненавязчивые духи, домашнее постельное белье, аромат женской косметички, прекрасные хрупкие пальцы, почти не тронутые временем, тонкие запястья и изящная шея. Запахи и линии, пастельные тона, глубокий спокойный сон. Это была идеальная картина, ни одна деталь не разрушала гармонию. Только легкий след ацетона в дыхании и предательский диабетический румянец. Казалось, сейчас проснется и будет совершенно здорова.

Вот все-таки странно: «перо», торчащее из брюха татуированного пацанчика, воспринималось совершенно логично, разбитая башка у пьяного в стельку водителя – тоже. Но в этой картинке не было логики.

Я раздвинула занавески. Звук и свет разбудили ее. Несколько секунд она еще не понимала, где находится, потом осторожно приподнялась на кровати, надела очки, помогая себе вернуться в реальность.

– Добрый день. Простите, я заснула. Ждала врача с отделения... Не спала дома почти два дня...

– Добрый день. Меня зовут Елена Андреевна. Веду эту палату.

Несколько секунд тишины, и она вернулась в это пространство и время окончательно.

– Ой, здравствуйте, доктор. Какая вы молодая! Господи, простите. Я знаю, доктора не любят, когда им намекают на юность. Не обижайтесь, ради бога. Я считаю, что только молодость обладает живостью ума и способностью развиваться.

– Ничего, Полина Алексеевна. Не извиняйтесь. Я уже привыкла. Так... Вас только что перевели из реанимации... Историю я вашу посмотрела. На каком этапе мы сегодня находимся, более-менее понятно, однако хочу у вас поподробнее узнать, что дома случилось. Как вы сами считаете: долго ли болеете?

Прилагая усилия, она встала с кровати, сняла со спинки кресла темно-синий домашний халат, накинула его поверх сорочки и села за стол рядом со мной, машинально пытаюсь привести в порядок прическу. В каждом движении была заметна дикая слабость, руки немного дрожали.

– Даже не знаю, как это все произошло... Плохо себя чувствую, наверное, последние месяца два. Хотелось пить постоянно, знаете ли. Какое-то непроходящее бессилие, озноб почти ежедневно к вечеру. Вообще, я человек абсолютно здоровый. У меня даже медицинской карточки в поликлинике нет. Тридцать лет отработала учителем, посещала врачей только на медосмотрах. Все некогда, знаете ли. То классное руководство, то выпускные... Не понимаю, что такое произошло: у нас в семье принято питаться правильно, сладкое я не ем – не люблю, да и жирной пищи дома стараемся избегать.

– Не простывали сильно в последние полгода?

– Нет... наверное, нет. Внучка у нас находится со мной дома, детский сад не посещает, гости тоже редко приходят... Нет, никто не болел.

– А может быть, какой-то стресс перенесли в недавнем прошлом? Что-то случилось неожиданно, понервничали?

– Да нет, Елена Андреевна. Не вспомню... Жизнь моя теперь однообразна, в ней мало событий. Когда человек выходит на пенсию, единственное, что его может выбить из колеи, – это неприятности в семье. У меня, слава богу, все очень хорошо.

– Ну что ж, сейчас посмотрю вас. В ближайшее время нам надо попытаться перейти с инсулина на более мягкие средства. С вашей стороны прежде всего требуется строгое соблюдение диеты – я расскажу вам об этом более подробно. Возьмите еще, пожалуйста, вот это пособие. Тут все написано о питании при сахарном диабете.

Я протянула ей приготовленную заранее брошюру для больных, довольно муторную и слишком подробную.

– О, прекрасно, доктор! Не утруждайтесь длинной лекцией. У вас такой усталый вид... Не тратьте на меня лишнее время. Я ведь педагог – с бумажного листа усвою не хуже, чем со слов.

Какое чудо! Замечательно. Просто везение, а не пациентка.

– Хорошо. Я тогда вам пока оставлю до утра почитать.

После разговора я осмотрела ее, изучила еще раз анализы, повторно осознавая свою неполноценность, убедилась, что болезнь пришла непонятно откуда и, похоже, крепко уже ее помотала.

Думай, Сокольников, думай. Без причин нет лечения.

По дороге домой я крутила в голове свою первую платную больную, перебирая варианты возникновения ее внезапной болезни. Размышляла о том, что мы до сих пор так и не знаем, где подстерегает нас несчастье и откуда все же берется вся эта гадость. В приемнике процесс значительно упрощался – ты и смерть, face to face, игра по правилам. Но на отделении, где лежали больные с многолетним хроническим багажом, *она, смерть*, не хотела показывать лицо, пряталась, будто ее и нет. За два года, проведенных в стенах нашего тухлого валежника под высокопарным названием «эндокринология», я поняла: тут *она* не хотела тягаться с людьми в белых халатах – в основном ей лень и неинтересно. *Она* играла дома, незаметно, подпитываясь человеческими слабостями и горем, десятилетними переживаниями, предрассудками, беспочвенным страхом, нежеланием посмотреть на себя в зеркало. Когда люди попадали в больницу, *она* пряталась в домашних вещах, наспех втиснутых в больничные тумбочки. И лишь иногда показывалась из тени, говорила тебе: *эй, доктор, я тут самую малость отдохну, но ты не думай, что отдыхать буду долго, – все они рано или поздно придут ко мне.*

Забрать Катку из сада, конечно же, не успела, так что потащила прямо домой. Вот уже несколько лет, как появилось чудо в виде сотовых телефонов, так что мама всегда выручала. Она работала после рождения Катки исключительно на дому – вела бухгалтерию парочке ларечных королей. К тому времени родители Вовки построили дом под Петродворцом, оперативно продали свою квартиру и купили другую – поновее, двухкомнатную, с улучшенной планировкой. Моя больница опять оказалась рядом. Так что все мои жизненные точки, работа, садик, дом и родители, оказались в пределах пеших передвижений. Непозволительная все это, надо сказать, роскошь, особенно для рядового жителя Северной столицы. Асрян через год после меня обзавелась маленьким чернявым мальчиком, родители мужа сразу после пополнения семейства купили для молодой семьи хорошую трешку в пяти остановках метро от моей новой квартиры. Евреи ждали еще детей – но не тут-то было. Никто не планировал больше страдать от тошноты, отеков, родов, мастита, детского плача по ночам.

Катерина с мамой уже были дома. Кухонные запахи и детские вопли расслабляли. Непереносимо хотелось спать, но еще надо было как-то продержаться до Каткиного засыпания. Слава богу, маман немного прибралась и сварганила обед. Мне же оставалось лишь валяться с Каткой, рыжим существом, которое ползало по мне, как обезьяна.

Выглянула из кухни мама в переднике, с поварешкой и тут же исчезла. Сквозь журчание воды из кухонного крана послышались знакомые мотивы:

– Лена, может, уже завязать хотя бы с дежурствами?

– Привет, мам.

– Привет, дочь. Так что по поводу дежурств, наконец? Имеются ли свежие идеи?

– Мам, я прямо сейчас все бросить не могу: я уже в график вписана на два месяца вперед. И потом, это и мне надо, иначе опыта не набраться.

– По-моему, с вашего отделения никто больше из врачей не дежурит, только ты.

– Кто информацию слил? Никак Асрян?

– Между прочим, это твоя единственная подруга и, что самое важное, – гораздо более трезвый человек, чем ты.

– Что правда, то правда... Мам, ну я сейчас вообще не в кондиции в прения вступать. Давай потом.

– Все же ты уже имеешь опыт, пусть и небольшой. Два сертификата. Могла бы попробовать в частную клинику устроиться. Для матери и замужней женщины это гораздо больше подходит, чем ваша ужасная организация.

– Хорошо, мам, я поищу, поищу. Что в саду?

На этой теме тон ее голоса резко менялся с укорительного на восторженный.

– Ой, пришла за ней – едва смогла утащить домой! Вся в подружках, делах, интригах... Прямо черт в юбке! Кстати, сегодня уже полгруппы не пришло: опять какой-то вирус, так что готовься.

– А что готовиться? Больняк все равно не взять: в приемнике меняться уже совсем не с кем. Все ушли на фронт, как говорится, – кто в запое, кто уволился, кто в декрете.

– Ну, значит, как обычно, я на посту.

– Как обычно, как обычно...

Она вырулила из кухни уже без передника и поварешки. Мы с Катькой валялись в прихожей прямо на паласе: Катьке просто так нравилось, а мне было не встать.

– Лена, я домой собираюсь уже... Тебе еще как-нибудь помочь?

– Нет, спасибо. Ты и так выручаешь.

Мама начала одеваться. После правого сапога возникла пауза.

– Лен, не хотела тебя расстраивать... Сегодня я тут опять ночевала. Не дождалась. А он трубку не брал.

– Снова пьяный приперся? Во сколько?

– Не знаю. Я на часы не смотрела. Мы уже спали с Катей. Я ее в гостиную вместе с собой забрала. Не шумел, слава богу. Зашел и тут же завалился. Утром еле на работу встал. Лен, ты не отчаивайся пока, попробуй все-таки с ним еще поговорить. Или с родителями. Ну что же он так: молодой, умный, с образованием, а жизнь тратит на что – непонятно.

– Мам, уже много раз говорено и с ним, и со свекровью – телега не двигается. Господи, даже не позвонил, гаденыш, и ты тоже не позвонила.

– Так что тебя дергать? Нет смысла, ничего бы не изменилось.

– Ладно. Спасибо тебе. Буду справляться как-то.

– Когда дежуришь?

– В субботу.

– Понятно. Если что, буду готова. Я пошла.

– Пока.

Я кое-как поднялась с пола. Катька теперь висела у меня на спине и не собиралась слезать. Вместе со своей ношей я закрыла дверной замок и двинулась на кухню.

Черт, интересно, что же нас сегодня вечером ждет?

Мысль резко испортила приятное расслабление. Включилось вошедшее за последние годы в привычку тревожное мозгокопание. Я припала к окну и стала выискивать на стоянке синий «Форд». Машина оставлена свекровью в довесок к квартире. Нашего авто не наблюдалось, что являлось неплохим знаком: за рулем, значит, сегодня сильно не напьется, хотя последнее время и это препятствие устранялось различными способами.

Несколько звонков на мобильник – без ответа. Я продолжала пялиться в окно, ожидая неизвестно чего, а маленький ленивец за спиной что-то высвистывал бурным бессвязным потоком прямо мне в ухо.

Наверное, виновата я. Хотя бы себе самой надо наконец признаться, что никаких бурных эмоций, а тем более глубоких чувств, Вовка не вызывал с самого начала. А зачем замуж-то вышла, а? Типа расчет... ну да, именно, что типа...

Ладно, тоже на себя не наговаривай. Столько лет вместе: родной запах, родной голос, руки.

Ведь это так. Так было. Конечно, было. Даже есть сейчас. Если особенно не вспоминать про историю с Петькой.

Хотя, блин, это просто сумасшествие! Ты точно спятила, Елена Андреевна. Какая история с Петькой? Что было-то? А, господа? Не смешите!

Может, я не тот человек, который ему нужен? Именно... Не для него. Вот в чем причина. Всего лишь не чувствует рядом со мной комфорт и удовлетворение. Давно ведь все это уже тянется, еще с самого знакомства... Поступила сама на бюджет, окончила, несмотря на Катьку, без академки. А он ведь на платном учился, как потом выяснилось. На работу сама устроилась, а его маман за ручку приводила каждый раз. Хотя ведь просила ее: ну пусть хоть что-то сам, так нет – нате квартиру, нате машину, нате работу. Все что-то злится, чем-то недоволен. И самое главное: ребенок ничего не изменил – только хуже стало. Конечно, Катьку он по-своему любит, в меру врожденного эгоизма и лени... Ладно, надежда умирает последней. Совсем запуталась...

Мы переползли в гостиную и завалились на диван. Катка все вертелась, сопела, торопливо бормотала про садик, про Ваську (господи, это кто?). «Василий сегодня нагло вырвал заколку из волос. Было очень больно».

Вот сволочи мужики.

Вечер катился дальше. Я переместилась в спальню. Вечерние мероприятия прошли как в тумане: книжка, сказка, «мамуся, я тебя люблю», «и я тебя тоже, котенок» – когда мамы немного, она оказывается ценным элементом. Сквозь сон прорезался звук открываемого дверного замка. Моя ночная тень молниеносно пришла в сознание и сгруппировалась, я быстро переложила ребенка в детскую кровать. Послышалось тяжелое сопение. Передвижения за дверью были явно беспорядочны, попытки снять обувь и повесить куртку пришлось повторять несколько раз. Слава богу, мебели в коридоре почти нет – рушить нечего. Раздумывать ночью над новым сценарием не получалось, так что все пошло по старому. Я осторожно высунулась из спальни.

– Вовка, ну ты что опять? Уже двенадцать часов.

– У Смирнова днюха была. Мы в «Калине» отмечали, ммммммххрррррррр... У нас пивка там нет?

Началось маятникообразное перемещение на кухню – в холодильнике пива не обнаружилось. Разочарование могло иметь совершенно непредсказуемые последствия.

– Блин, Ленка, а че пива нет?!

– Его нет, потому что сегодня оно отсутствует в нашем холодильнике. Ладно, давай ложиться. Мне завтра рано: Катьку в сад, потом к восьми в больницу.

– М-м-м...

Вовка, не оставляя надежды на чудо, стоял перед открытым холодильником и пытался разглядеть за кастрюлями параллельную реальность, состоящую исключительно из пивных бутылок. Но тщетно. Я поскорее ретировалась в комнату. Спать хотелось до невозможности, желание вновь оказаться в горизонтальном положении и забытии перебивало любые, даже самые отрицательные эмоции. Уже засыпая, я слышала возню в ванной и несколько более бодрое, чем двадцать минут назад, передвижение по коридору. В итоге заснуть так и не удалось. Тело материализовалось в спальне, и по тембру мычания я поняла: сейчас начнется мучительное пьяное приставание. Вовка полез под одеяло. Запах был невыносим – одна мысль о сексе с ним превратила меня в разъяренную гориллу. Однако справиться с почти двухметровым мужиком, пусть и утратившим координацию, было нелегко.

– Лена, ну че... Ну че... м-м-м-х-х-х-р-р-р...

В конце концов именно водка оказалась моей союзницей, и минут через двадцать домогательства прекратились. Мирный храп рядом дарил временный покой. Я отодвинулась на самый краешек постели, поближе к детской кровати, и укрылась одеялом с головой. Не помогало: сна не было ни в одном глазу. Вспомнила, как *это* случилось. Как я лишилась невинности. Где-то в начале первого курса, будучи у Вовкиных друзей на даче и не совсем трезва, Сокольникова Елена Андреевна, студентка медицинского университета, решила наконец, что пора уже одним махом разобраться с двумя затянувшимися проблемами.

Первая проблема – Сорокин ухаживал за мной, довольствуясь легким петтингом, уже больше полугода, что в современный период человеческой истории казалось странным, даже неприличным явлением, которое в целом объяснялось только молчаливой и угрюмо-постоянной натурой Вовки.

Вторая проблема: девственность в семнадцать лет на пороге нового тысячелетия уже не имела никакой ценности и являлась тяжелым аллергическим заболеванием по мнению всех одноклассниц – позор.

Это *случилось* в маленькой темной комнате на старой тахте, но случилось как-то не так, как-то обычно и предсказуемо, в полном соответствии с Вовкиной «эмоциональностью». Промелькнуло легкое приятное волнение – ни восторга, ни безумных чувств и небывалых ощущений. Думалось тогда, что это просто только начало и все еще у нас впереди. Но со временем мало что изменилось: мне не хватало смелости что-то подсказать, а Вовке же, вероятно, не хватало опыта и нежности. Но надежда все равно оставалась: умные дамы говорили, что *самое главное* случается с женщинами чаще после родов, тогда и желания сильнее, и ощущений гораздо больше. Теперь уже не состыковывались две вещи – ребенок есть, но в постели ничего не изменилось. Хотя теперь я знала, что такое оргазм, и пусть никто из особ женского пола не упирался в вопросе самостоятельного решения этой проблемы.

Чем на сегодня вы живете, Елена Андреевна? Теперь есть Катька. Есть свой дом. Теперь есть работа, о которой так мечтала, – каждый день открывать двери родной больницы, здороваться с врачами, говорить на их языке, понимать их, вникать во все то, о чем думают и что чувствуют только они, одним словом, уметь лечить людей.

Что же, дорогая. Человек не может иметь все в этой жизни, слишком много в твоём списке под словом «есть», так что не дергайся и надейся на лучшее. Русь-матушка алкоголизмом больна давно и неизлечимо. Другие как-то живут, и ты тоже переживешь. А что до постели, то эту проблему решить не трудно, только не гадь, где работаешь.

Утро после таких возвращений проходило всегда по одному и тому же расписанию: подъем, сбор ребенка, расталкивание Вовки, укол магнелии (почему-то очень помогало от похмелья, а мне доставляло большую радость, ведь нет ничего более магнелии внутривенно), бег в садик, больница.

На отделении стояла сонная утренняя тишина. После пятиминутки прошел обход, потом стандартно прием новых больных и решение текущих проблем со старыми. Наконец около двенадцати часов доктор Сорокина добралась до своей платной палаты, специально выждав время, когда будут готовы анализы. Сегодня я шла туда с гораздо большей радостью по двум причинам: выпалась хоть чуть-чуть и Полина Алексеевна своей безупречной интеллигентностью явно дала понять: новорусский сынок не будет наскакивать на меня, как орангутан.

Однако именно такие больные оказывались самыми неудобными: всегда задавали много вопросов. Как раз сегодня у меня было время на них ответить. Дверь в палату открылась легко и без напряжения, Вербицкая сидела за столом и читала диеты. Увидев меня, она оживилась: здоровый взгляд, болезненный румянец почти ушел.

Бодра. Явно полегчало за сутки.

– Добрый день, Елена Андреевна. Как ваши дела?

– Полина Алексеевна, вы со всех сторон нестандартная. Я должна вам такие вопросы задавать. Как у вас дела?

– Вы знаете, мне намного лучше сегодня. Уже почти не хочется пить, слабости практически нет, только одна просьба: если все будет хорошо, очень прошу отпустить меня на выходные. Понимаете, невестка сессию сдает, внучка совсем маленькая. Переживаю, как там они, ведь я единственная бабушка в семье, ее родители на Севере.

Образцово-показательная свекровь, черт возьми... Блин, жутко неловко за свои завистливые мысли.

Померив давление и пульс, я присела за стол и еще раз пробежала оставленные дежурными медсестрами столбики суточных сахаров, а также цифры давления.

– Как вы думаете, Елена Андреевна, смогу ли я на следующей неделе выписаться?

– Полина Алексеевна, давайте сначала поправимся. Вы уже забыли, по-моему, что прошли всего сутки после реанимации. Еще пока нет четкости с вашими сахарами, как я вижу. Питание не нарушали? Вам все понятно по рекомендациям?

– Ну что вы! Книгу проштудировала добросовестно. Я же педагог, учиться мне в радость. Тем более, насколько понимаю, теперь это пожизненные наставления. Не сомневайтесь во мне. Я вас не подведу, ведь это прежде всего в моих интересах.

Пациентка явно не обманывала ни меня, ни себя. Внешне она и правда казалась гораздо бодрее, однако сахара, даже с учетом подколок инсулина, пока еще не хотели держаться в стабильной норме. Артериальное давление тоже вело себя капризно, хотя ничего удивительного: у диабетиков гипертоническая болезнь почти всегда часть программы.

– Полина Алексеевна, я вам, безусловно, верю. Давайте наметим план. От вас требуется диета и еще раз диета, а от меня – вместе с вами довести до нормы уровень глюкозы, цифры давления, показатели работы почек, проверить работу сердца. Главное на самом деле – это убедиться, что пока нет серьезных осложнений на зрение, например, или патологии нервной системы.

– Поддерживаю ваш план, но только умоляю, давайте уложимся в самые краткие сроки.

– Я не могу обещать, что это закончится за несколько дней, но мы постараемся. Так что же, вы живете с сыном, сидите с внучкой? Почему няньку не наймет?

Услышав вопрос о сыне, она засветилась, как главная люстра в Мариинском театре.

– Вы знаете, он такой заботливый мальчик! Я одна его растила, и, несмотря на все мои личные сложности, получился настоящий отец семейства и замечательный муж. Может быть, как раз потому, что он знает, как это бывает, когда женщина одна воспитывает ребенка. К тому, чего мы раньше не имели в жизни, впоследствии мы относимся с большим трепетом. Саша категорически не хочет в доме посторонних. Наверное, тоже последствия существования в тесной коммуналке. Поэтому и живу с ними, хочу быть полезной. Недавно переехали в новую большую квартиру на Московской. Всем есть возможность уединиться при желании. Знаете, никогда даже и не думала, что в городе существуют такие квартиры.

– Что ж, я очень рада за вас. Вы наверняка заслужили.

– С самого начала не хотела их стеснять, упорствовала и тянула с переездом. И потом, я человек непритязательный: мы прожили всю жизнь в комнате на Васильевском. Там у меня остались подруги. Получала жилье еще в семидесятые, вместе с коллегами по школе. Так мы и были вместе и дома, и на работе. Но Сашенька наотрез отказался оставлять меня там. Хочет, чтобы я пожила в хороших условиях хотя бы на пенсии. Я уволилась сразу, как родилась внучка.

– Вот это неправильная установка: что за слова «хотя бы на пенсии»?! Во-первых, вам еще далеко до старости, во-вторых, посмотрите на иностранцев в Эрмитаже: они только жить начинают после ухода с работы – путешествуют, радуются, получают массу впечатлений. Тем более вам позволяют средства. Внучка же не вечно будет грудной. А что до диабета, так все в ваших руках. Дисциплина в этом деле – самое важное. Но мне кажется, такая проблема для вас не стоит. Симптом тумбочки проверять не стану.

– Что за симптом, простите?

– Коронный номер нашей заведующей во время обхода: выслушать клятвы какой-нибудь армянской мамы полтонны весом: «Доктор, я просто ничего, абсолютно ничего не ем!» А потом неожиданно открыть тумбочку около кровати. А там – плюшки, сладкие соки и конфеты. Далее обычно следует любимая сцена из классика: «Кофелек, кофелек... Какой кофелек?.. Не было никакого кофелька, гражданин начальник».

Полина Алексеевна смеялась. Это хорошо, что смеется.

– Я думаю, вы не пробудете у нас долго.

– Доктор, мы с вами союзники.

– Это однозначно. Не забывайте теперь еще и таблетки принимать. Я кое-что добавила. Для улучшения микроциркуляции головного мозга и нормализации давления.

Я поставила перед ней лоточек, разделенный на три части для удобства приема: утро, день и вечер. Каждый отсек был уже наполнен.

– Спасибо, микроциркуляция еще пригодится: очень хочется самой помочь внучке со школой. У нас рядом с домом прекрасная французская школа.

– Тогда налегайте на вот эти, розовые.

Мы улыбались друг другу. Все-таки круто, когда есть взаимный поток положительных эмоций, а не односторонний вампиризм.

– Я прощаюсь до завтра. На утро назначила вам УЗИ и электрокардиограмму. Не спите.

– До свидания, Елена Андреевна.

Я вышла и направилась по притихшему перед обедом больничному коридору в ординаторскую.

И что это меня потянуло на излишние разговоры? Все-таки замечательная тетечка, настоящая питерская училка... Так, мадам Сорокина, поднапряги остатки интеллекта, пусть более удачные в браке девочки спокойно сдадут сессию. Эх, везет же людям...

В этот день все успелось – самостоятельный забор Катьки из садика, поход в продовольственный магазин – и вот она, типичная славянка около подъезда своего дома: в одной руке огромное количество пакетов, в другой – ребенок, в зубах дамская сумочка и ключи. И не важно, триколор или красный стяг развевается на макушке Кремля.

Здоровья у Вовки на третьи сутки алкоголизации явно не хватило: в коридоре мы с Катькой были встречены звуками телевизора и запахом жареной картошки. Видимо, с работы ушел раньше положенного. Домашний вечер протекал спокойно, в полном составе и без скандалов. Подступало вялое желание все-таки выяснить, где пребывал законный супруг во время моего дежурства, но охота напрягаться и вступать в дебаты так и не проснулась.

Интересно, где же твои хотя бы намеки на подозрение и ревность, Елена Андреевна?

Вовка мирно валялся перед теликом, Катюха носила ему какие-то кубики, конечности кукол, кусочки пластилина и радовалась ответному усталому интересу. Сорокин тихо раздвигался между останками Барби и спортивными новостями. Мое расслоение протекало гораздо более интенсивно: кастрюля с борщом и новая брошюра «Ингибиторы ангиотензинпревращающего фермента и их применение для больных сахарным диабетом второго типа». Это было мое изобретение – делать два дела одновременно, совмещая, таким образом, семью и работу. Одно только условие: чтобы «медицинские книжонки» не попадались Вовке на глаза. Почему я так делала, не знаю. Просто чувствовала: они его раздражают.

Какофония, доносившаяся из комнаты, являлась на текущий момент самым прекрасным неблагозвучием на земле – щебетание Катьки вперемешку с Вовкиными зевками. В такие вечера стояние у плиты приносило удовольствие и душевное равновесие.

Все так спокойно, надо пытаться это сохранить... Вот сейчас ужин, уложить Катю, потом напаялить что-нибудь посимпатичнее (слава богу, я уже давно прежние пятьдесят два килограмма, могу себе позволить) ... пусть будет хороший вечер, хороший секс (хотя бы для него хороший). Ведь если дома тихо и спокойно, можно надеяться и на то, что у него появится желание вернуться с работы вовремя и трезвым. По крайней мере, надо пытаться.

Все так и прошло, по вышеуказанному плану. Вовка откинулся на соседнюю подушку, пыхтя как паровоз, а меня посетило приятное чувство выполненного супружеского долга.

Засыпая, я слушала Вовкин бас:

– Надо уже пойти в бассейн... Что-то я поправился... Или в пиве ограничиться, может?.. Думаю, теперешняя конторка все-таки не для меня. Нет перспектив... Резюме разослать, что ли?

– Так что, тебе там не очень?

– Да, блин, Савенков этот тупой... Прямо супербосс. Два высших и все такое... Не пьет он, видите ли. Здоровый образ жизни. Да у меня папаня вон до сих пор не гнушается – и ничего: все ништяк! Тоже мне, интеллигентиска хренов! Я вчера хоть с бодуна, да все по контрактам порешал без него, а он, блин, приперся после перерыва и давай ходить вокруг стола, обнюхивать. Ну и что? Ну выпил я пивка в обед. Мозги-то не пропьешь, как говорится.

– Вовка, это хорошая идея насчет бассейна. И потом, я думаю, не стоит так прямо сосканивать. Место-то неплохое. У тебя же пока нет вариантов по работе, так ведь?

– Да что ты заладила, хоть когда-то начинай уже во что-нибудь врубаться. Я тебе говорю: не мое это место, не мое.

– Все может быть. Может, и так. Разошли резюме. Наверняка что-то лучше подвернется.

– Ладно, ладно, хорошо... Я сам все решу. Спим.

Обычная кровать обычных супругов со стажем: вместе только пятые точки. Только анусы смотрят глаз в глаз. Поза засыпания.

Ведь все прошло по плану... Откуда такая пустота?

Каткина кровать всегда стояла с моей стороны. Тусклый свет уличных фонарей слабо оттенял разметавшиеся по подушке золотистые кудряшки. В ночной тишине их можно было разглядывать до бесконечности: невероятная гармония закручивающихся вне геометрии линий, навевающая полный покой. Это как у японцев: красота в маленьком моменте бытия, крохотной частичке жизни, небольшая зарисовка, строчка хокку, которая не повторится уже никогда...

...Опять тот же сон, уже несколько лет подряд – дедушка сидит на скамейке около нашего старого деревенского дома, все те же глубоко врезающиеся в сознание детали: морщинки, след от ранения на высоком лбу, большие очки, правая дужка вечно сломана. Смешно. Будто это и не сон вовсе. Наверное, он и не умер. Точнее, конечно, он жив. Почему я раньше об этом не догадалась? Дед во сне всегда смотрит куда-то вдаль, через поле, но, как ни старайся, не поймешь, что разглядывает: впереди только свежевскопанное поле для картошки, за ним лесополоса, низкие серо-голубые облака, вороны сидят на проводах. Какая же это тоска. Вот он здесь, так близко – руки, худое тело, очки, старые толстые штаны на подтяжках. Все рядом, тихий голос – но его нет.

Невероятно, но его нет.

Следующий день прошел без приключений. Привычная беготня и, слава богу, трезвый вечер. Приемный покой намечался в субботу, по моему обычному расписанию. Дежурные терапевты находились в хирургическом корпусе, так как только тут был рентген-кабинет, УЗИ и свой ЭКГ-аппарат. Дежурство в прошлый вторник и правда оказалось вне плана: Семен Петрович не смог преодолеть начавшийся в выходные алкогольный марафон и поменялся со мной на среду. Хотя и к среде он тоже не был в форме. И даже к четвергу. Но оставаться еще на один день я уже не могла.

В отличие от отделения в приемном покое дедовщина соблюдалась свято: все выходные и праздники строго являлись участью молодняка. Исключение составляли оперирующие демоны, дежурившие всегда по трое. Из соображений безопасности для собственной задницы заведующие всегда ставили кого-нибудь опытного на каждое дежурство.

Отработав в приемнике уже три года, я хоть и была еще в списках репрессируемых, но дверь приемного покоя перед работой открывала гораздо более уверенно, чем поначалу. Первые дежурства убедили только в одном: шесть лет в институте не научили ничему, кроме теории. Прибавьте к этому мой совершенно неподходящий для врача больницы «Скорой помощи»

тощий блондинистый фасад. Каждое дежурство отнимало у меня два совершенно не лишних килограмма и остатки самоуважения. Самый верный барометр – это медсестры. Если слышишь за спиной шипение: «Вот бестолковая, тормозит» – все, это твой приговор. Только отчаянное сожаление о годах студенческой жизни поддерживало меня в этой адской мясорубке: поток колотых и резаных ран, ДТП, инфарктов, инсультов, пневмоний и перитонитов не прекращался ни на секунду, и самым неприятным для окружающих братьев по оружию было твое промедление. Предвзятое отношение коллег подпитывалось как неподходящей для врача внешностью, так и простым отсутствием опыта, потому недовольные взгляды за моей спиной не прекращались. Старшие коллеги старались держаться учтиво, но терпения хватало ровно до двенадцати часов ночи – чем больше всем хотелось спать, тем резче звучали окрики в мой адрес. Переломил ситуацию случай, произошедший через несколько месяцев после начала моих мытарств.

Как-то поздно ночью, в момент редкой тишины, я собралась было хоть ненадолго присесть, но как только в ординаторской закрылась дверь (точнее, в крохотной комнатке для дежурных терапевтов прямо в приемном отделении), послышался визг тормозов. Я прислушалась.

Не «Скорая», только вот к добру или нет, непонятно. Не выйду, пусть сестры сами зовут.

Скрип тяжелых железных дверей, голоса сестер, еще через три минуты в дверном проеме моей каморки показалась голова большой Люсинды, старшей по смене медсестры, ненавидевшей меня больше всех (имела на то полное право: за десять лет в приемнике такие желторотики, как я, только мешали ей работать).

– Елена Андреевна! На выход. Тут, наверное, по вашей части.

Не обращая уже внимания на презрительный тон и открытую без стука дверь, я поплелась в смотровую. Родственники привезли мужчину лет пятидесяти, за окном стоял криво припаркованный джип. Больной скрючился, сидя на каталке, и придерживал руками живот. Лицо, сморщенное в гримасу страдания, серое, в поту. Рядом стояли женщина в белом кашемировом пальто, вероятно, жена, и молодая пара лет по двадцать пять. Часы показывали около двух ночи, помощи ждать неоткуда: все врачи, кроме меня, дежурного терапевта, сидели по отделениям, и вытащить кого-либо в приемник стоило больших усилий.

Вдох и шаг. Навстречу неизвестности.

– Добрый день, что случилось?

– Сестричка, мы уже попросили врача позвать.

Как это уже надоело все-таки.

– Доктор – это я. Елена Андреевна меня зовут. Так что случилось?

Семейство явно теряло надежду на спасение, окидывая меня испуганными взглядами с ног до головы. Мужчина с трудом поднял глаза.

– Да вот, ехали домой из гостей, а тут посреди дороги как сдавило: все внутри печет. Невозможно, дышать нечем.

– Покажите, где печет.

Больной держал руку на нижней половине грудины.

– Давно болит? Сколько времени уже прошло?

– Да с полчаса, резко так схватило.

– Алкоголь не употребляли?

– Нет, я же за рулем.

Каждое слово давалось ему невыносимо тяжело.

– А раньше чем-нибудь серьезным болели? Инфаркты, давление, инсульты, язвенная болезнь, панкреатит?

– Да, в общем, ничем. Вены вот на ногах замучили только, да сердце беспокоит иногда.

– А сейчас похоже на сердечные боли?

– Очень даже похоже, очень. Только я уже, пока ехал, нитроглицерина съел пять штук – ничего не помогает.

Говорил он все медленнее, преодолевая боль и ловя ртом воздух. Картинка сложилась в нетрудный пазл.

Ура, инфаркт! Девяносто девять и девять десятых процента, что инфаркт! Сейчас сниму кардиограммку, кардиолога к барьеру, и баиньки.

Я вприпрыжку побежала за ЭКГ-аппаратом, от нетерпения сама сделала запись и не могла дождаться, когда уже пленка окончательно родится на свет. Однако выползающая из старенького аппарата тонкая бумажка разрушила всю мою стройную теорию. По спине пробежал холодок.

Люди, помогите!

Никакого инфаркта на пленке не было, даже малюсеньких намеков. Одна только застывшая мерцательная аритмия. Тем временем мужик то сворачивался калачиком, то пытался выпрямиться, подвывал и становился все серее и серее. Сестры уже стояли около каталки плечом к плечу и считывали с моего лица все непродуктивные мозготерзания.

– Девочки, давление и пульс, пожалуйста.

– Сто десять на шестьдесят, сто шестнадцать.

– Низковато.

Люсинда тут же не преминула вставить:

– Конечно, доктор, низковато. После пяти таблеток нитроглицерина и у вас не будет высоко.

Держись, Лена, держись.

– Люся, возьмите, пожалуйста, кровь на клинику и мочу на общий анализ и амилазу.

– Как скажете, доктор. Можно еще и на яйца глист на всякий случай.

Люся развернулась и, неспешно покачивая необъятной попой, пошла за всем необходимым на пост. Остальные действующие лица, включая трех родственников и двух медсестер, продолжали стоять, тесно окружив каталку. Наконец я вспомнила, что нужно заглянуть в только что заведенную на мужика амбулаторную карточку, чтобы выяснить, как его зовут.

– Сергей Иванович, покажите еще раз все-таки, где болит.

– Тут, тут, доктор, я же уже показывал.

Руки все безнадежнее придерживали нижнюю часть грудины и верх живота. Паника потихоньку застилала мне глаза.

Так, через три минуты начну звонить во все ординаторские подряд.

Сделав два глубоких вдоха, решила начать заново, как по учебнику: послушать, постучать, поглядеть горло (чему все вокруг были крайне удивлены). Слава богу, позабыла поискать вшей на волосистой части головы и осмотреть наружные слуховые ходы. Наконец добралась до живота. Но и он оказался предательски мягким, хотя, когда я проходила рукой в верхней части живота, прямо под грудиной, я отчетливо заметила, как мужик немного скривился.

– Что, больно, когда тут трогаю?

– Немного... доктор, скорее что-нибудь сделайте. Печет невозможно все внутри.

Все внутри. Вены какие на ногах, и правда варикозные...

Все внутри... Все внутри печет... Боже, как же страшно мне!..

И тут высшие силы, видимо, решили не хоронить еще вполне молодого дядьку с помощью бестолковой девицы, претендующей на почетное звание врача.

– Девочки, быстро хирурга и реанимацию, мезентериальный тромбоз.

– Мезентериальный что?

– Тромбоз! Тромбоз кишечных сосудов, твою мать! – рывкнула я, вполне достойно для неуверенной в себе соплюхи.

Началось движение. Но на мою беду, первым спустился с отделения явно до последних пяти минут сладко спавший реаниматолог. Вид у него был помятый, взгляд мутный, но ярко демонстрирующий: девочка, с таким цветом волос надо цветы на рынке продавать или в салоне красоты работать. Посмотрев мою запись с предварительным диагнозом, прошипел:

– Кхм... не выдумывайте. Вы хоть кардиограмму сняли? Это же типичный инфарктный больной. Что вы тут сочиняете! Извините, не помню, как ваше имя-отчество.

– Елена Андреевна я. И все-таки посмотрите еще раз, я прошу вас. ЭКГ снимала – инфаркта нет...

– Да вы сначала кардиологам пленку покажите, а потом уже реанимацию и хирургов зовите!

Он развернулся и ушел к лифту. Стало совсем тоскливо. Сердце стучало в ушах, как отбойный молоток.

А вдруг я ошиблась? Позор-то какой! Вот дура... А да и пусть, пусть завтра все обсуждают тупую блондинку. Наплевать... Ну и уволюсь...

– Люся, зовите все-таки хирурга, прошу вас. И еще надо больного на рентген живота отвезти.

По окончании моей фразы все окружающие отчетливо слышали звуки рвоты из смотровой: мужика выворачивало со страшной силой. Тут сомнений в самой себе стало гораздо меньше, но, если я права, счет шел на минуты. Слава богу, из старших хирургов дежурил заведующий вторым хирургическим отделением, страдавший бессонницей от постоянных влюбленностей. Он спустился почти сразу. Через пять минут после его осмотра я, торжествуя, давала последние указания перед переводом в операционную.

Дядька лишился половины тонкого кишечника, но остался жив.

На следующее дежурство я попала в ту же сестринскую смену. Через полчаса после начала смены две веселые мордочки (одна из которых принадлежала Люсинде) заглянули в мою камеру.

– Елена Андреевна, пошли чай пить.

Ура! Все-таки не зря шесть лет потрачено.

Теперь уже дежурства являлись не только школой выживания для малолетних, но и приносили маленькие радости в виде возможности погонять вновь прибывших: «Уй, бестолковые!» Какое удовольствие, просто непередаваемое! Особенно ценно обзавестись новыми друзьями, и теперь в минуты редкого расслабления имелась возможность поохотиться в хирургической ординаторской. Веселья эти часто сопровождалось небольшими возлияниями и, как я с самого начала заметила, неуставными отношениями, однако последний пункт как-то обходил меня стороной. Впрочем, оно и понятно: период первого знакомства с мужской половиной коллектива давно прошел, и только ленивый не пытался намекнуть мне на то, что место «боевой подруги на все дежурства до конца дней своих» даже если занято, то лично для меня всегда вакантно. Мои тяжкие раздумья о семье и морали были тут не на пользу, а хирурги, как известно, народ, бабами избалованный, и дважды одно и то же предложение не повторяют. Так я и заработала прозвище Принцессы на горошине. Даже когда я продежурила около полугода и вошла не только в работу, но и в коллектив, предложения еще сыпались как из ведра. Однако обладая не только смазливой внешностью, но еще и огромными тараканами в голове, я так и не решилась снизойти до кого-нибудь, так что теперь все телодвижения в мой адрес оставались на уровне приколов. Эх, почему-то становилось страшно грустно, особенно в такие Вовкины алкогольные обострения, как в последний раз.

Субботнее дежурство начиналось в восемь утра. Как всегда, три медсестры и я, утренний час, тихо и спокойно. Мы с Люсиндой уже два года представляли собой неразъемную боевую единицу. С нами любила дежурить Александра – высокая, сутулая, весьма циничная брюнетка лет двадцати пяти, недоучившаяся в медвузе из-за страшной любви. Последние два месяца

третьей медсестрой была совсем молоденькая рыжая Катя, взятая Люсей на воспитание сразу после медучилища.

К десяти часам я прочитала новый журнал по диабету и начала вновь перелистывать мою платную историю болезни, которую специально приволокла с отделения для спокойного изучения. Сахара держались уже почти в норме, и я надеялась на лучшее с большими на то основаниями. Скорее всего, Полина Алексеевна имела шанс уйти от нас не привязанной к постоянным инъекциям инсулина. Каких-то серьезных осложнений, слава богу, в процессе отсидки с внучкой не произошло, и имелся повод в понедельник порадовать ее скорой выпиской. Совершенно незаметно Вербицкая заняла среди всех моих больных особое место.

Ну вот, и ты стала такой же, как все: раз платная палата, так сразу больная умная, хорошая, с ней можно поговорить, потратить на нее свое драгоценное время, и вообще она приятно пахнет. Деньгами.

Закончив текущие дела, я осторожно выглянула в коридор: тихо, время около двенадцати. За первую половину дня меня вызвали всего несколько раз по каким-то мелочам. В коридоре сидело несколько товарищей с переломами в ожидании травматолога, а мамыши пытались сдерживать отпрысков с ошпаренными руками, порывавшихся удрать, не дожидаясь большого, страшного, пахнущего лекарствами дядьки в белом халате.

Я решила воспользоваться затишьем и пойти поболтать в хирургию, а заодно пообедать. За последние полтора года сформировался некий довольно молодой и почти неизменный костяк под названием «среда, суббота или воскресенье». Трое хирургов: Федор, Стас и Сергей Иванович, заведующий вторым хирургическим отделением, несколько травматологов, нейрохирург, пацаны из реанимации, терапевт (то бишь я) и кардиолог Светка Воронцова. Остальные отделения или не были представлены на дежурствах, или волею судеб не влились в нашу веселую компанию.

Основная сборная состояла из пяти человек: Федора, Стаса, меня, Пашки Зорина из реанимации и Светки Воронцовой, маленькой брюнетки, озабоченной судьбами больных гораздо больше нас, раздолбаев. Все над ней подтрунивали, но любили ее искренней братской любовью.

У хирургической ординаторской я поняла, что пришла вовремя – в коридоре пахло жареным мясом. Стас дремал на диване перед теликом, Федор помешивал еду на маленькой электрической плитке.

– Ленка, а мы тебе звонили в приемник секунду назад. Там че, тихо?

Я замахала руками в ответ.

– Ой, ну только не сглазьте.

– Сейчас Воронцова придет, это по ее части сглаживать. Уж больно любит поработать, блин. Че там у тебя есть?

– Мамины пироги с черникой и сосиски.

– Зачет, зачет. Доставай. Еще Зорин щас притащится.

– А где заведующий-то?

– Он в печали – от еды отказался. У себя закрылся. Вчера они с Залиной с гинекологии расстались. Она замуж выходит за канадского анестезиолога.

– Блин, где она его взяла?

– Где-где, в Интернете, вестимо.

– Так ему и надо. Нечего тут у молодых и незамужних драгоценное время отнимать. Пусть дома сидит, с женой.

– Ох ты черт! А у замужних можно наконец хоть на дежурстве немного времени украсть?

– Федя, уже неинтересно. По десятому разу одно и то же.

Стас и Федор были классными, особенно Федор. Каждый раз, когда я заходила в ординаторскую, он напрыгивал с намерением пропальпировать все, что имелось под моим халатом.

Я, конечно же, вяло сопротивлялась и делала грозное лицо, но втайне ждала этого момента. И даже немного расстраивалась, если он по каким-то причинам (например, новая медсестра в реанимации, не удержавшая свои позиции на первом же дежурстве) забывал про свой ритуал. Прибежала Светка.

– Ой, ребята, вы тут уже согрели! Ой, простите! Я, как всегда... Такая тяжесть на отделении! Как зашла в интенсивку в восемь утра, так вот и вышла пять минут назад. Историй с пятницы неписаных просто гора! Наверное, вообще поспать сегодня не получится. Слава богу, в нашем приемнике тоже никого пока.

Услышав Светкино щебетание, Стас тут же проснулся, скривил недовольную рожу и перешел из горизонтального положения в вертикальное.

– Так, Света, теперь выйди и зайди заново, только уже не говори, что в приемнике никого нет.

Светка была еще совсем ребенок, обидные слова каждый раз задевали ее наивную душу.

– Блин, куда я не пойду! Сволочи, что вот вы все время... Я больше вообще не приду.

Наблюдать этот фашизм было невозможно, так что я всегда выступала на стороне потерпевшей.

– Светка, да не слушай ты их, придурков. У них же вместо мозгов сплошная эрогенная зона, больше ничего там нет.

Стас тут же подобрал подачу:

– Да лучше бы у некоторых тоже хоть какая-то одна малю-ю-юсенькая эрогенная зона была, а то, блин, вся красота пропадает без использования.

Один – один. Я с грохотом вытащила из микроволновки тарелку с сосисками.

– Все, Станислав Викторович, заткнитесь и жрите.

Из-под стола материализовалась маленькая бутылочка коньяка. Через десять минут нам всем стало очень тепло и весело.

К двум часам потихоньку начиналось движение: пневмонии, переломы, холециститы, а также ноги, головы, уши и хвосты. Хаос усиливался, напряжение нарастало. Травматологи, хирурги, кардиологи и все остальные летали по коридору, пересекали смотровые, лабораторию, рентген-кабинет и УЗИ. От нехватки пространства почти перепрыгивали через каталки и родственников. К ночи стало ясно: возможность поспать или хотя бы просто присесть на двадцать минут никому не представится. Приемное отделение оказалось набито до отказа, заняты все смотровые, в коридоре не было ни одного пустого кресла, и вся поверхность стен подпиралась телами сопровождающих. Во время таких дежурств примерно к часу ночи потихоньку начинала кружиться голова, сознание постепенно затуманивалось, а в два-три часа включался полный автопилот.

В три тридцать случилась вполне предсказуемая для субботы маленькая шутка. Соседний «вытрезвитель» исправно служил трудовому народу, но только если у последнего имелись в карманах хотя бы остатки наличности. Если же попавшийся клиент оставил все до последней копейки в кабаке, то такой бедолага обычно отправлялся на личном сантранспорте вытрезвителя к нам с неизменным диагнозом – «алкогольная кома». И вот в дверь приемника на каталке торжественно ввели такое явление, причем коматозный больной не стеснялся орать песни и активно дрыгать конечностями. Правда, слова музыкального произведения разобрать не представлялось возможным.

Мужичок оказался явно домашним: в дешевой, но приличной одежде, с паспортом и пропиской. Девать его было уже совершенно некуда: все смотровые были заняты больными, а очередь имела размер от забора до рассвета. Оставлять пьяного в коридоре без присмотра и изоляции было опасно не только для окружающих, но и для него самого: могли затоптать ненароком. Я метнулась на улицу остановить машину вытрезвителя, но напрасно, ее и след простыл, исчезла в темноте через секунду после высадки клиента. Тут я с ужасом поняла:

последним пристанищем для мужика в этот вечер может быть только единственная пустая гинекологическая смотровая. Люсинда хохотала, трясаясь всем телом, пытаясь втиснуть каталку с мужичком между гинекологическим креслом и шкафчиком с инструментами.

– Нет, Люся, давай снимем его. Пусть сидит на стуле, это же последняя каталка, черт подери!!

Это была уже пятая «алкогольная кома», подаренная нам вытрезвителем за последние полмесяца, и терпение мое кончилось.

Все, это последняя капля.

– Девочки, номер вытрезвителя наберите.

– Плиз, доктор.

Внутри организма проснулся огнедышащий дракон.

– Добрый вечер, мне дежурного врача позовите. Здравствуйте, это приемный. Сто двадцать четвертая медсанчасть, дежурный терапевт. Нам тут от вас очередной скромный презент поступил. Да-да, именно. Алкогольная кома, практически уже клиническая смерть. Точно. *Так вот, господа:* когда это прекратится?! Вы вообще мужика видели, когда диагноз писали?! Какая кома?! Он тут заливается, как Паваротти! Ну, держитесь. Утром я найду способ с вами разобраться! Вы понимаете, что мне его некуда девать? У нас тут битком, а оно место занимает! Целую смотровую!!! Быстро машину свою верните!

В ответ мне сонно пробубнили, что машину не вернут, и вообще никакой машины не было, и мне почти все приснилось. Пациент по дороге сам вышел из комы без воли на то сотрудников медвытрезвителя.

– Это не пациент, *не пациент*, понимаете вы? Это просто пьяный мужик!

Никто уже не слушал меня на том конце провода. Тоска и злоба раздирали сознание, и я уже представляла утренний отчет начмеду: дежурный гинеколог в красках описывает, как я заняла единственное в приемнике гинекологическое кресло пьяной особью мужского пола.

Тем временем из смотровой доносилось бодрое мычание.

Боже, ну за что?..

– Люся, «Скорую» набери.

– Плиз, доктор.

– Девочки, милые, это приемник, сто двадцать четвертая. У вас там нет свободных машин? Очень прошу, на двадцать минут буквально. Одного алконавта в вытрезвитель вернуть, умоляю.

Ответ отрицательный: машин нет.

– Девочки, ну а если кого-то привезете, можно попросить фельдшера закинуть на обратном пути?

Ответ отрицательный: еще сорок вызовов на очереди. Весело! До утра нас ждет приятная перспектива: восемь-десять из этих сорока точно привезут, и обязательно парочка клиентов окажется для гинеколога.

Тут за открывающейся входной дверью показался луч надежды в виде трех гаишников с очередной жертвой алкотестера. Я бросилась им наперерез.

– Ребята, не оставьте женщин в беде! Мы вам побыстрее водилу оформим, а вы нам одного приятеля до вытрезвителя пока докиньте.

Гаишники обрадовались идее облегченного пути к наживе, и мы все вместе двинулись к смотровой. Люсинда закрипела ключом в замочной скважине... перед нами предстала изумительная картина: дядька сгруппировался в позе «на четвереньках» и раскачивался взад-вперед, шкафчик с инструментами был опрокинут, верхнюю одежду он успел раскидать, оставшись только в майке и штанах. Все пространство вокруг него, а также он сам были добросовестно уделаны недавним содержимым его желудка. Очевидно, опорожнившись, существо неоднократно падало в производное своего организма и пыталось затем вытереться всем тем, что

попадалось под руку. Только гинекологическое кресло возвышалось над всем этим безобразием как символ человеческой чистоты и непорочности. Запах я описывать не стану.

Гаишники, безусловно, тут же пересмотрели условия взаимопомощи:

– Ну не-е-е, девочки. Мы вас очень любим, конечно... Только как потом машину-то... Ведь не отмоешь... Ну и запах... Как-то совсем... Короче, не обижайтесь.

Алина Петровна, наша бессменная санитарка, подошла к двери и тут же впала в полную истерику. Люсин смех плавно переходил в икоту. «Господа офицеры» поспешили ретироваться и подождать своего водилу в машине. Злобное отчаяние окончательно сломало мою волю к жизни.

– Все, девочки. Мы с ним навеки. Сам он точно еще долго не уйдет.

Мысленно приготовившись к утренней порке, я снова закрыла дверь в гинекологическую смотровую на замок, дабы *она* не имело шанса выползти в коридор. Безумное броуновское движение продолжалось, и в течение ближайшего часа я вздрагивала от каждой «Скорой», ожидая привоза пациенток с внематочной или выкидышем.

Мычание за дверью то нарастало, то затихало. Через некоторое время дверь начала ходить ходуном: мужик, видимо, пытался головой протаранить преграду к свободе. Какой-то проходящий мимо молодой травматолог (новость уже просочилась во все ординаторские) не смог отказать себе в удовольствии – остановился напротив едва сдерживающей пьяный натиск двери и продекламировал, присев на корточки:

– *Абырвалг!! Абырва-а-алг!!!*

Весело было всем, кроме меня, Люси и Алины Петровны.

Около половины пятого наш местный дурачок Вася, работавший в городской погребальной службе «05», привез последнего усопшего и зашел вернуть ключи от морга. Несмотря на довольно глубокую имбецильность, Василек умел приспособливаться к жизни и в свободное от работы время использовал служебный транспорт для доставки ритуальных принадлежностей всем страждущим. Вася всегда находился в хорошем настроении, он был большой и добрый. Как только его медведеподобная фигура появилась в дверном проеме, Люсинда целеустремленно двинулась ему навстречу. В ту же секунду Вася обнаружил себя плотно прижатым к стенке ее выпирающим из халата бюстом пятого размера.

– Васенька, дружок, мы тебе всей сменой отдадимся, слышишь? Любимый ты наш, только помоги нам, бедным женщинам.

Василек от неожиданности на секунду замер, однако тут же зашевелился, намекая на попытку обрести свободу. Люсинда еще сильнее приперла его к стенке своим огромным телом, не оставив даже маленького шанса на спасение. Тут Вася решил вступить в вербальный контакт.

– Гы-ы-ы, девчонки, а че такое?

– Пойдем, пойдем со мной, мой маленький, сейчас я тебе покажу. Тут надо одного, ну, скажем так, не очень чистого дяденьку в вытрезвитель обратно вернуть. Ему туда очень надо, очень.

– Гы-ы-ы. Ну покажи. Я, правда, не совсем туда народ-то вожу, гы-ы-ы.

– Ничего, ничего, тут недалеко ведь, Васенька. Ты же знаешь, где это.

Люся, в одну секунду поменяв расположение тел в пространстве, уже тащила Васю к смотровой, крепко вцепившись ему под локоть. Шансов выскользнуть у Васи не оставалось. Он оказался более устойчив к запахам в сравнении с гаишами и при виде клиента повел себя довольно сдержанно.

– Э-э-э, девчонки... Только он это... немножко грязный. Вы как-нибудь сами его в машину затолкайте. Я сейчас подгоню поближе.

Ни меня, ни Люсю уже ничего не пугало. Лучше поздно, чем никогда. Существо продолжало находиться в коленопреклоненном положении около двери. Надев длинные резино-

вые перчатки, Люся стала тянуть мужичка за лямки майки, а я – толкать под мягкое место. За нами по полу тянулся шлейф из рвотных масс, мужик мычал и упирался всеми четырьмя конечностями. Так, в относительно быстром темпе мы продвигались по коридору приемного покоя. Попутно решилась еще одна важная задача: оставшиеся больные при виде такой медицинской помощи тут же улетучились. Наконец мы почти добрались до машины, но тут возникло последнее препятствие – высокая ступенька кузова. Оторвать тело от земли, конечно же, не представлялось возможным: мужик весил не менее девяноста килограмм. Василий, оказавшийся в эту ночь единственным джентльменом, нашел решение проблемы. Надев погребальные перчатки, он схватился за майку и штаны. Через секунду существо спикировало в кузов, приземлившись около новенького красного гроба, и тут же захрапело. Васек, развеселившись от всей этой суеты, видимо, уже забыл про заманчивое Люсино предложение, уселся за руль и скрылся в предрассветном тумане. Мы постояли на улице еще несколько минут, не чувствуя ни холода, ни ветра.

Мир душе твоей, Сидоров Илья Потапович. Пусть судьба даст тебе еще один шанс.

Вернувшись в пустой приемник, мы с Люсей молча упали в кресла для больных. Мы слушали, как Алина Петровна, покрывая весь мир отборным матом, драила гинекологическую смотровую. Это была тишина.

В нашей маленькой сумасшедшей больничной цивилизации существовало гораздо больше измерений, чем описывается на уроках физики. Годами накопленная информация незаметно перетекала в какие-то тайные места подсознания, и Алина Петровна являлась самым ярким примером этого процесса. В приемнике знали все, что если Алина Петровна взяла в руки швабру, значит, все – больше не будет ни одной «Скорой». Она чувствовала этот город, биотоки его жителей, ритмы их бед и глупостей, сна и бодрствования. Поэтому теперь можно было и расслабиться. Утро означало воскресенье, воскресенье – отсутствие долгих церемоний передачи дежурства, как в будние дни. Начмед явно не был настроен вникать в детали произошедшего за прошедшие сутки. Да и слава богу: меня никто не сдал.

Около девяти я вернулась домой. Все было тихо и спокойно. Вовка обнаружил себя трезвым и пытался пожарить яичницу. Катерина еще ровно сопела, в спальне царил полумрак, игрушки валялись по всему полу, и от этого было невероятно хорошо и тепло. Мысль о часе крепкого сна являлась сама по себе утопией – Катька все равно должна была проснуться с минуты на минуту. Однако моя большая пуховая подушка представлялась мне сейчас черной дырой, притягивающей все существующие в нашем убогом трехмерном пространстве предметы.

– Ле-е-ена, я яичницу пожарил. Ты будешь?

Вовкин бас сотряс квартиру, и Катька тут же подскочила. Несколько секунд она включалась в обстановку и наконец, сфокусировавшись на мне, окончательно ожила.

– Мама, ты уже воевала?

Это что-то новенькое.

– Привет, принцесс. Кто это тебя такому новому слову научил?

– Деда Андрей сказал, ты любишь воевать по ночам. Вот тебя и нет вчера и еще иногда.

– Это точно, воевала. В кино на мультики хочешь сегодня?

– Хочу!

Вот там-то и поспим часок.

Я сгребла в охапку свое сокровище и пошла на запах жареных яиц. Вовка, видимо, ощущая некоторую неловкость за беспокойную неделю, охотно согласился на кино. День тянулся долго. Поход на мультики (а точнее, все-таки удавшийся почти двухчасовой сон) продолжился посещением кафе, потом горками в парке, где я уже окончательно проснулась. Даже Вовка, хоть и был за рулем и не имел возможности побаловаться баночкой пива, заразился нашей порсячьей радостью и пару раз скатился. Однако на третьем заходе Сорокин, не справившись

с управлением, впечатался в ехавшего впереди такого же не очень поворотливого папашу. Обошлось без жертв. Всем было страшно весело. Вечер завершился, как всегда: стояние у плиты, предсонная сказка, обнимашки, торопливое и уже совсем нечленораздельное обсуждение просмотренного мультика.

Это счастливый день. Так положено, так нужно.

После правильно проведенного выходного настало такое же, по расписанию, правильное утро. Вовка оставался трезвым и не нуждался в дополнительной стимуляции для выхода на работу, Катька держалась молодцом – после недельного пребывания в карантинной группе плюс целого дня в общественных местах пока не подавала признаков оэрзэшности. Утренний сбор в садик прошел без лишних волнений. Соплей нет.

Спасибо тебе, принцесс.

В половине восьмого я приступила к работе. Заведующая пребывала в духе, отчего все в ординаторской улыбались и радовались жизни. Первая половина дня прошла мирно, отделение оказалось переполнено всего на десять больных, то есть, по нашим внутренним меркам, практически недобор. В тринадцать тридцать, как всегда, начался обед, сестра-хозяйка закатила в ординаторскую грохочущую тележку с кислыми щами, пюре, рыбными котлетами и, конечно же, несколькими стаканами с компотом. Врачей на отделении было по количеству столов в ординаторской – шесть человек, включая заведующую. Несмотря на наличие отдельного кабинета, обедала она вместе с нами, поэтому шестой стол всегда оставался свободен. Больничная еда являлась приятным бонусом для всех присутствующих, хотя и по разным причинам. Для Светланы Моисеевны и двух ее подружек, Василисы Семеновны и Екатерины Моисеевны (это было старшее поколение нашего отделения), эндокринологический обед являлся возможностью хотя бы один раз в сутки продемонстрировать себе самой, что соблюдаешь диету, а также подлечить застарелый холецистит. Для младшего поколения, в том числе и для меня, это был реальный способ экономии. Ели мы всегда тихо, одновременно стараясь просматривать анализы или медицинскую литературу. На этот раз прием пищи сопровождался интереснейшей батальей. Хлебая кислые щи, Светлана просматривала мою историю из платной палаты. Закончив читать, ничего не сказала и передала мои каракули по столам обратно. Уже, считай, три с плюсом. Вдруг ложка застыла на полпути.

– Сорокина, а главное, собственно, что?

– Что главное, Светлана Моисеевна?

– Главное, чтобы больная осталась довольна. Понимаешь, *довольна*. Мы все должны быть хоть чуть-чуть психологами, а не просто на уровне фельдшера «Скорой помощи». А что такое «довольна» в данном случае, касаясь вашей платной больной, Елена Андреевна?

Так, так, все-таки следит за мной. Небось уже посетила седьмую палату не один раз.

Пришлось немного помедлить с ответом для решения очень важной задачи: врать или не врать. Хотя нет, все равно почувствует. Лучше как есть.

– Она не хочет болеть. Это главное. Это не ее – болеть.

– Недурненько, Елена Андреевна. И в этой ситуации твоя задача – помочь ей больше никогда сюда не возвращаться.

Сашка Васильчиков, сидевший за соседним столом, окончил институт на год позже меня, и эта разница была колоссальна, так как он еще находился в фазе «я все знаю», я же почти как полгода перешла на принципиально иной уровень: «ни хрена не понимаю, и неизвестно, когда пойму». Вступать в дебаты с заведующей было любимым Сашкиным развлечением.

– Так это же и так понятно! Кто же хочет болеть, Светлана Моисеевна?! Вон, семьдесят человек на отделении. Спроси любого: хочет он теперь здесь быть или снова потом попасть? Удивлюсь, если найду желающих.

Заведующая внимательно посмотрела на него, но с ответом не спешила.

– Елена Андреевна, ну что же вы? Кройте – ваш ход.

– Не-е-е, после вас, Светлана Моисеевна.

– Ладно, ладно... Тогда скажи-ка мне, Александр, что мы с тобой сейчас пойдем делать после компота, а?

Сашка тут же напрягся для обороны, но пока не понял, с какой стороны полетит граната.

– Э-э-э, курить пойдем, как обычно.

– Вот то-то, курить. А что, мы с тобой хотим болеть, умереть от рака легких? Или для разминки получить хотя бы хронический бронхит, астму?

– Нет вроде.

– Так что же это мы с тобой курим тогда?

– Ну, так давайте бросать уже. Я поддерживаю. Только все, кроме Ленки, курят. Надо тогда всей ординаторской бросать...

– Э, батенька! Может, ты и бросишь, в чем я сомневаюсь, а я и не планирую даже. Вот так. Потому что мне нравится. Мне хорошо. Потому что я получаю удовольствие. И силы воли опять же не хватает. Вот и вся философия! И не хочу я сейчас, когда мне хорошо, думать про бронхит или тем более про рак. Вот тебе и ответ, батенька. Ты что же, «симптом тумбочки» у своих диабетиков не проверяешь?

– Как не проверяю?! Каждое утро смотрю.

– Ну и что-нибудь поменялось за тридцать лет? Ничего не поменялось: булочки, конфетки, шоколадки. А если у кого ничего нет – как у Вербицкой, например, – так он попадет сюда один раз и больше не появится. И это один из десяти. Остальные по три-четыре раза в год. Сначала просто с сахарами и давлением, а потом с инсультом или инфарктом. А почему?

– Силы воли не хватает, как и нам.

Заведующая нахмурилась и переключилась на новую жертву:

– Сорокина, а ты что скажешь?

Слов в этом пироге ужасно много. Разобраться не так легко.

– Мне кажется, не только сила воли. Мне кажется, у многих это уже как смысл жизни – болячки. Тут им даже интересно: свои анализы, соседкины анализы, УЗИ, колоноскопия, томограф, чем больше, тем лучше. А главное – это много капельниц. Иногда начинаешь подозревать, что ничем другим они просто не живут. Бегают по больничному коридору, как лошади по ипподрому, пока не свалятся. Нет чтобы через ограду перескочить... А мы им помогаем, чтобы подольше круги наворачивали.

– А вот это уже тепло, Елена Андреевна. Точнее, и верно, и нет. Вот если ты, скажем, Кожевникову из пятой палаты, а она у нас практически круглогодично живет, начнешь под попу подпихивать через эту самую ограду, будешь говорить, что хватит уже лечиться, давай уже прекращай жрать, займись спортом, выгони, наконец, мужа-придурка взащей, что жизнь прекрасна, столько всего вокруг, она тогда что?

В голове сразу возник образ благообразной мадам Кожевниковой.

– Ой, да что вы, Светлана Моисеевна! Она же сразу побежит к вам жаловаться, не дай бог: мало обследований назначили или капельниц недокапали.

– Резонно. Значит, будешь тогда плохой доктор, раз не даешь своей заведующей спокойно жить. Так что, дети, всегда смотреть надо, кто чего хочет в этой жизни. И не всегда все хотят того же, что и вы. А посему, Александр, проследите, чтобы у Кожевниковой на этот раз капельниц было заметно больше, чем у соседок по палате. И чтобы она это заметила и оценила. Уж очень я ее тортик с вишней люблю. А наливку какую приносит! Зашатаешься! И вообще, Саша, вам бы с вашим уровнем самоидентификации в хирургии надо. Хотя нет, фамилия у вас слишком смешная – не возьмут.

Светлана высвободила свою материальную оболочку из несколько маловатого для нее старенького кресла, поставила тарелки обратно на тележку и полезла рукой в правый карман.

– Ну так что, други мои, курить-то идем?

Вот это пообедали, черт подери.

Беседа напоминала хождение по лезвию бритвы, и народ с явным облегчением вывалил за Светланой подымить. Что касается меня, то табак так и не смог вписаться в мой жизненный цикл, хотя иногда я с большим удовольствием выкуривала сигаретку на кухне у Асрян. В ординаторской настала долгожданная тишина. Все дела, кроме дел седьмой палаты, были улажены, до свободы оставалось не так далеко. Я собрала последние анализы Вербицкой в уже успевшую распухнуть историю болезни и вышла в коридор. Дверь у Полины Алексеевны была слегка приоткрыта. Вербицкая отличалась от остальных: в больнице все валяются на кровати большую часть времени, стараются делать лежа практически все: есть, пить, разговаривать, переодеваться. А она даже для простого чтения сидела за столом. В кашемировом, шоколадного цвета платье, замшевых туфлях на маленьком каблучке, даже едва заметные губная помада, пудра и румяна.

– Полина Алексеевна, доброе утро. Я к вам с хорошими новостями. Сахара просто прелесть, давление за выходные пионерское, так что снимаю вас с инсулина и, думаю, к пятнице собирайтесь домой.

– Ах, Елена Андреевна, спасибо. Какая радость! Я ведь уже места себе не нахожу, волнуясь за девчонок: как там они без няньки? Сын на работе по двенадцать часов, невестка просто разрывается. Она еще успевает каждый день меня навещать, готовит по ночам разные низкокалорийные блюда.

– Ну, вот и обрадуете их. Можете официально вызвать встречающих на пятницу.

– Прекрасно! Сын приедет. А как у вас дела? Отдохнули от нас, от больных, за два дня?

– Что вы! У меня не бывает таких долгих выходных. В субботу традиционное дежурство.

Я еще дежурю в приемном покое. В другом корпусе, напротив.

– Боже мой, вы так не успеете ни замуж выйти, ни детишек завести!

– Это все я уже успела, не переживайте.

– На вас глядя, никогда бы не подумала. А сколько вам лет, простите за бестактность?

– Двадцать семь, я уже совсем большая.

– Вы молодец. Но дежурства в вашем приемном покое – это просто за гранью реальности. Я как-то приезжала с внучкой сюда в выходные: она повредила ногу. Там творился настоящий ад.

– Да, работа, конечно, не сахар, но дает хороший опыт. Иногда просто футуризм какой-то бывает, за гранью понимания и вообще за гранью реальности.

Я посмотрела на часы и поняла, что у меня еще целый час до Каткиного сада. Тут же возникла коварная мысль: если я не вылезу до конца рабочего дня из палаты Вербицкой, то убью сразу двух зайцев: не надо будет идти принимать новых больных (И без меня полная ординаторская. Сволочи, как зад на отделении отсиживать – так это да, а как подежурить – так это нет) и заведующая, даже если просчет меня тут, будет очень счастлива увидеть, как я тщательно обслуживаю платных больных. Я села на стул поудобнее.

– Если вам скучно, Полина Алексеевна, могу поведать, что такое ночное дежурство, на примере недавних субботних событий.

Она тут же вся превратилась в слух. Я рассказала ей в красках про последние приключения с героем из вытрезвителя в главной роли. Рассказ такого содержания, безусловно, являлся рискованным мероприятием, но любопытство взяло верх: очень хотелось понаблюдать за ее реакцией. Предчувствие меня не обмануло. Поначалу Вербицкая интеллигентно пыталась справиться с реальными эмоциями, но к концу рассказа она уже хохотала так, что старшая медсестра, проходя мимо, на всякий случай осторожно заглянула в палату.

Удивительно, как смеется. Так только в восемнадцать лет смеются.

– Елена Андреевна, как стыдно над этим все-таки смеяться. Боже мой, но невозможно смешно! Бедный человек, несчастное поколение мужчин! Я думаю, вы меня специально весе-

лите. Сомневаюсь, что на ваших дежурствах всегда так весело. Печальная фраза – у каждого доктора свое кладбище.

– Так и есть, Полина Алексеевна.

– Вы такая еще молодая... Почему не пошли куда-нибудь в более спокойное место? Ведь есть же косметология, физиотерапия, стоматология, наконец.

– Не знаю, Полина Алексеевна. Каждому свое, наверное. Я бы там заснула, это точно. Какая-то непонятная потребность в постоянном адреналине. Самоутверждение, что ли. Сказать себе самому: я спасла человека, он еще много раз улыбнется, увидит день, ночь, траву и снег. А про кладбище... Всегда вспоминаешь тех, кого не смог спасти. И даже если не было шансов, еще долгое время перебираешь в голове все возможные варианты, ищешь, что же все-таки сделал не так. Получается, каждый врач сам заполняет это место за черной оградой. Там есть и просто погибшие без его вины люди, которые запомнились больше остальных, а есть и те, кто имел маленький шанс остаться живым, но по какой-то причине, о которой доктор помнит до конца жизни, они не остались в этом мире положенный срок.

– Неужели и у вас свое кладбище, Елена Андреевна?

– Так, это уже совсем не разговор с выздоравливающим больным. Это какая-то чернуха. Нет, на эту тему мы не будем общаться. Вы ни на моем кладбище, ни на чьем-либо не окажетесь еще ближайшее лет тридцать, это точно.

– Елена Андреевна, вы уже успели научиться понимать пациентов! Вы же видите: меня это волнует как человека, ваши переживания и эмоции. Ведь прежде всего вы молодая хрупкая интересная девушка, а потом уже доктор.

Такую черную тему на самом деле не очень хотелось развивать. Но тут, перебирая свои воспоминания, я поняла, что даже Асрян ничего не знает про *этого человека*. Никто ничего не знает, потому что я никому никогда об этом случае не рассказывала.

– Ну... ладно, уговорили. На самом деле я помню эту женщину очень хорошо. Лет девятнадцать мне было. Работала тогда медсестрой на гинекологическом отделении в этой же больнице между учебой, по воскресеньям или субботам. Обычно мы дежурили с подругой, но в тот раз она приболела, оставив меня одну на шестьдесят человек. За недели три до этого дежурства положили молодую женщину с раком шейки матки. Последняя стадия. Ей было около тридцати лет, точно уже не помню. Двое детей. Муж ушел, как только узнал о болезни. И вот, когда уже химиотерапия перестала помогать, женщину положили к нам. Присматривать за детьми оказалось некому, и ее родная сестра забрала их к себе домой. Хосписов тогда еще не существовало. Она очень мучилась. Состояние ухудшалось катастрофически быстро, обезболивающее кололи по шесть-семь раз в сутки. Вечерами сестра два раза в неделю привозила детей, и бедная больная за пятнадцать минут до их прихода сама ползла в туалет, умывалась, красила ресницы, губы и потом целый час сидела на кровати с улыбкой на лице. Она читала им, рассказывала какие-то смешные истории, рисовала вместе с ними. Но как только дети выходили за порог, я бегом неслась в палату со шприцом в руке. Уже открывая дверь, видела перекошенное от страдания лицо.

Так продолжалось около трех недель. В итоге пришел жуткий финал: боли стали невыносимыми, она металась по кровати и грызла простыни. Тело стало белое, как снег. Человек гнил заживо, и в палате стоял невыносимый запах. Утром того самого дежурства медсестра, сдавая мне смену, сообщила: пациентка уже двое суток на морфине, в семь часов вкололи последнюю ампулу и надо просить гинеколога идти с запросом в наркокабинет на седьмой этаж. С наркотиками было строго, и медсестрам этот процесс не доверялся, сами понимаете. Да и уйти я не могла, так как осталась одна на все отделение. Дежурила со мной старорежимная гинекологическая, страшная матерщинница. Еще из тех, кто считал, что обезболивание при аборте – большая роскошь. Часам к десяти утра больная уже начала подвывать. Я зашла в палату. Она с трудом открывала глаза, и только одна вещь держала ее в сознании – постоянная страшная

боль. Я посмотрела на все это и направилась в ординаторскую: морфин нужен уже сейчас. Сначала минут пять стучалась. Ответа не последовало. Потом все же решилась зайти. Говорю ей: «Софья Матвеевна, надо вам в оперблок сходить, за морфием для Алексеевой. Она уже мечется и воет минут двадцать». Мерзкая бабка в тот момент употребляла кофе и маленький бутербродик с красной рыбкой, как сейчас помню вкусный натюрморт на столе. А еще телевизор орал невозможно громко, новости по Первому каналу. Старая сука даже не повернулась в мою сторону. Чавкала и говорила одновременно: «Господи, вот сначала к гинекологу не ходят годами, а потом жалуются. Это просто у нее отек мозга начинается, вот и воет. Я не глухая, все и без тебя слышу». Я по наивности пыталась спорить: «Да нет же, ей уже второй день морфин дают пять раз в сутки», а в ответ: «Ей же утром укололи. Еще и трех часов не прошло. А мне сейчас надо какую-то блатную посмотреть, прислали от главврача. Ничего, уколи пока анальгин. Через час схожу».

Я заходила в ординаторскую с тем же результатом еще раз и еще раз. Наконец к двенадцати часам старая сволочь все-таки сносила свое мягкое место за морфием. Крики женщины к тому времени разносились по всему коридору, хотя я уже три раза колола анальгин. Никаких других обезболивающих в то время не водилось.

После морфия она затихла. Я колола ее еще в четыре, в девять часов, не давая вернуться в эту реальность и вновь ощутить, как это, оказывается, бывает больно. Несколько раз за сутки минут на десять-двадцать она приходила в себя. Я помогала ей сесть, выпить воды, умыться, а потом снова начиналась боль. Все мои мысли крутились вокруг нее, других больных как будто и не существовало. Я машинально ставила капельницы, уколы, делала процедуры в других палатах. В десять часов вечера зашла посмотреть на нее. Она была мертва. Все страдания последних месяцев запечатлелись на ее лице. И если честно, я была рада, что она больше не мучается. Хотя это так несправедливо, так жестоко: ее дети, ее будущее, все исчезло, ничего уже не будет. Почему старая сука Софья Матвеевна жрет прямо сейчас жареную курочку и попивает чаек, а бывший муж нашел уже новую пассию, позабыв и про детей, и про жену? Почему? Вот что казалось совершенно неясным. Я гладила ее по руке, такой бледной и худенькой. Хорошо запомнила: у нее были красивые тонкие пальцы, как у пианистки. Потом закрыла ей глаза... Я сидела рядом, не в состоянии встать, вызвать санитарок и пойти работать. Как может жить мир дальше, когда умер человек? За дверью по коридорам ходили больные, обсуждали погоду за окном, недоваренный геркулес на завтрак, а она лежала просто так, в палате, рядом, и ничего не происходило, ни здание не рухнуло, ни старая гинекологическая овчарка ни разу не поперхнулась, дожевывая свой ужин. Вот это, наверное, и есть первая могилка на моем кладбище. Софья Матвеевна была недовольна нашей совместной работой и перестала дежурить по воскресеньям, понимая, что я – студентка и беру только выходные. Позже мне кто-то шепнул: старая мынжа, слава богу, ушла из больницы и подалась в депутаты. После того дежурства я сильно заболела, пролежала с высокой температурой около недели. Теперь уже много лет прошло, и я научилась не умирать с каждым пациентом. Сами понимаете: иначе врача надолго не хватит. Но надеюсь, что все-таки не дойду до состояния Софьи Матвеевны. Вот такая вот история про могилки.

Полина Алексеевна слушала, не отрывая от меня взгляда и ни разу не пошевелившись. В какой-то момент мне даже показалось, что в ее взгляде исчезла бывшая доброжелательность, только жесткое, пристальное внимание. Почудилось. На высоком лбу появилась сочувственная складочка, Полина Алексеевна заговорила, заполнив тяжелую паузу. Черты ее лица вновь смягчились.

– Боже мой... я думала, что нынешнему поколению досталась хорошая спокойная жизнь, а теперь вижу, как все по-разному. Вы знаете, Елена Андреевна, по вашему рассказу понятно: вы на своем месте. Да-да, не стесняйтесь.

– Чепуха, люди испокон веков работают в разных местах, в том числе и в морге. Там, кстати, очень веселые господа работают. Имела возможность пообщаться, и не раз. Так что ничего из ряда вот выходящего я не вижу в нашей работе.

– Нет, я все это прекрасно понимаю. Но все же большинство людей стремится к душевному комфорту, а не к постоянным испытаниям на стойкость. Это сложный путь. Я вот на вас смотрю и даже приблизительно не понимаю, что могло хрупкую красивую девушку заставить пойти работать в больницу «Скорой помощи».

– Это отдельная история. Будет возможность – расскажу.

– И все-таки я думаю, что теперь быть двадцатилетним совсем непросто. У нас существовала идея, Советский Союз, было кем-то написанное расписание, а у вас этого нет. С одной стороны, это прекрасно: столько возможностей вокруг, разных путей в жизни. Но с другой стороны... Мои некоторые подруги еще работают... Говорят, в школе с каждым годом все хуже и хуже: дети невозможные, никто не читает книг. А я все равно верю в молодежь. Хотя бы даже на примере сына убеждаюсь: капитализм – это не так уж и плохо. Я воспитывала его в соответствии со своими представлениями, лелеяла мечту: вот он закончит аспирантуру, останется на кафедре, и дальше, и дальше. Но он пошел совсем по другому пути. И сегодня сам себе хозяин. Теперь я вижу: он на своем месте, как и вы.

– Почему же вы растили его одна?

– Это совсем обычная история. В ней ничего интересного нет. Я была замужем, но мы расстались, когда Саше исполнилось шесть лет.

– Сами от мужа ушли?

– Можно сказать, что так. По крайней мере, заявление на развод подала сама.

– Почему? Откровенность за откровенность, Полина Алексеевна.

Пауза с глубоким вздохом.

– Собственно, ничего, как я уже сказала, примечательного. Он работал в милиции. Люди там, как известно, работают довольно жесткие или уж наверняка такими становятся со временем. Его карьера складывалась неплохо. И вообще, все довольно долго было хорошо. Даже подумывала о втором ребенке. Но когда Сашу отдали в ясли, все пошло наперекосяк. Не сразу, нет – постепенно. Муж стал поздно приходить домой, часто выпивал. Хотя пьяницей он не был. Да и не стал, насколько я знаю. И вообще, у него давно вторая семья и, надеюсь, все хорошо.

– Так в чем же тогда была причина?

– Елена Андреевна, самое страшное, на мой взгляд, что может случиться в семье, – это неуважение, а точнее, рукоприкладство. Это случилось несколько раз, и последние эпизоды прямо на глазах у Саши. Нет, может быть, это для кого-то и норма. Но я, понимаете, выросла в семье очень интеллигентной: мой отец преподавал физику, а мать – русский и литературу, как и я. Они сорок пять лет проработали в одной школе, на Васильевском, работали даже в блокаду. Отец лишился нескольких пальцев на правой руке еще в детстве, поэтому его не призывали. Так они и оставались в Питере с первого до последнего дня блокады и не пропустили ни одного рабочего дня. Сами полуживые... И детки такие же, голодные и истерзанные, но приходили учиться. Если кто не пришел, значит, скорее всего, больше его и не увидят. А ночью копали окопы, сбрасывали фугасы с крыш. Даже не могу представить, чтобы мой отец поднял руку на мать. После всего, что они пережили вместе! С ними жил дедушка, отец моей мамы. Человек он был нездоровый, страдал туберкулезом и погиб в первую же блокадную зиму. Они еще несколько дней держали тело дома, чтобы получать по его карточкам хлеб, а потом подкармливали на переменах самых слабых детишек, тех, кто кашлял сильнее остальных или спал почти весь урок. Конечно, нам хочется вспоминать только такие моменты: проявление мужества, достоинства, но ведь не все было так. Моя мама рассказывала, что из ворот Смольного выходили вполне упитанные дамы. Так возник слой питерских богачей, забиравших за

кусок хлеба или мешочек муки наследственный антиквариат. Да это все известная история... думаю, ничего нового я вам не рассказала.

– В вашей семье есть чем гордиться. Но все-таки что случилось с вашим мужем?

Она всплеснула руками.

– Вот так! Это все моя болезнь! Я эти дни ловлю себя на совершенно не свойственной мне рассеянности. Вот полюбуйтесь: забыла, о чем мы говорили.

– Ничего. Хотя диабет и вправду не лучший фон для сосудов головного мозга, но очень много, поверьте, зависит от больного. Лично я верю в вас на все сто процентов.

– Да-да, я тоже очень на себя надеюсь. Я ведь за много лет привыкла рассчитывать только на себя. Только в последние годы, когда сын встал на ноги, позволила себе расслабиться и не думать о счетах за электричество, не планировать траты на еду, одежду... Так вот... Собственно, ничего удивительного с моим мужем не случилось: он просто был таким, каким был. Многие из поколения послевоенных мальчиков не имели нормального мужского воспитания. А я всего лишь очень не хотела, чтобы мой Саша тоже поднял руку на свою жену. Слава богу, мы теперь с Ирочкой как за каменной стеной. Вы знаете, Елена Андреевна, я все-таки думаю, что человек не рожден для страданий. Жизнь дана нам для радости, несмотря ни на что.

– И как же вы не испугались? Разводы, насколько я знаю, в советские времена были не в чести.

– Это совершенно не так. Тогда одинокие женщины составляли большую часть слабого пола. Так же, собственно, как и сейчас. Так уж на Руси определено: мужчин традиционно меньше. У нас половина учительниц – одинокие мамы были, так что я оказалась даже из большинства.

– Зато теперь вам есть ради чего жить, Полина Алексеевна. А еще вам нужно пересмотреть свои идеи полного самоотречения во имя семьи, позаботиться не только о домашних, но и о себе, и пользоваться тем, что вы теперь имеете.

– Да-да, вот и сын хочет меня после Ирочкиной сессии отправить в санаторий, но я пока даже не знаю: все зависит от моих девочек.

– И все-таки я вам серьезно советую: подумайте. Мне не до конца ясно, откуда и почему появилось ваше заболевание. Предполагаю, что постоянные перегрузки с ребенком и отсутствие отдыха сыграли не последнюю роль. Надеюсь, ваш сын это тоже поймет и что-нибудь придумает, как помочь жене, разгрузив вас хотя бы частично. В конце концов, имея деньги, можно все-таки нанять няню.

Но она только махнула рукой.

– Ой, что вы! Он сразу сказал, когда родился ребенок: никаких посторонних в доме не потерпит. И я его в этом абсолютно поддерживаю. В конце концов, это может быть даже небезопасно.

– Ну что ж. Безусловно, это ваше внутреннее решение, как вы распланируете теперь свою жизнь. Но санаторий – очень удачная идея.

Я посмотрела на часы: оставалось пять минут до окончания рабочего дня.

– Все, Полина Алексеевна, я побежала. До завтра.

– До завтра.

Улыбка делала ее невероятно красивой. Никогда раньше мне не приходилось видеть в женщине столько красоты.

Коридор, к счастью, оказался пуст, так что через три минуты я уже бежала в сторону детского сада. Седьмая палата стала идеальным местом укрытия от пристального взгляда заведующей.

Все-таки удивительная женщина. Одна вырастила такое сокровище, и ни ревности к его жене, ни высокомерия.

Прошел уже не один день, как Вербицкая находилась на отделении, и я была очень благодарна судьбе за то, что именно она первой заняла невыносимую платную палату. Совершенно неожиданный поворот. Стыдно себе признаться: ведь ни на одного другого больного я еще не тратила столько времени и сил. Конечно, можно было оправдываться и найти кучу аргументов. Как можно общаться с больным на личные темы, когда в палате еще пять человек? И вообще, дело не в ее платном статусе, а в ней самой, в ее интересности и жизнелюбии, в *настоящем* желании поправиться как можно быстрее. Конечно, другие не такие. Да, не такие. Можно честно себе сказать: в третьей палате постоянно пахнет сушеной корюшкой, которую родственники Ивановой таскают по несколько килограмм в день. Находиться там больше десяти минут просто невыносимо. В пятой – геронтологический центр. Там всем за восемьдесят и разговоры в основном о душе. Орать одно и то же по двадцать раз совершенно не доставляет удовольствия, и вообще, при входе в эту палату возникает вопрос: а зачем? Как это страшно думать так: зачем?

Хотя бы сама себе не ври! Конечно, хороший парфюм лучше, чем корюшка.

Самоуничжаясь, я дошла до детского сада, однако за его воротами все имело другой смысл и давало надежду. Катька упорно не позволяла отодрать себя от воспитательницы, пока не был обещан поход в гости к Асрян, причем немедленно. Точнее, конечно же, не к Асрян, а к молодому человеку по имени Станислав, очень похожему на мать и, самое главное, обладателю несметного количества игрушек. Нельзя сказать, что Катерину обделяли подарками дома, но у Станислава были особенные игрушки – *чужие*. Хотя разница в возрасте составляла год в нашу пользу, Катерина и асрянский пацан ладили великолепно.

Выбравшись на улицу, я позвонила Асрян и сообщила о своем приходе. Она всегда была рада нас видеть. Иркин ребенок в сад не ходил, и общение с моей Катькой помогало ему хоть как-то социализироваться. Жила Ирка в пятнадцати-двадцати минутах езды на метро, однако в список моих немногочисленных тайных излишеств входило обязательное такси к Асрян и обратно. Муж ее мотался в очередной шестимесячной ссылке где-то в Индийском океане, компенсируя свое отсутствие многим: прежде всего своим отсутствием; более чем достаточным количеством оставленных для семьи финансов; купленным для Ирочкиного удобства маленьким «Фиатом»; няней.

Асрян решительно не хотела вешать диплом врача в рамочку на стенку. Однако и бегать каждый день «копаться в кашках» (так образно она характеризовала мою работу в медсанчасти) оказалось не для нее. Как всегда, Асрян приняла правильное решение. Закончив ординатуру по психотерапии, она, уже будучи молодой мамашей, поставила оба семейства перед фактом: необходимо купить офис где-нибудь рядом с домом для частного приема. Понимая, что ни ее довольно скромная армянская семья, ни состоятельные евреи не захотят вкладывать деньги в плохо предсказуемый проект, она все же и тут добилась своего – все скинулись и купили четырехкомнатную квартиру: вот тебе и отдельный офис, прямо дома.

Жилище располагалось на первом этаже, одна из комнат теперь закрывалась на ключ и в нее сделали отдельный вход с улицы. Через полгода, весьма интеллигентно и достаточно придирчиво прощупав почву, родители мужа обнаружили: у невестки почти ежедневно полный рабочий день. По мнению самой Асрян, рабочий день уважающей себя женщины должен заканчиваться не позднее трех часов. И никаких дежурств: недосып ведет к преждевременной старости. Это только в институте можно было побаловаться.

Я долгое время не могла понять причины такого быстрого успеха. Казалось, Ирка со своим цинизмом, возведенным в рамки религии, а также полным отсутствием сострадания к большинству гомо сапиенсов никак не могла по-настоящему лечить душевные раны. Однако позже я поняла, что именно в этом и скрывалась главная причина ее успеха. Прежде всего она была абсолютно довольна собой и уравновешенна в отличие от многих моих знакомых, пришедших в психоанализ затем, чтобы вылечить свою собственную несчастную голову. Несложно

представить себе, как новоиспеченные «доктора» в процессе такой психологической помощи вываливали всех своих тараканов на голову бедных пациентов. Во-вторых, Асрян со своей холодной расчетливостью оказалась приспособлена для решения конкретных задач: доктор Асрян не наматывала сопли на кулак вместе со страждущими, как бы этого им ни хотелось.

Ирка так и осталась моей единственной подругой. Наверное, в этом была виновата я сама, а вовсе не окружающие. Скорее всего, нам просто друг друга хватало. Чем дольше я знала ее, тем больше уважала и, если признаться честно, давно уже перестала завидовать ее правильной жизни, смирившись с собственной ненормальностью. Мы принимали друг друга такими, какими были.

Маленькие дети тоже были частью нашего единения. Приезжая к Асрян теперь всегда нагруженная Катькой, я быстро скидывала ребенка в детскую, к няне и Стасику. После освобождения от материнских оков мы неизменно запирались на кухне: кофе, сигаретки с ментолом, ликерчик, или что покрепче, или что повкуснее, большие тарелки лишнего калория – счастье... В замужестве Асрян стала в отличие от меня искусной поварихой, и после ее ужинов можно было не есть несколько суток. Нам достаточно было встречаться друг с другом два-три раза в месяц. Мы разговаривали часами, обо всем на свете. Безусловно, мои жизненные неурядицы, накопленные за последнее время, являлись любимой темой наших с Ирккой разговоров. Я хоть и не давала никому возможности сунуть нос в собственную жизнь, однако не возражала против весьма грубых и прямых высказываний Асрян.

Ирка любила разговаривать, повернувшись ко мне спиной, лицом к плите, не прерывая кулинарного творчества.

– Как последний месяц?

– С переменным успехом: четыре трезвых дня на два-три алкогольных.

– Говорила по поводу приема у Сапожникова? Все-таки доцент в Военмеди, диссер как раз по алкоголикам. К нему непросто попасть, мужик опытный и грамотный.

– Ты же знаешь: он никуда не пойдет. С чего ты взяла, что он думает, будто у него какие-то проблемы? Отец пьет, дед попивал, и все в порядке. Никто еще даже не умер. По крайней мере, от этого.

– Но ведь сам же подшился два года назад, причем особенно и не сопротивлялся. На целый год.

– Ирка, ну че ты пытаешь? Ведь тогда был повод: испугался, машину разбил, черепушку свою несчастную расквасил, ногу сломал, еще бы чуть-чуть – и трепанация. А теперь мы, как говорится, сделали выводы. Права с помощью маман выкуплены, такси всех спасет.

– Ладно, ты все-таки обдумай, что с этим будешь делать дальше. Если планируешь жить с данной особью мужского пола – это одно, если нет – то совсем другое.

Как же это по-асрянски... Когда я уже так научусь, черт возьми?

– Все-таки, я думаю, ты сгущаешь: не все течет по учебникам, в том числе и психиатрия. Не все же спиваются.

Ирка периодически поворачивалась и поглядывала на меня очень противным скептическим взглядом. Измеряла и взвешивала.

– Ну лады. Борись пока.

Перешли на более приятные темы. Вспомнили по четвертому разу встречу выпускников перед прошлым Новым годом. Мы с Асрян заявили на это собрание первый раз после института, и обе были на высоте: я, как всегда, самая красивая и худая, Асрян – самая успешная, и тоже как всегда. Девчонки из группы завистливо осматривали мою мини-юбку и впихнутые в нее пятьдесят два килограмма, а также новенький «Фиат» госпожи Асрян-Эпельбаум. Народу присутствовало много, из разных групп и разных годов выпуска. С непонятной тоской и надеждой я шарила глазами по залу ресторана. Ирка тут же заметила даже мне самой не совсем понятную тоску.

– Не ищи. Он в Америку эмигрировал год назад. Экзамены сдал. Работает врачом вроде как. Между прочим, женат.

– Ты про кого?

– Господи, Сокольников! Мне только голову не дури. Про Петьку, конечно.

– М-да... Это ты в точку. Это так и должно было быть.

Общее впечатление от той встречи было каким-то неоднозначным. Все прошло совершенно предсказуемо: никто не покорил Эверест, не защитил докторскую, не ударился в трансплантологию. На худой конец, не стал миллионером благодаря пластической хирургии. Кто-то развелся, воспитывал ребенка, многие уже вообще не работали в медицине, пацаны в основной массе пахали на пяти работах и брали по десять дежурств в месяц, чтобы содержать семью. Страшно хотелось услышать что-то невероятное и окрылиться от новости – я тоже так смогу. Однако информации все равно поступило более чем достаточно, и мы с Ирккой до сих пор с большим удовольствием перемывали косточки всем, кого знали. В девять часов кухонное блаженство закончилось. Надо было еще добраться домой и упаковать ребенка спать, а также приготовить обед на завтра. В такси мы с Катькой обе уже почти заснули.

Вовки в квартире обнаружено не было. Катрин забежала сначала на кухню, потом в гостиную и несколько раз позвала: «Папа, папа», но через секунду забыла про него, так как это была уже совершенно рядовая ситуация.

Вот удивительно: так все обычно и начинается... Именно когда я еду к Асрян... Что за постоянное нелепое совпадение?..

Однако в тот день мне повезло: Вовка пришел в одиннадцать с легким пивным амбре и, тихо поужинав, завалился спать. Через час, осторожно забравшись под одеяло, я поймала себя на мысли, что даже не спросила, где он был, так как неслучайно обрадовалась такому, можно сказать, раннему приходу. За плечами уже скопился немалый опыт уходов в штопор и периодов просушки с посыпанием головы пеплом. Что будет через несколько дней, предсказать несложно. Наверное, несложно. Но все же нельзя пускать в голову мысли о безысходности, ведь не героиновый наркоман, и вообще, даже в таких ситуациях люди борются за своих детей и мужей.

Это твой муж. Отец твоего ребенка.

Хотя не... Чушь все это. Спать хочу...

Пятница пришла очень быстро, все остальные рабочие дни проскочили, как часы. Так бывает, если жить по чрезмерно нафаршированному расписанию. Седьмая палата исправно служила мне убежищем в послеобеденный час, и это оказался совершенно оторванный от медицины процесс общения. Думаю, что ни я, ни Вербицкая давно не слушали и не говорили так много. Теперь я хорошо знала, чем жили девушки периода застоя. Как непросто было развестись с мужем и не раскаяться в своем поступке. В четверг, перед последней ночью в наших застенках, я совершенно неожиданно для самой себя рассказала ей про то самое окно в родительской квартире. Первый раз в жизни. Первому человеку.

Утром в пятницу доктор Сорокина пришла на работу в немного печальном настроении. Выписка уже лежала на столе, почти готовая, и мне стало грустно: скорее всего, больше мы не увидимся с Полиной Алексеевной. Дождаться послеобеденной выдачи документов оказалось для Вербицкой непосильным делом: впервые за всю госпитализацию она, вместо того чтобы смиренно ждать моего прихода в палате, постучалась в ординаторскую и, многократно извинившись, поинтересовалась, где я. Мой стол стоял прямо за дверью. Место было привилегированное: доктора там сложно обнаружить. Увидеть меня можно было, только если дойти до середины комнаты и повернуться налево. Сашка Васильчиков оказался уже до предела выкручен своими больными, осаждавшими его еще с половины восьмого, и довольно грубо послал Полину Алексеевну обратно в палату, что она послушно и совершила. Сашкино рабочее место располагалось как раз напротив двери.

Я все-таки поторопилась, дабы не вызвать на себя гнев заведующей. Быстро дописав все необходимое, изменила свою ежедневную траекторию и начала с седьмой палаты. Полина Алексеевна уже сидела за столом в боевой готовности: макияж, «Шанель № 5», сумка, пакеты и туфельки на низеньком каблучке.

– Доброе утро. Я вижу, вы уже наготове. Прекрасно. Осталось только рассказать, чем теперь вы будете жить, кроме строгой диеты, конечно.

Я расписала в выписке прием сахаропонижающих средств и препаратов от давления и объяснила все это ей словами.

– Остальное в ваших руках. Диабет боится стойких и дисциплинированных. А еще жизнерадостных и любящих себя по-настоящему.

– Все понятно. Клянусь, что попытаюсь следовать этим последним указаниям. Елена Андреевна, с минуты на минуту за мной приедет посланный сыном водитель, а сам он должен подъехать за оставшимися бумагами попозже. Вас не затруднит поговорить с ним? Иначе, знаете, он меня изведет врачами, обследованиями, санаториями. Хочется, чтобы и он понял, что я не при смерти.

– Конечно, пусть зайдет в ординаторскую. Счастливо вам! Больше не попадайте сюда.

– Елена Андреевна, простите за наглость. Вы не могли бы оставить мне свой номер телефона? Знаете, я очень привыкаю к людям, особенно к врачам. Хотя, как говорила, не имею даже карточки в поликлинике, уже двадцать лет хожу к одному и тому же стоматологу, и гинекологу, конечно, тоже. Мне будет трудно без вас в каких-то спорных вопросах.

– Конечно.

На обратной стороне выписки я оставила ей свой телефон.

– Спасибо огромное. Я в вас влюбилась, и, поверьте, это не лесть. Желаю вам всяческих успехов.

– И вам спасибо за добрые слова.

Будет грустно заходить завтра в эту палату.

После отчета у заведующей о проведенной работе с первым платным больным я поплелась в ординаторскую. На часах было уже четыре, все усаkali, а мне торопиться было некуда: впереди дежурство. Семен Петрович опять впал в нирвану. Мама выполнила контрольный звонок: Катка уже передислоцировалась к бабушке и дедушке, слава богу, здоровая и довольная взяткой в виде эскимо. Позвонить Вовке мешали дурные предчувствия. Сбравшись с силами, я все-таки набрала его номер. К удивлению, он взял трубку. Он пребывал в хорошем расположении духа и тут же сообщил, что домой придет поздно.

Через час меня ждал приемник. Наслаждаясь наступившей на отделении тишиной, я дописывала истории. Через пятнадцать минут гармонию нарушили целеустремленные шаги и громкий командный голос в коридоре:

– ... Ты все-таки глухая. Я еще раз повторяю: поедешь в санаторий вместе с матерью. Я и так две недели выслушивал детские вопли в ее отсутствие... Через десять дней у меня сделка. Вот и поезжайте. Мне в это время не нужна нервотрепка... Кому, на хрен, сдалась твоя сессия! Не смей! Ты что, на зарплату искусствоведа собираешься ребенка кормить?! Все, не пачкай мне мозги, я перезвоню.

Тьфу, ну когда уже дверь приличную в ординаторской поставят? Такая слышимость... Надоело.

Тут же в эту самую дверь постучали, и, не дожидаясь разрешения, в отделение зашел посетитель. На пороге стоял молодой жеребец лет тридцати.

Еще и красивый. Сволочь. Вот это да! Блин, неожиданно. Совершенно неожиданно. Оказывается, Вербицкая носит большие розовые очки: сынок-то новый русский по всем параметрам, не отходит от шаблона ни на миллиметр.

– Добрый день. Вы Елена Андреевна?

Я не удержалась:

– Молодой человек, я, к сожалению, опаздываю. Рабочий день у нас до четырех. Мне нужно идти на дежурство. Приходите завтра.

Но *оно* даже ухом не повело.

– Я сын Вербицкой. Вот квитанция за последнюю неделю. А это вам.

Конвертик упал на стол. Сухо и без обсуждений.

– Ну что ж, ваша мама в целом неплохо справилась. Но, конечно, еще нужен отдых и реабилитация. А также более спокойный, как мне кажется, режим жизни.

– Понятно. Спасибо. Я думаю, мы решим оставшиеся вопросы. Я бы хотел ваш сотовый, на случай каких-то вопросов. В поликлиниках одни идиоты теперь, а в платных вообще не понимаешь, чем болеешь: не то голова, не то жопа.

– Ну, не думаю, что все так плохо. В нашей поликлинике на приеме сидят очень хорошие специалисты. Можете смело обращаться. А телефон я вашей маме уже оставила.

– Тогда больше не задерживаю.

– До свидания.

Напоследок он бросил на меня неприязненный взгляд. Через двадцать минут я медленно плелась по тропинке через маленький больничный скверик к приемному покою хирургического корпуса.

Просто до невозможности обидно, несправедливо, неправильно. Вот это сынок, черт подери! Вот это «свет в окне». Просто лампочка Ильича. Кострище для преданных мамаш. Ничего-то я про вас не знаю и не понимаю, Полина Алексеевна. И что за жизнь?! Почему не бывает, чтобы все хорошо?

2005 Март

Зима никак не планировала сдавать позиции, а хотелось тепла и солнца. Надоело скакать в потемках между корпусами. На дежурствах особенно страшно было ночью. Иногда из приемника вызывали в самый дальний инфекционный корпус, путь к которому пролегал мимо заброшенного старого пищеблока, пристанища местных бомжей. Жутко до невозможности. Наконец ужасно надоело без конца надевать и снимать уличную обувь и куртку. Летом все казалось гораздо легче. Светлее.

Новый год прошел в чудесной, почти безалкогольной атмосфере, но с конца января началась полоса умеренных коньячных обострений. К середине февраля дома опять наступил относительный покой, периодически нарушаемый милыми линеечками из пивных бутылок около мусорного бачка. Длина линеечек имела тенденцию к прогрессированию, от одной до четырех пустых единиц за вечер. Но все-таки надежда на сохранение хотя бы этого хрупкого пивного равновесия меня не покидала. Впрочем, все было как обычно.

Далее анамнез катился, как по учебнику: череда дней рождений, Двадцать третьих февралей, Восьмых март и прочего нарушила почти месячное «почти» воздержание. Вечерние отсутствия перешли в регулярные с частотой раза три в неделю и затягивались часов до шести утра, причем и в будние дни тоже. Запах при появлении мужа домой стал совсем уже не пивной. Ночное сопение, вонь, желание вступать в споры или в половые отношения, а также просто метание по квартире – все это выматывало и отнимало последние силы. Радовал только крепкий детский сон, пока что гарантировавший отсутствие нервных потрясений для Катьки. Что может дать лицемерие ночного папочки? Не будем об этом. Мои сумрачные приступы мозгокопания стали гораздо навязчивее и мешали жить.

А что будет, когда она подрастет, а ничего не изменится? А потом, когда подрастет еще? Что будет дальше?

Асян права... Получается, она права... Сколько уже прошло таких временных периодов затишья? Сколько, сколько, сколько?..

Не стонать. Ну, давай, разводишься уже, наконец. Куда ты сейчас пойдешь? К маме? Нет, конечно. В одной комнате брат эсенастый, в другой неэсенастый, в третьей родители. Отмечается. Интересно, как только Борькина жена его от Сашики отличает...

Тогда где ты будешь жить и, самое главное, на что?

Вперед! Бросишь больницу, устроишься куда-нибудь зачем-нибудь, где платят деньги, и снимешь квартиру. Как все разведенки в белых халатах. Слово-то какое противное: «разведенки».

Нет. Больницу не брошу. Не хочу.

Успокойся, посмотри вокруг, многие и пить бросают, и подшиваются не раз и не два, и... вообще, это обязанность жены – помогать в трудный момент. Это же болезнь, доктор. Вы забыли?

Все, все, все...

Не бывает семей без проблем. Не бывает. Точка.

Однако алкогольный штопор совершенно очевидно только нарастал. По моим наблюдениям, к третьей неделе он должен был стихнуть. От организма, видимо, поступал отказ перерабатывать все проникающее извне. Только на этот раз Вовкино пищеварение во главе с печенью и поджелудочной железой не хотело сдаваться. Уколы магнезии делали утреннее пробуждение не таким тяжелым, но как-то раз ампулы тупо закончились. Вовка отреагировал неестественно агрессивно, чего раньше не отмечалось: злобно глядел на меня, как на врага народа. Но после

его очередного ночного пришествия терпение мое лопнуло и все стратегические планы про мягкие разговоры о волшебных пилюлях и супернаркологах разбились о многодневную бессонницу.

– Господи, Вовка, посмотри на себя, посмотри на свою рожу! Как ты на работу пойдешь, сволочь?! Сегодня же только среда! От тебя запах, как от стада коров! Тебя все-таки уволят. Да уж и поскорее бы уволили. Может, хоть это тебя остановит. Ведь Катька все это видит! Подумай о ней, что ли.

Сорокин пытался отодрать себя от дивана. На этот раз мне повезло хотя бы в том, что ночью он не смог донести себя до спальни и рухнул прямо в гостиную.

– Рожа моя ей... видите ли... не угодила. Да пошла ты... никто меня не уволит! Мозги не пропешь...

Он был еще абсолютно пьян, а на часах семь тридцать. Хрен с ним. Пусть так и катится на работу. Зато будет возможность спокойно в обед забрать Катку из сада и вечер провести в тишине. Я еще раз по-мазохистски взглянула на накачанное теперь уже аспирином тело и закрыла дверь в коридор.

Я разбудила Катерину и через двадцать минут уже неслась в садик.

Однако фортуна сегодня мне не улыбнулась: когда я вернулась домой поздно вечером, тело все так же лежало на диване, даже положение не изменило. То, что Вовка не был на работе, – это плохо. Хотя случалось такое уже не в первый раз. Если бы не его мать-нефтяница, давно бы уволили. Любимый сыночек, или как там у нее, у хохлушки: «викоханий» – во какое слово.

Но все равно то, что он спал и в доме было тихо, – радовало. Мы с Каткой начали наше многоступенчатое блаженство: вкусняшки, игрушки, купание, сказки... Маленькое пространство вокруг нас наполнилось смыслом, засияло и приобрело выпуклые формы. И даже неурядицы с Вовкой не казались столь существенными в эти минуты... Я страшно радовалась возможности побыть рядом со своим ребенком. Радовалась от запаха, взгляда, звука голоса, прикосновений. Только одна мысль постоянно не давала покоя: много работы, слишком много. Дежурства, отделение. Каждый раз, пролетая впопыхах мимо детской площадки, где умиротворенные мамашки гуляли с Каткиными дворовыми подружками и уже покачивали коляску с новым малышом, я с завистью смотрела на их спокойные лица. Вот чем должна заниматься настоящая женщина: сидеть дома и рожать детей. И чтобы хватало времени на все: на семью, на себя, на сон и разговоры. Особенно на потомство. Быть рядом в нормальном отдохнувшем виде весь день, а не прибегать вечером в состоянии, близком к анабиозу. Чувство вины то затухало (в основном после просмотров душещипательных передач про детские дома), то, наоборот, разгоралось. Но сейчас, сегодня, в этот вечер я была в этой реальности...

Вечером Вовка осчастливил нас появлением на кухне. Он поел, посмотрел телик, и уже через час после его перемещения из горизонтального положения в вертикальное я заметила нехороший блеск в глазах. Блеск тоски и скуки. Еще двадцать минут он бесцельно бродил из комнаты в комнату, не замечая ни меня, ни Катки, – и вот оно:

– Лен, я за сигаретами выйду.

– А что, в шкафу кончились?

– Угу. Я быстро.

По понятным причинам мы со спокойной душой завалились спать, совершенно уже не испытывая никакого беспокойства по поводу Вовкиного местонахождения. Ловя ускользающие в сон мысли, я пожалела, что в спальне, где все еще стояла детская кровать, не было дверного замка. И не зря. Момент прихода мужа домой оказался мной пропущен. Скорее всего, Вовка прошел тихо и без падений, так как крепкий многочасовой дневной сон полностью восстановил его организм для дальнейших подвигов. Видимо, веселье прошло за пределами человеческих возможностей. Я проснулась оттого, что почувствовала, что лежу в чем-то мокром.

Да, подо мной разливалась лужа крепкой мужской мочи. Лежащее рядом тело не ощущало происходящего. Я сорвала с Вовки одеяло, но тут же сообразила, что поднять его возможности нет. Схватив Катьку в охапку, я переметнулась на диван в гостиную.

Как странно, ничего не чувствую, совершенно ничегошеньки. Ни страха, ни унижения, ни боли.

Вот оно. Асрян предупреждала. Ведь все нормально, Елена Андреевна? Все прекрасно. Ну выпил, ну описался. Ничего, бывает. Все хорошо, все пройдет. Человек такое животное, что ко всему привыкает.

Помнится, дед рассказывал, как в Освенциме люди шли в газовые камеры. Спокойным стадом, потому что уже привыкли к своей судьбе, уже адаптировались к мысли о смерти. Потому что не было никакого выбора, и так было легче.

Катька захныкала от резкого перемещения, но, к счастью, так до конца и не проснулась. Я завернулась вместе с ней в одеяло. Тесно, но тепло и уютно. Катерина сильно пиналась, буквально спихивая меня на пол. В конце концов я сама сползла с дивана на палас и завернулась в брошенный тут же Вовкин махровый халат. Стало холодно. По полу сильно тянуло, так что пришлось вернуться и потеснить Катьку... Покой, наконец-то покой и тишина...

Дед Ваня неподвижно сидит на маленьком стульчике под березой. Как всегда. Легкий ветерок, белый ствол в зеленых кружевах. Тихо как! Спокойно. Сидит и даже не смотрит в мою сторону, не зовет. Хоть бы что-то сказал. Раз я вижу, значит, и он видит. Это же просто... Катька больно пихнула ногой в живот. Квартира... опять этот не до конца наполненный пространство полумрак. Как страшно. Ведь все вокруг непрочное, картонное, несуществующее: и комната, и окно, и соседние дома. Нет, все это существует, но в шутку. Точно кто-то просто взял и пошутил... Пришлось стянуть покрывало с рядом стоящего кресла и снова сползти с узкого дивана на пол...

Все-таки, дед, это неправильно – ничего не говорить. Раз ты есть, так, значит, и не молчи...

Утром Катька встала угрюмая. И хотя она была жаворонком, как и я, сейчас пришлось ее насильно тащить в ванную, а при виде одежды она вообще объявила настоящую забастовку.

Господи, ведь ничего же не видела.

За завтраком началась истерика от вида простой геркулесовой каши, единственного, кстати, бесппроблемно впикиваемого завтрака. Я посадила дочку к себе на колени, что тоже помогало как второй этап при неудачной еде, и тут же поняла, в чем дело, – высокая температура.

Говорят, когда мать несчастна, ребенок болеет.

Единственный выход – срочно вызвать такси и перевезти Катерину к бабушке, так как с обеда я дежурила и возможности поменяться уже не было. В спальню даже не стала заходить. Пусть научится сам колоть себе уколы наконец. Или доползет в ларек за алкозельцером. Выдохнув, преодолевая бурю детской истерики, я кое-как собралась сама и замотала Катьку в теплые вещи, как капусту. Мама безропотно приняла эстафету.

Когда я вышла из родительского подъезда, было уже восемь пятнадцать, а я страшно не любила опаздывать. Одно наслаивалось на другое, серый комок неприятностей катился с горы, увеличиваясь в размерах с каждой секундой. Глаза сами собой наполнились слезами.

Дальше события развивались очень странно. Все, что я сделала, объяснить рационально невозможно: потоптавшись на автобусной остановке напротив дома родителей до восьми тридцати – времени окончания утренней пятиминутки, я набрала Моисеевну и предупредила, что приду к обеду из-за Катьки. Заранее было понятно, никакой отрицательной реакции не последует, так как обычно я не злоупотребляла наличием маленького ребенка.

Совершив несколько пересадок с одного транспорта на другой, я добралась до кладбища. Пейзаж за темной оградой в холодное время года совершенно не менялся: опять ужасное серое

небо, мерзлая земля под ногами, грязный снег. Последний раз мы приходили всей семьей прошлым летом, когда все вокруг было зеленым и цвели цветы. Теперь серые ряды могил уходили за горизонт. Я плутала около получаса, в конце концов обессилела и прислонилась к чьей-то оградке. Зарыдала. Почти окончательно потеряв надежду найти дедовскую могилу, я решила попробовать вспомнить, как мы несли его тогда, в день похорон. Вновь вернувшись к воротам кладбища, я сделала несколько глубоких вдохов и пошла искать снова. Могила находилась где-то на окраине, и направление я помнила смутно. Минут через двадцать наконец нашла то, что искала. Постояв и успокоившись, набрала телефон отца.

– Папа, приезжай побыстрее на кладбище. Тут у деда кто-то пытался выкопать ограду. Все раскурочено. Нет, ограда на месте. Видно, почему-то не получилось ее разобрать. Просто пытались сломать, что ли... Да, папа, кому это надо?! Ты не в Средневековье живешь... Это ж сейчас модно – цветной металл. Хорошо, что памятник большой и никому не нужный... Остальное в порядке...

Отец приехал только через полтора часа, прихватив Борьку. Я ждала их в кладбищенской церквушке, единственном месте, где можно было укрыться от холода. Внутри оказалось неуютно и противно. Особенно оттого, что буквально за оградой этого карточного домика находились могилки детей, умерших от лейкемии, изнасилованных женщин или бабушек, сбитых пьяными дебилами, а еще дедова ограда, раскуроченная и оплеванная. Но потоки страждущих к расписным картинкам не прекращались.

Почему никто не может понять: оно тут не живет. Это же очевидно!..

Одно радовало – полтора часа прошли в относительно тепле. Отец с братом быстро нашли взаимопонимание с пьяным кладбищенским рабочим, и через пятнадцать минут все было восстановлено. Мои мужики прибыли на новых папиных «Жигулях», в салоне сильно пахло свежей краской, и на обратной дороге меня тут же начало подташнивать. Я совершенно не понимала, что мне делать. Но самое противное, что даже намеков на более-менее реалистичное обоснование моего неожиданного появления на кладбище я в своей голове не находила. Одна сплошная тошнота.

Я вылезла из машины у ворот больницы, когда было около часа дня, и судорожно вдохнула свежий воздух. Пять минут пешком до терапевтического корпуса вернули меня в нормальное самочувствие, а на отделении тут же навалились невыполненные утром дела. Навязчивые вопросы улетучились сами собой.

Домой я приползла на следующий день поздно вечером. Почти за два дня на телефоне зафиксировалось пятнадцать непринятых вызовов от Вовки. Я не звонила и не отвечала на звонки. Ночь в приемнике опять прошла на ногах, с отделения удалось смыться только в четыре часа, и я тут же понеслась к матери. Катька чувствовала себя неплохо, однако ситуация оставалась определенной – садик отменялся как минимум до выходных. Страшно не хотелось тащить Катьку домой, так как обстановка там была не лучшая – я совершенно не представляла, как себя поведет Вовка. Мама на предложение оставить ребенка до воскресенья быстро согласилась, и, главное, без лишних комментариев и вопросов. Хотя, безусловно, междустрочия были для нее очевидны и заполнены личными наблюдениями за моим семейством. Информация также поступала при помощи бесперебойной азбуки Морзе под названием «Асрян». Я уложила Катьку спать и в десять часов поплелась домой, засыпая практически на ходу. Уже в подъезде ноги просто отказывались двигаться в сторону нашей квартиры. Дверь в гостиную оказалась открыта, *тело* находилось перед теликом в положении «хвост поджат». На маленьком диване валялось одеяло, из чего следовало, что млекопитающее провело последнюю ночь не в спальне. Интересно.

– Привет. А где Катька?

– У матери. Она с температурой.

– А че ты ее там оставила?

– Решила без свидетелей убрать с постели зассанные простыни, если, конечно, тебе не было угодно сделать это самому.

Вовка занервничал, положил пульт и повернулся в мою сторону.

– Че-е-е? Ты вообще о чем?

– А ты не понял? Ты позaproшлой ночью опорожился прямо в кровать. Отрадно, что не блеванул мне на голову. А то, говорят, бывает и такое.

– Блин! Ты совсем спятила?!

– А ты проверь. Проверь пойд.

Вовка с перекошенным лицом ринулся в спальню и через секунду вынес оттуда промокшую простыню, пододеяльник и одеяло и молча засунул их в стиральную машину. Как можно было этого не заметить? Я заставила себя зайти в комнату. А запах! Невозможный запах. Конечно, двое суток прошло.

Слава богу, Катька у матери.

Я судорожно начала открывать настежь окна, потом притащила из кухни стиральный порошок, разведенный в тазике водой, и залила им проклятое желтое пятно. Вовка очень тактически заперся в гостиной, выдерживая паузу и обдумывая дальнейший план действий. Для меня не видеть его физиономию после манипуляций с кроватью было очень радостно, да и вступать в дебаты не хотелось. Отмокнув в ванне, я нашла на антресоли еще одно старое одеяло и повалилась в сон на кухонном диванчике.

Утро я встретила с надеждой улизнуть незамеченной, ведь впереди был еще один рабочий день. Вовка, видимо, уже разработал план наступления и, как только зашумел чайник, материализовался на кухне.

– Тебя на работу подвезти?

– Вова, тут идти пять минут. Начни как-то более оригинально. А лучше вообще не начинай.

– Лен, ну давай не будем! Я все понимаю и сам, но пойми и ты: деньги просто так не даются – иногда просто уже нервы сдают. Ну прости! Такого больше не повторится.

– Я жалею, что в нашей зассанной квартирке нет диктофона. Тогда у тебя была бы возможность послушать свои одни и те же послезапойные выступления. Клянусь, никакой фантазии, репертуар страдает однообразием.

– Все равно, Лен, если можешь, извини. Давай отпуск возьми, отдохни. Можно куда-нибудь поехать. В Ригу, например. Ты же хотела в Прибалтику.

– Слушай, я прошу тебя хотя бы не мешать мне сейчас собираться. У меня в отличие от некоторых мамы на должности нет и опаздывать я не могу. Уйди с дороги.

Разговор на самом деле представлял собой сплошное дежавю, и я постаралась быстрее ретироваться из кухни. Однако Вовка оказался настойчив, курсировал вместе со мной из ванной к шкафу, участвуя в утреннем трехминутном макияже и одевании.

Уже открыв входную дверь, я не выдержала:

– Вова, я только одно скажу. Я не знаю, что тебе надо и для чего ты живешь. Но я не стану в такой обстановке растить ребенка. Я хочу дать ей то, что было у меня, – нормальное, неискалеченное детство. И не думай, что это призыв к твоей утопающей в спиртыге совести. Мне, честно сказать, уже даже неинтересно, что ты думаешь обо всем этом, какие у тебя планы. Я просто ставлю в известность. А ты уж потрудись как-то определиться, в чем, в конце концов, нуждаешься. И побыстрее.

Рабочий день пробежал незаметно, однако к обеду я поймала себя на мысли, что ужасно не хочу идти домой и участвовать в сцене под названием «Посыпание головы пеплом» или «Как обычно». Планы были следующие: сначала к матери, там пробыть до вечера, уложить Катьку спать, потом заехать к Асрян, а потом снова вернуться к родителям переночевать перед дежурством. А уж домой только в случае Катькиного нормального самочувствия и только в

воскресенье. Косметичку и сменное белье я взяла с собой, запасную зубную щетку я даже не вытаскивала из сумки, поэтому все осуществимо. Вариант тащить ребенка обратно не рассматривался в любом случае.

На всякий случай я позвонила Ирке и получила ценное указание купить по дороге бутылочку вина, а лучше две. После прошедшего дежурства я как раз была при деньгах, приведя в чувство парочку должностных алкоголиков перед утренним совещанием, посему могла позволить себе купить хорошее вино, и даже две бутылки.

Катку обнаружила повеселевшей. Все семейство во главе с бабушкой отплясывало вокруг единственной внучки ритуальные танцы. Но к вечеру у Катюхи все-таки поднялась температура. Прижавшись ко мне всем телом, она все же вскоре заснула.

Теперь у меня был шанс к половине десятого появиться у Асрян.

Ирка по пятницам клиентов не принимала: она была белая женщина и посему имела право на три выходных в неделю. Так что перед субботой она частенько использовала мою изничтоженную психику как полигон для тренировок. Мы с удовольствием умяли по несколько голубцов, запивая все это вином, и выкурили по паре сигареток. Про последнюю домашнюю зарисовку с Сорокиным я смогла рассказать только по окончании первой бутылки. Асрян умела слушать абсолютно невозмутимо любые, даже самые ужасные вещи без ложной жалости и плохо прикрытого бабского злорадства. Конечно, можно было объяснить это профессиональными привычками и врожденным цинизмом, но, я думаю, все объяснялось другим. Как говорится, настоящий друг не тот, кто пожалеет в трудную минуту, а тот, кто порадуется твоему успеху, несмотря на свои собственные неудачи. Ирка именно так и существовала. Ей действительно было не все равно. Молча дослушав до конца и не спеша докурив сигарету, Асрян наконец резюмировала:

– Господи, как все скучно.

– Да-а-а... просто умереть, как скучно. Особенно когда проснулась в луже вонючей мужской мочи. Ну что ты такое говоришь?! Хоть немного бы посочувствовала.

– Это все описанный еще двести лет назад сценарий. Ничего нового. Почитай великих: это все стадии течения алкогольной болезни. Сама прочти, и все поймешь.

– Слушай, мы с тобой это все уже обсуждали. Каждый врач должен иметь самостоятельное мышление. Даже инфарктов одинаковых нет, ничего не повторяется в реальной медицине. Я знаю достаточно мужиков, которые завязали. На второй хирургии Степан Петрович уже четыре года как не пьет, а подшивался всего на год. Потом наш сосед Славик... Прошлый год вечерами просто заползал в подъезд. А теперь вон бегают по утрам. После залета в реанимацию.

Асрян опять вернулась к обычному положению, повернулась лицом к плите и продолжила варганить что-то детское на завтра. Поворачивалась она только на секунду, чтобы быстро схватить реакцию собеседника. Периодически в ходе разговора она присаживалась за стол, ела что-нибудь с тарелки и запивала, не чокаясь, несколькими глотками из бокала. Именно поэтому я обычно напивалась гораздо быстрее, чем она. Думаю, разговор за плитой существовал как особый вид расслабления – она отдыхала от напряженного всматривания в лица своих клиентов.

– Завязали или потому, что попросту не были алкоголиками, или был мотив, да такой сильный, что сохранился на много лет. Я пока вижу одно: ни ты, ни Катка или даже работа, наконец, для него не имеют ни малейшего значения. Пока что это так. Ты меня знаешь: я не стану вмешиваться в ситуацию: это неэтично и толку не будет. Я для него близкий личный контакт, тем более твой. Но договориться с Сапожниковым смогу в любое время. Кстати, он открывает на Ваське¹ частную клинику. Пять минут ходьбы от метро. Я была – очень даже

¹ Васильевский остров.

глобальненько: дневной стационар, вся терапия, естественно, психотерапия, неврология и все такое. Есть ставка эндокринолога... Могу поговорить.

– Круто! А в какие дни у них эндокринолог? Ты же знаешь: я только по вечерам смогу или в воскресенье.

Тут Асрян повернулась, держа в руке большой половник. Выражение лица явно намекало на то, что этот самый половник сейчас окажется у меня на голове.

– Ленка, ты точно безумная. Какое воскресенье, какой вечер? Ты вообще про Катюку сейчас вспомнила хоть на секунду? Или ты собираешься в вашей богадельне до пенсии тусоваться?

– Черт, я что-то совсем про все забыла... Нет, конечно, это невозможно. Какая клиника, когда едва в больнице успеваю.

Асрян снова повернулась к кастрюлям и даже не удостоила меня ответом. Мне стало стыдно. Ведь сама прихожу к ней, потому что только ей, и никому больше, могу рассказать про все свои какашки, и потом тут же бегу от предложенных ею вполне разумных вариантов хоть что-то поменять. Я решила закрыть свою рабочую тему, зашедшую, как всегда, в тупик, и заодно подлизаться.

– Кстати, о работе. Тут девки звонили из онкологии, с Песочной, у них там ставка психотерапевта открывается с сентября. Подыскивают достойного человека. Я обещала у тебя спросить, ты ж у нас теперь мозгоправ с именем.

Ирка зашипела вместе с луком на сковородке.

– Потому и с именем, что никогда не соглашусь на такое предложение.

– Странно. Я думала, тебя это заинтересует. Там прием на хозрасчетной основе, график сама себе составляешь. Это же, так сказать, высший пилотаж для любого психотерапевта, в таком месте поработать.

– Нет, дорогая, это не высший пилотаж, а святое причастие. Высший пилотаж – это когда ты показал человеку возможность прожить жизнь так, чтобы не скрючиться от рака в сорок с небольшим. Чтобы радовался и не мучился сам от себя.

– Не своди ты все к мозгам. Если бы все так было просто. Там и по восемнадцать-двадцать лет девочки с раком сисек ходят. Ты же помнишь. У них что, тоже хронический стресс?

– Я этого и не утверждаю. Все индивидуально, ведь только что обсуждали. Просто каждый должен брать ношу себе по силам. Ты меня знаешь: я не экстремал и обманывать ни себя, ни других не хочу. А придет туда кто-то достойный – только пожму руку. Но только в случае, если это, блин, осознанно, а не так: шашкой помахать, а потом через три месяца – простите, что-то тут у вас жарковато.

В процессе монолога Ирка открыла вторую бутылку и достала из холодильника тарелку с холодцом.

– Ирка, черт, давай притормозим. Жрем на ночь! Будем толстые и ужасные.

– Я, между прочим, замужем окончательно и бесповоротно, так что могу себе позволить. А ты сама за собой следи и не мешай другим наслаждаться жизнью.

Я особо не сопротивлялась, ибо первая бутылка уже сделала свое дело и резко ослабила контроль над пищевым центром.

– Нет, по поводу работы ты права, всегда честно принимаешь решения. А я вот, видимо, не всегда понимаю, что делаю.

Асрян наконец закрыла детскую кастрюльку крышкой, уселась напротив меня и хитро прищурилась.

– Да-а-а... Я тебя так и представляю: война, госпиталь где-нибудь под Москвой, окопы, танки, и ты ползаешь по взрывающемуся полю с санитарной сумкой через плечо, вся грязная, чья-нибудь такая эротичная полковая жена. Молодой офицер, переполненный тестостероном,

типа Петьки, о! Так сказать, замужем с сорок первого по сорок пятый. Секс на грани истерики. А там дальше – трава не расти.

Теперь уже я раздраженно махнула на нее бокалом.

– Ой, да какой там секс у меня... не смейся. Катка – вот и весь мой секс. Особенно после недавних событий. Эротика такая теперь, что впору новую кровать покупать в спальню. Я вот думаю: прямо в воскресенье пойти купить или свекровь пригласить в гости сначала? Так сказать, ради экскурсии с ознакомлением.

– Конечно, свекровь сначала, хотя это сто процентов ничего не даст, но удовольствие получишь.

Мы злорадничали над собой и окружающими до половины первого, пока я не спохватилась и не вспомнила про завтрашнее дежурство. Заходить в квартиру родителей около часа ночи было теперь как-то неуютно. Слава богу, у меня всегда оставались ключи и полупьяное копошение в ванной никого не разбудило. Наспех приняв душ, я осторожно подвинула Катку и постаралась втиснуться вместе с ней на маленькую детскую кровать, купленную родителями специально для внучки. Была одна девочка, теперь две. Жизнь движется. В последний момент чуть не забыла поставить будильник на телефоне. Девять непринятых звонков от Вовки только за вечер.

Я очень устала. Очень. Ведь это и правда было в последний раз. Я верю. Ничего... все будет хорошо. Все наладится.

Апрель

В апреле пришли спокойствие и тишина. Вовку, вероятно, на самом деле испугало то, что он не заметил случившегося. Кровать он поменял, не дожидаясь нашего возвращения, а заодно со сменой мебели изменились и многие другие обстоятельства. Загулы резко прекратились, на работе, похоже, все тоже наладилось, и начальник доверил ему важную командировку на несколько дней в Хельсинки – без сомнения, важный фронт работ.

Я воспрянула духом. Снова появилась надежда на счастливую семейную жизнь. Оправданием моей наивности могла служить только молодость и отсутствие жизненного опыта. Более того, проснулись очень глубоко зарытые кулинарные таланты, и голубцы по-асрянски и мамин мясной пирог оказались первой вершиной моего кухонного творчества. Только ночью все оставалось так же непросто после того, как Вовка устроил писсуар из супружеской постели. Эта часть семейной жизни точно так же превратилась в полный туалет.

Вернувшись с Катькой домой после нескольких дней отсутствия, я обнаружила не только новую кровать в спальне: Вовка уже успел застелить свежее белье, купил две большие подушки, два одеяла, покрывало. Пахло дорогой деревянной мебелью и только что выстиранным и отутюженным постельным бельем. Несмотря на все эти усилия со стороны мужа, в течение двух последующих недель я старалась как можно быстрее уложить Катьку спать и завернуться в старенькое, снятое с антресоли покрывало, поближе придвинувшись к своему краю кровати. Только одна мысль о Вовкином пытении над моим телом вызывала рвотный рефлекс. Вовка как будто понимал это и не делал, слава богу, попыток напасть на меня. Днем мы казались идеальной парой, выходные проходили весело, вместе с Асрян и прибывшим из рейса мужем. Проводили время с детьми, ходили в кино, в кафе, Вовка сам предлагал себя в роли шофера, что автоматически вычеркивало его из списка лиц, употребляющих алкоголь. Венцом программы стали два посещения Мариинки. «Лебединое озеро» и «Щелкунчик» произвели на детей неизгладимое впечатление. Картинки из другого мира, как будто подсматриваешь через замочную скважину. Только события происходят все по тем же самым законам: и все так же невозможно повлиять на ход событий: лебедь умерла и уже никогда не поднимется снова. Обидно и жалко.

К концу апреля вечерние часы стали совсем напряженными. Я не могла уже держать Вовку на расстоянии. Наконец я решила, что дальше так невозможно. В одно из совместных с семьей Асрян воскресений я выпила почти что бутылку вина. Домой вернулись поздно, Катьку привезли уже практически спящую. На фоне окончательной фригидности возникло мимолетное обострение совсем изголодавшегося женского аппетита, чем я и воспользовалась. Уложила ребенка, осторожно раздев, и вернулась к Вовке в гостиную. Все кончилось, слава богу, быстро.

Ничего, пережила. Не умерла же.

Вовка с виду страшно обрадовался окончательному примирению. Мы прокрались на цыпочках в спальню и легли спать вместе, укрывшись одним одеялом. Но сон ко мне совершенно не шел. К часу ночи я поняла, что попытки считать слонов и прочие уловки ничего не дают. Я потихоньку встала, завернулась в свое старое покрывало, прокралась обратно в гостиную, забралась в кресло с ногами и уставилась в окно. Фонарные столбы, стоянка с кучей машин, соседние дома, неестественная тишина, обездвиженность и покой. В комнате тихо-нечко тикали старые дедовские часы с кукушкой, отраженный свет падал на корешки книг. На полу лежал роскошный среднеазиатский ковер – от Вовки. Ковер был очень красивым: яркие восточные узоры вычурно переплетались и как будто выпадали из трехмерного пространства. Цвета в полутьме, пока я на них смотрела, казалось, поменяли оттенки...

Так хорошо и спокойно мне было в этот момент. Просто быть здесь, осознавать себя частью этого ничего не значащего, маленького, ничем не примечательного театра теней, как будто в эту минуту ничего, кроме старых часов на стене, и не существовало. Ни к чему не

обязывающая застывшая пантомима, созданная кем-то просто так. Без повода и объяснений, без логики и дальнейшего плана. В шутку.

Не планируй ничего и не ищи. Не нужно. Это только насмешит их. Может быть, просто никто ничего не заметит. Не проявит интереса к банальному человеческому любопытству. К попытке познать, что же все-таки находится там, за гранью простой геометрии, или к стремлению переделать мироустройство. Может, хоть чуть-чуть получится... Это же так характерно для человеческого упрямства. Умереть или познать. А вдруг кто-то заинтересуется, что тогда?.. А вдруг на самом деле кто-то существует... играет в кубик Рубика, строит здания из детского конструктора, рассматривает, наблюдает...

Утром все тело болело, так как ночь прошла в скрюченном состоянии, я ведь так и заснула в тесном кресле. За завтраком промелькнула мысль, что уже много недель в кухонном ящике отсутствуют ампулы с магнием. Как мало надо женщине для покоя и счастья. На работе все оставалось неизменно вдохновляющим. Там я отдыхала, общалась, думала, смеялась, уставала, и это была самая яркая реальность из всех измерений. Точнее, многогранная выпуклость. Очередное субботнее дежурство доктор Сорокина осветила половиной маминого мясного пирога: утром подогрела его в микроволновке, запаковала во множество слоев пищевой фольги, чтоб не остыл.

Чтоб жрали и любили меня, сволочи.

Начало казалось тихим, приемник сердито пустовал. Сестры маялись без дела, дымили и обсуждали последние больничные новости. Я решила воспользоваться ситуацией и заняться принесенными с отделения историями болезни. Более скучную работу невозможно представить, но бездумной писанины с каждым годом только прибавлялось. Как говорила заведующая: «Зарплата врача «растет» обратно пропорционально количеству макулатуры». Промучившись около часа, я не выдержала и завалилась на кушетку. В голове кружилась какая-то бессмысленная каша: всплывали домашние зарисовки, Катя, потом отделение, наши обеды. Периодически всплывала Полина Алексеевна. Слава богу, она не звонила. Это с большой долей вероятности означало, что я не ошиблась и она прекрасно справляется сама, без посторонней помощи. В сущности, ведь это и есть настоящий результат: человек не болеет. Тебе пятерка, доктор. Однако каждый раз, заходя в свою платную палату, мне очень хотелось почувствовать аромат «Шанели» и увидеть коричневую замшевую сумочку на столе.

Платная палата номер семь так и осталась под моим попечительством, и сразу после выписки Вербицкой потянулась череда занимательных персонажей. Сначала положили цыганский табор с диабетом и бронхиальной астмой. Точнее, положили их барона, но это было одно и то же, так как по отделению ежесекундно бродило не менее двадцати цыган. Палата после французских духов наполнилась запахом жутких сигарет (барон прятался от меня в туалете и делал нычки под матрасом), а также всевозможных солений, колбас и ветчины. Иногда, открывая утром дверь, я совершенно явственно ощущала легкий алкогольный дух. При такой диете выписать больного с диабетом из больницы не представлялось возможным, так как сахара летели под потолок. Надо знать это племя: к врачам они обращаются редко, но если обращаются, то это означает одно – дела совсем плохи. В такой ситуации они сдавались с потрохами, хотя полагали, что наличие врача само по себе гарантирует выздоровление, и не важно, что больной продолжает курить, заедать чай тортиком, а вечером даже позволяет себе полстаканчика чего покрепче. Так и продолжалось: покупали и приносили все необходимое, запихивали в карман врачу каждый понедельник пятьсот рублей, но барон не хотел сдаваться просто так и продолжал окуривать отделение. Кое-как выписав барона через три недели, я поимела очень нервную часовую беседу с заведующей и дополнительную бесплатную палату в наказание.

Потом потянулась вереница «дамочек при муже», как я их называла, тщательным образом выискивающих у себя или диабет, или рак, или какое другое страшное заболевание, например, щитовидной железы – это было очень модно. Цель пребывания в больнице: отомстить

скотине супругу за все его измены, корпоративы, несанкционированные отъезды на Мальдивы без семьи и прочее. Ведь именно он, сволочь, и был главным виновником всех этих ужасных заболеваний. Свиданки с мужьями представляли собой вершину театрального искусства: жена лежала на кровати, свернувшись калачиком от невероятных болей в области вероятного нахождения диабета или все той же щитовидной железы, стонала и метала неистовые, полные ненависти взгляды на источник раздражения. Через пять минут после ухода мужа – сотовый телефон просто разрывался на части от обсуждения новой шубы, очередного отеля в Турции, пластической хирургии и проститутки Светки, которая имела наглость выйти замуж за нефтяного шейха. После таких сцен, неоднократно повторяющихся, несмотря на смену действующих лиц, я удрученно сидела за столом в попытках сочинить хоть какой-то диагноз, громко сопела и грызла ручку. Однажды, все-таки не выдержав, я совершила оплошность: путаясь в словах, начала давать одной из дамочек пространные объяснения о том, как заболевания щитовидной железы жестоко уничтожают женскую психику, и предложила пообщаться с психотерапевтом и определиться, что же мешает ей, так сказать, радоваться жизни и быть здоровой. Через тридцать минут заведующая хохотала у себя в кабинете над огромной истерической жалобой на меня.

– Ну ты дала, Сорокина! Какой психиатр, ты что?! Сколько раз говорить: не вступайте вы в дебаты. Для начала надо самим психологом стать, а потом уже думать, кому и что говорить!

– Я не про психиатра, а про психотерапевта говорила, Светлана Моисеевна.

– Господи, ну когда ты уже повзрослеешь, Лена! Да не нужен ей твой психотерапевт. Ей и так хорошо. Гораздо лучше, чем тебе или мне. Все, иди.

На какое-то время я взяла себя в руки. Ход мозгокопания предельно банален: лишние две тысячи на дороге не валяются, поэтому я буду терпеть весь этот ад и грызть ручки в ординаторской над платными историями и дальше. Но, видимо, рефлексивно я продолжала тяжело вздыхать в процессе платного творчества, а заведующая, как охотничий пес, улавливала все мучительно-мыслительные процессы в моей голове.

– Ты там что, Сорокина, в седьмую палату историю катаешь небось?

– Да... Завтра собираюсь Попову выписать. Не знаю, что и сочинить. Здорова как лошадь. Я сдаюсь.

– Что писать, что писать... Так и напиши, как есть: остеохероз и истеростервоз, стадия последняя, обострение!

В итоге вместо награды платная палата стала для меня сущим наказанием, и чтобы совсем не осатанеть, я старалась как можно больше времени проводить с обычными больными, у которых были настоящие проблемы. Я вспоминала Полину Алексеевну и втайне с тревогой прокручивала в голове случайно услышанный телефонный разговор ее «идеального» сыночка.

А в приемнике в отличие от платной палаты все происходило по-настоящему. Часы показывали почти двенадцать, а здесь было на удивление тихо. Едва дождавшись звонка с хирургии, я быстро запихала свой кулинарный плагиат в пакет и понеслась на третий этаж. В ординаторской тусовалась куча народу: пришла и реанимация, и травма, и даже пожилой невропатолог из соседнего корпуса. Я огляделась – Светки с кардиологии не было, а значит, женский пол сегодня был представлен только в моем лице. Федька, увидев меня, расплылся в улыбке, как Чеширский кот.

– Эй, терапия, наливку будешь? Закуску принесла?

– Плохо работаете, мужчины. На выпивку заработали, а на все остальное нет!

– А мы ценность сами по себе, без всего остального.

– Ага, вот поэтому-то я и не вышла за медика, сомнительные вы ценности.

В меня полетела чья-то история болезни.

– Еще все впереди, всего лишь первый брак, дорогая. Для нашего веселого коллектива это только, так сказать, начало карьеры, Елена Андреевна.

– Дураки.

Я достала из пакета еще теплый пирог, и невообразимый аромат мясной начинки с пряностями мгновенно заполонил всю ординаторскую.

– Ладно уж, жуйте. А мне наливки тогда.

Запах еды сразу объединил всех присутствующих около стола. Федька взялся за нож и с нескрываемым удивлением застыл над моим произведением.

– Елена Андреевна, так вы че, еще и готовите??? Ничего себе, пацаны! Уже сколько лет ничего, кроме сосисок, или коньяка с отделения, или в лучшем случае куриных котлет из соседней кулинарии, от нее не видели, а тут нате. Да это ж просто мистика!

Я поморщилась.

– Хватит уже, режь давай. И раньше приносила пироги, только мамины.

Всем досталось по маленькому кусочку.

Пашка Зорин из реанимации тут же подхватил начатую уже по которому разу Федькой тему:

– Так это вы и виноваты, скальпелюги хреновы. Куда смотрели, когда она только на работу пришла, а? Надо было сразу брать, тепленькой, как говорится, а то пока вы думали, кто-то и успел.

Но не с Федькой тягаться в дебатах.

– Да будет вам известно, Павел Александрович, что она уже замужняя пришла, и не просто замужняя, а еще и ребеночек у нас имеется. – Федор незаметно облокотился на спинку кресла и в следующую секунду завалился практически стокилограммовым телом прямо на меня. Вопли о спасении никто не слушал – это извечное противостояние реанимации и хирургии продолжалось.

– Е-е-е, Феденька, муж – не стенка, можно и подвинуть. А ребеночек – это хорошо. Это, так сказать, семейные узы только укрепляет. Так сказать, гарантия отсутствия проблем. Самая лучшая женщина какая? А, Федюнчик? – опять встрял Пашка.

– О-о-о, просветите же нас, неразумных, – сказал Федька.

– Самая лучшая и желанная женщина – замужняя женщина, – ответил Пашка.

Гнев переполнил мою чашу терпения, дышать стало совсем трудно, и я последним усилием воли стряхнула с себя Федьку.

– Хватит, задолбали со своим дебильным цинизмом, придурки.

Я изо всех сил сделала сердитое лицо. Но было весело, невозможно как весело. Остальной народ уже привык к таким сценам и особенно не реагировал, сосредоточившись на еде. Наконец придя в себя, я заметила в углу перед телевизором двух новичков, обделенных моим пирогом.

– Федя, ну чего вы, как сволочи, взяли и все сожрали? Вон там еще народ голодный, – сказала я.

По телику показывали «Зенит», посему реакции на мою заботу от незнакомцев не последовало.

– Ленка, знакомься. Это Слава и Костя, с понедельника вышли. Их за хроническое пьянство, курение марихуаны на дежурствах, а также за массовые прелюбодеяния попросили из Военмеда. Не хотят, сволочи, долг родине отдавать, как положено, – представил новеньких Федька.

Однако даже такие шутки не могут оторвать истинного петербуржца от финальной игры с участием «Зенита». Я пригляделась повнимательнее. Это были две типичные хирургические тени, обоим около тридцатника: высокий брюнет и среднего роста смешной очкастый рыжеволосый конопатик. Брюнет показался очень ничего себе: жгучие глаза и длинные кудри, небрежно перехваченные в хвост тонкой резинкой. Особенно впечатляли огромные жилистые лапищи, поросшие густой растительностью. Хирург и бабник, хотя можно оставить только пер-

вое слово, так как первое предполагает второе. Другой парень, Костик, прежде всего характеризовался обручальным кольцом на пальце, а в остальном, даже не пообщавшись, можно было определить: спокоен, умен и добр. Пошла реклама, и головы наконец повернулись в нашу сторону. Брюнет, он же Слава, окинул меня за полсекунды с ног до головы взглядом ловеласа и тут же пошел в атаку.

– Привет! А че, у вас тут блондинки тоже оперируют? – задал вопрос Слава.

«Ну погоди, сволочь, поговорим еще», – мысленно ответила я.

Федька вступился:

– Это Ленка Сорокина, терапевт.

– А-а-а, а я уж испугался. Классная тут у вас компания в субботу. Мы с вами теперь, – сказал Слава.

А теперь мой ход.

– А вы что же, пацаны? Всегда в паре? Крючки друг другу держите в операционной или что еще?

Получите: один – один.

– И что еще тоже, мадам.

Все заржали, как кабаны. Федька продолжал в роли разводящего:

– Они близнецы, Ленка. Представляешь?! Только, как это там по-вашему, по-умному?.. Разнояичные, о!

– Дураки! Чему вас только шесть лет учили, чикатины чертовы. Разнояйцевые, разнояйце-е-евые! И какое яйцо чему обучено? – ответила я.

– Слава – наш человек. На башкорезню взяли. А Костю – в реанимацию, – пояснил Федька.

Ну да, ну да. Заведующая нейрохирургией как раз застоялась после развода.

Черноголовый конь не собирался заканчивать свое показательное выступление.

– Ага, вишь, фонендоскоп нацепил, чтобы от санитара отличали, гы-ы-ы...

– А ты лучше трокез из скальпелей сделай, а в уши ранорасширители. Это убедительнее, – сказала я.

Народ похохатывал, наблюдая одновременно за двумя параллельными процессами: телик и наша перепалка. Тут я опять пропустила наступление с фланга, и Федька снова вцепился в меня мертвой хваткой. Началась старая песня о главном, перед новыми зрителями это было пока еще актуально.

– Лена, ну когда ты уже кому-нибудь отдашься? Это уже неприлично, не по-товарищески.

– Завтра и начну, график только составьте, сволочи... Федя, ну отпусти уже, хватит!

Надо как-нибудь записать этот треп на телефон и включить в приемнике на всю громкость, тогда точно все больные резко поправятся и можно будет продрыхнуть целую ночь. Теперь на хирургии в обед сидел только дежурящий молодняк с разных отделений. Старшие бывали редко, так как они в основном обитали в своих кабинетах. Конечно, кому это все понравится слушать? И потом, после сорока, уже хотелось недолгое свободное время потратить на сон, а не на ржание.

Как же я отдыхала тут, рядом с ними, разговаривая на одном с ними языке, живя в одном с ними измерении, имея одинаковые с ними мысли и понимание жизни. Сразу забывала о Вовке, всех домашних проблемах, о постоянном страхе нового запоя. Все это уходило, превращалось в случайную нелепость, временную и ничего не значащую неприятность. Каждому в этой ординаторской природа сделала немало подарков. Несмотря на молодость, Федор мог сделать на спор аппендицит за пять минут, а прободную язву за сорок, при этом движения рук напоминали четкий танец, отрепетированный до мелочей балет. Известность Стаса уже распространилась далеко за пределами нашей больницы: он шил послеоперационные раны так, что через три месяца не оставалось практически никаких следов. Знающие люди вызывали

его оперировать аппендициты и внематочные, а также прочую радость для своих доченек и любовниц, дабы не портить красоту.

Кто-то вспомнил про мое знаменитое дежурство с запертым в гинекологической алкоголиком, и начался неистовый гогот, перемешивающийся с орущим телевизором. Телефон на столе молчал около часа, так как, очевидно, высшие силы отвернулись, не найдя сил слушать эту мерзость и похабные шуточки. Однако долго лафа продолжаться не могла, и звонок из приемника оповестил о наличии пары пневмоний, а также двух бабушек с кишечной непроходимостью. Все страждущие ждали нашего выхода на сцену, и мы с Федором удрученно поплелись на первый этаж.

– Федя, а что за пацаны-то на самом деле? Уже дежурил с ними?

– Да не бойсь. Они оба после Чечни, так что сопли на кулак не наматывали.

– А что, реально родственники?

– Да не... Ты ж знаешь: они после войны все немного не в себе. Заведующий реанимацией поставил их в разные смены, так такую истерику устроили. Теперь никто не связывается. И так народу не хватает грамотного. Хотят вместе, так пусть будут вместе.

Тут Федька хитро улыбнулся.

– А что, приглянулся кто? Ах ты, блин, святоша! Мы тут, понимаешь, уже сколько лет кругами ходим, а она обмякла за полчаса от кудрей! Ну-ну, Елена Андреевна...

В ответ я начала колотить его по голове журналом приема больных.

– Не отвертись! Ишь! Ну все, бойкот тебе, Сорокина!!!

– Да ладно! Бойкот! Сейчас плакать будешь, просить бабуську перед операцией посмотреть, сахар, ЭКГ. Вот фига теперь тебе вместо сахара и ЭКГ!

Эх, а ведь правда хорош, сволочь, Сла-ва... ступенька... ступенька... Слышишь, ты, неудовлетворенная, у тебя небось это большими буквами на лбу пропечатано. Раз и навсегда: не на работе.

Дежурство прошло в целом тихо и даже прибыльно, одарив парочкой щедрых больных и лишними полутора тысячами в кармане, и часам к трем ночи в приемнике стало пусто. Я провалилась в сон и очнулась около шести, разбуженная звуками машины из пищеблока. Вообще, врачи спят, как матери грудных детей: со временем у них вырастает специальное, неспящее третье ухо. Запахло горячей геркулесовой кашей.

Перевернувшись на другой бок, я опять попыталась закрыть глаза и так продолжала дремать, бессистемно перелистывая страницы своего бытия. Всплыла обеденная оргия на хирургии, Федькино прерывистое дыхание и крепкие руки.

Господи, посторонний мужик чуть-чуть оказался ближе, чем нужно, и уже тепло внизу живота. Все-таки дожидла, старушка. Хотя ни фига! Я – многострадальная жена алкоголика, у меня нервная работа и маленький ребенок, мне вообще по вредности положен как минимум флирт, а уж поржать на дежурстве в хорошей компании, так это просто – жалкий аванс.

Почему-то хотелось плакать, но помешала волна предрассветной дремоты, окутавшей мою каморку аж до половины восьмого. Хорошее дежурство.

Утром дома было тихо. Катька, понятное дело, находится у матери. А почему тихо? А все по простой причине: Первомай же, праздник на дворе! Никого. В квартире никого не было. Выглянула в окно – на стоянке красовалось наше (точнее, бывшее свекровино) авто. Я села около проводного телефона, и тут меня передернуло. Что я сейчас буду делать? Что делать, что делать... Все как обычно: попытка номер один – Вовкин мобильник (выключен), следующая попытка – вытрезвон, потом милиция, потом морг, а потом... (зажмурившись и изменив голос), потом наш приемник. Да, я же целых двадцать минут шла домой, за двадцать минут можно многое успеть. Слава богу, Сорокиных не привозили. Мне стало страшно.

Я – чудовище. Мне легче обнаружить его в морге, чем опозориться на работе. Когда же это произошло? Между прочим, мы все те же люди, что и десять лет назад: я – это я, а он – это он, Вовка. Вот так финал, черт подери. Ну что, доктор, на кого теперь обижаться-то? А если честно, просто ущербная женщина. Где плохо двигается шея, там не работает голова. Вот так. Полезно вообще-то вспоминать иногда, как вы спешили замуж, мадам Сорокина. Кто кого любил, а кто нет.

Сил ждать в одиночестве не было никаких, праздник в ближайшей перспективе работал против меня, и варианты возвращения могли оказаться очень разнообразными. Быстро накинув плащ, я рванула вниз по лестнице. Плана никакого не было, но лучше быть где угодно, но не дома и не одной. До обеда я промаялась у родителей: в полудреме валялась с Катькой на диване, смотрела мультики про Али-Бабу. Наконец к обеду собралась с духом и позвонила домой на городской номер. Никого. Сотовый тоже продолжал молчать. Ну да ладно, пойдем по друзьям и подругам. Катьку засунула в легкое пальтишко и на углу у подъезда поймала такси. Вариант, как всегда, один – Асрян. У Ирки пахло салатом с красной рыбой, на кухонном столе стояла бутылка мартини. Катька попыталась прямо с порога рвануть в заветную комнату к Стасику и его новым игрушкам. Я уже гипнотизировала кухонный стол.

– Эх, Ирка, вот это все просто кстати.

– Ну че, заходите, девочки. Вы сегодня одиноки? Мы тоже. Папа наш отчалил на три месяца почти.

Я плюхнулась на маленький кухонный диванчик.

– Как всегда, сценарий тот же... по наезженному кругу. Путь мой бабский непрост и откровенно ущербен. Праздники, Асрян, гребанные праздники. Утром пришла – дома никого. Мать сообщила, что Катьку сдал накануне вечером около восьми. Сотовый не отвечает. Не надо было около него сидеть. И себе, и ему жизнь сломала. Вот и пьет.

– Занимательно! Это что-то прямо новенькое. Мать милосердия! Ты че, переработала совсем, что ли, Ленка?! Еще пойдй колокольчик на шею себе повесь. Знаешь, дорогая, хорошей картой хорошо играть.

Ирка быстро сходила в коридор и закрыла дверь в детскую, потом предусмотрительно прикрыла и кухонную дверь. Готовка была уже завершена, и Асрян села со мной за стол, с удовольствием налила два бокала и достала парочку сигарет. Я уже месяц не позволяла себе никотиновое расслабление.

– Фу, Асрянша! Приходи ко мне в приемник. Сколько раз звала. Посмотришь, как деды-беломорщики раковые легкие выкашливают.

– Был бы у тебя хоть сколько-нибудь трезвый взгляд на жизнь и медицину, то поняла бы, что нет никакого смысла жить по правилам. Есть один только смысл – существовать в гармонии с собой и получать удовольствие. Понимаешь или нет? Хватит уже, какой-то сплошной дешевый сериал «Скорая помощь». Ты что думаешь, великое дело делаешь, жизни спасаешь? Глупое ты животное, Сокольникова. Так вот, чем быстрее ты поймешь, что каждому свой срок и своя судьба, тем лучше. Мы все там будем. И еще неизвестно, где это там. И есть ли это оно. Ты вспомни-ка подвалы на анатомии. Как мы бомжиков потрошили, а? Ничего такого: ручки, ножки, артерия медиана, нервус френикус – и все, больше ничего! Зубрить много, и пахнет неприятно. Ты в башке своей и в жизни порядок наведи сначала, дорогая. А то, я смотрю, уже совсем загоняешься.

Каждое слово резало, потому что было правдой.

– А к текущему вопросу еще раз напоминаю: учебничек любой в библиотеке возьми по алкоголизму и почитай про причины и последствия.

– Господи, да я что, разве спорю с тобой? Нет, конечно. Но все равно я во всем виновата. Было бы мужику дома хорошо, не шлялся бы. И не пил. Был бы стимул к жизни.

– Дура ты еще раз. Вот ты представь себе: сидят два человека, один напротив другого. Один взял и ударил соседа по лицу. Вот что ты думаешь, человек, которого ударили, как он поступит?

– Ну откуда же я знаю? Это совершенно непредсказуемо.

– Хотя бы возможные варианты, напрягись.

– Да все возможно... Например, ударит в ответ.

– Может, и ударит. А может, заплачет. А может, встанет и уйдет, или начнет выяснять спокойно, что случилось, или наорет матом. Так вот ответь теперь: тот, кто ударил, отвечает за то, что сделает другой в ответ?

– Конечно, отвечает! Ведь можно так просто пощечину дать, а можно и череп проломить, и знаете ли, доктор, реакция будет разная.

– Нет, дорогая, не так. Потому что даже если была лишь пощечина, то один тебе врежет в ответ, а другой заплачет. Так вот именно поэтому ты никак, слышишь: *никак* за Вовкин алкоголизм не отвечаешь, даже в том случае, если считаешь, что ты его причина. Это все полная дурь, и чем скорее ты это поймешь, тем лучше для тебя.

После такой тирады я даже притихла и не сразу нашлась что ответить. Ирка настойчиво пользовалась моим замешательством и продолжала:

– Вот ты представь себе моего тихоню. Представь, что он неожиданно вернулся из рейса, ну и там, скажем, с любовником меня застукал или я просто взяла и обозвала его конченным импотентом, неудачником и свалила. Он что, сопьется?

– Ирка, ну что ты мелешь! Конечно, нет.

– Вот именно! Так почему ты думаешь, что твой Вовка пьет из-за тебя?

– Ира, да я все понимаю. Все совершенно очевидно. Только вот дальше что, непонятно.

– А что дальше? Так я тебя опять расстрою, только не обижайся. В данном случае перспектива ясна однозначно: Вовка твой – просто алкаш. Понимаешь, вот так просто, и все. Диагноз у него, как инсульт или инфаркт, трудностей не представляет: хронический алкоголизм. Хочешь спасай, хочешь нет. Можешь попробовать подшить еще раз, но не мне тебе объяснять, что это хроническое заболевание. От рецидива никто не застрахован.

– Да ты пойми, Ирка! Ведь в девятнадцать лет замуж вышла, а до сих пор не пойму: по любви хоть тогда или нет. Как теперь создать что-то настоящее?

– Господи, я ей про Фому, она мне про Ерему. Да говорю же тебе: не ты, так другой раздражитель будет, только повод нужен, а выпивка всегда найдется.

Я совсем потеряла силы спорить под потоком четко обоснованного негатива.

– Да-а-а, Асрян... как же ты души лечишь? Просто не понимаю... Ты же конченный циник.

– А никто у меня этого и не просит, души лечить, дорогая. Ты что думаешь, если все мои олигархши правду-матку узнают о себе, о жизни своей, давно закончившейся – как раз тогда, когда они столь удачно вышли замуж, станут они после этого ко мне ходить? Не-е-е, никто не хочет правды, никто. Все хотят как-нибудь так... чтобы не очень напрягаться, чтобы не очень больно, а главное, чтобы ничего не надо было делать. Это, пожалуй, самое важное. Иногда начну всякие наводящие вопросы задавать, и такое вижу между строк про их милые скелетики, что жуть. Ты не представляешь просто.

Отчего же, очень даже представляю. Сильно представляю. Особенно про скелетики. Про походы на кладбище не пойми почему, например.

– Правда, иногда бывают, конечно, клиенты. Действительно жить хотят, по-настоящему. Но они приходят и через два-три месяца уходят. Им больше не надо. Им просто помочь развернуться в нужном направлении, а дальше они сами.

– Ирка, а ты своего Сашку ну хоть немного любишь теперь? Ни разу не пожалела?

– Господи, да как же вы мне все надоели: любит – не любит, изменяет – не изменяет... Отстань, я сапожник без сапог, и меня это устраивает. Все-таки ты еще на пещерном уровне

развития, Ленка. Жить-то всю жизнь с человеком, а не с любовями. Удивительно, что ты этого совершенно не осознаешь. Да... боюсь, даже если ты со своим маменькиным сынком расстанешься, все равно толку не будет. Эх, долго еще с тобой попить будем на майские праздники вдвоем!

К девяти вечера мы почти опустошили бутылку, и я начала собираться домой. Последние попытки звонков на сотовый и домашний так и не увенчались успехом. Мы с Катькой вылезли из такси у подъезда – дома на кухне горел свет. Только непонятно было – хорошо это или плохо. Я вошла в квартиру, осмотрительно задержав Катьку на лестничной клетке. Тихо. Телевизор. Ладно, заходим.

Вовка сидел на кухне, на столе в ореоле жалкой предусмотрительности стояла ваза с цветами. Под глазом бланш. Заслышав шаги в прихожей, Вовка сделал телик потише и вышел в коридор. Видок был жуткий: лицо опухшее, огромный синяк в самом цвету. Катька, набесившись у Асрян, уже устала и особо внимания на Сорокина не обращала. Максимально быстро я стащила с нее верхнюю одежду, искупала и быстро положила в кровать. Слава богу, у Ирки ей достался большой кусок пиццы, так что ужин в наши планы не входил. Вовка все это время стоял столбом посреди прихожей в полной тишине. Катерина быстро заснула. Закрывая дверь спальни, я успела медленно досчитать до десяти и пару раз глубоко вдохнуть.

– Ленка, прости. Я немного сорвался, перебрал.

Я постаралась обойти его с фланга и просочиться в ванную без вступления в диалог, так как по амплитуде шатания четко поняла: тело еще с приличным процентом алкоголя в крови. Но Вовка не желал оставаться неслышанным и вцепился мне в локоть.

– Лен, ну в конце концов... выходные... праздники...

– Это все круто, но через день на работу, а за такой срок лицо не поправится. Мне просто стыдно за тебя, понимаешь? Я уже даже не говорю, что раньше хоть волновалась: где ты, что ты? – а теперь уже так привыкла к тому, что телефон вечно выключен, что даже и не переживаю. Как сказала твоя мама после аварии: «Ты теперь взрослый человек, и все, что ни случится, мы переживем». Мне бы ее нервы!

– Че ты маму-то впутываешь? Ты че, уже сообщила?

Я судорожно пыталась нажать кнопку внутреннего тормоза, понимая, что утром, как всегда, буду жалеть об этом никуда не ведущем споре с пьяным человеком. Но ничего нового – как всегда, не сработало. Глупо.

– Никому я ничего не сообщила. И даже не хочу знать, откуда бланш. Надеюсь, что ничего криминального, иначе все же придется мамочку впутывать, сам понимаешь.

Вываться из цепких Вовкиных рук не удавалось, и чем настойчивее я пыталась добраться до спасительной двери в ванную, тем крепче Вовка впивался в мой локоть. Последняя фраза явно оказалась лишней. Вовка вцепился в меня обеими руками и начал трясти.

– Ты че, страх потеряла совсем?! Ты че, думаешь, все мама решает?! Да ты дура конченная! Просто дура. Сидишь в своей этой больничке и в ус не дуешь. Да ты вообще знаешь, как деньги зарабатываются? Как вообще по жизни вопросы решаются? Дебилка...

Появились опасные громкие ноты, и я испугалась, что проснется Катька. Я рванулась, собрав последние остатки злости. Вовка как-то неловко опрокинулся на пол, что дало мне возможность почти добраться до ванной. Но заблуждаются те, кто думает, что пьяные передвигаются медленнее трезвых. Это не так. Уже взявшись за ручку двери, я почувствовала, как он схватил меня за плечо. Я рванулась, почти освободилась, но последовал сильный толчок в спину, и в ту же секунду я с грохотом упала в коридоре.

Ничего. Несильно. Ничем не ударила. Жива.

Я инстинктивно сжалась на полу в комок, ожидая следующего толчка. Продолжения не последовало. Я повернулась. Вовка сидел на полу в метре от меня и тяжело дышал, обхватив руками голову. Жутко хотелось врезать ему ногой по челюсти, однако чувство самосохране-

ния и, безусловно, мысль о Катке остановили мой порыв. Стало холодно, ноги и руки вмиг окоченели.

– Вова, все, успокойся. Давай уже не сегодня... Катку разбудишь. Иди спать, пожалуйста.

Видимо, в мозгу у Сорокина сработал какой-то внутренний ограничитель, и я получила возможность приблизиться к двери в ванную комнату. Проскользнула и тут же закрылась на щеколду. Хотелось расплыться в горячей, наполненной до краев ванне, забыться и размякнуть, но я волновалась за Катку. Наспех помывшись, быстро выскользнула обратно, чувствуя, что так и не согрелась.

Тихо. Вовка валялся в гостиной: голова на диване, тело на полу. Я плотно закрыла дверь в гостиную и пошла к Катке.

Все-таки надо сделать замок в спальне. Теперь это обязательно надо сделать.

Ночью приснилась анатомичка. Как там у Ирки: ручки, ножки, нервус френикус. На стационарном операционном столе лежало вымоченное в формалине тело одинокой питерской бабушки, отданной на растерзание студентам по причине отсутствия родственников. Девчонки пытались выковырять у бедной бабули нужное нам позарез сухожилие плечевого сустава, иначе пересдачи по анатомии было не миновать. Я почему-то пересчитала всю нашу группу – не хватало Асрянши, что сильно меня удивило, и я стала смотреть по сторонам. Ирки нигде не было. Забавно. Однако Асрян обнаружилась буквально через секунду, когда мой взгляд зачем-то пополз наверх. Там, под темным сводом питерского сырого подвала, она летала на метле, точно ведьма из «Вия», тихо, по кругу, поглядывала на процесс свысока и жевала сервелатный бутерброд размером с ее голову. Тем временем поиски сухожилия окончательно зашли в тупик. Первая сдалась я, сильно нервничая из-за случайно обнаруженной в столь странном образе Асрян. Озвучить свою находку было страшно, потому что если все же мне померещилось и ее там нет, то это будет равносильно добровольной явке к психиатру.

– Девчонки, хватит уже. Наверное, вчерашняя группа уже все тут расковыряла. Ничего мы не найдем. Блин, надоело! Пересдача так пересдача.

Со стороны входа в аудиторию послышалось легкое шипение. Я вздрогнула от неожиданности и повернулась. В дверном проеме материализовалась Екатерина Борисовна, преподаватель по анатомии. Она оказалась странно одетой – темный балахон с огромным капюшоном времен средневековой инквизиции. Хотя что тут странного, ведь мы всегда звали ее Всадник без головы. Почему так, не спрашивайте – не знаю.

Вот оно – конец, пересдача.

Мучительница замерла между коридором и аудиторией, пристально оглядела нас одну за другой, явно выискивая жертву на сегодняшний день. Взгляд остановился на мне.

– Сокольникова, а хочешь, я тебе кое-что скажу по секрету?

Не дожидаясь ответа, она неожиданно поднялась над полом на несколько сантиметров, нарушив, вслед за Асрян, законы гравитации, и поплыла в мою сторону, рассекая пропекшийся формалином воздух. Товарищи мои явно ее не видели и продолжали упорно бороться за зачет по анатомии. Я оцепенела от ужаса, хотелось кричать, но, как ни открывала рот, не могла издать ни звука. Всадник приблизился и, наклонившись к моему уху, медленно прошептал:

– Так вот, Сокольникова... Ты ведь уже получила фонендоскоп на пульмонологии, так?

– Д-д-да, Екатерина Борисовна. На той неделе.

– Прекрасно! Но только существует, понимаешь ли, один маленький нюанс. Есть доктора, проходившие всю свою жизнь с фонендоскопом на шее, лечившие бронхиты, пневмонии, туберкулез и рак легкого, но никогда, слышишь, никогда так и не *научились понимать, что же они такое слышат там, в этих трубках!* А ты, ты, Сокольникова, что ты слышишь, когда пытаешься понять, что же есть внутри у человека и как оно работает? *Что ты там слышишь?*

Я проснулась в холодном поту. Катька спокойно посапывала. В комнате царил полумрак, уличный фонарь освещал пространство около подъезда. Я села на кровати. Как тихо и хорошо. Все то же смещение в никуда, тот же покой. Предметы медленно и постепенно обретали привычные формы: маленький бабушкин комод, моя гитара в углу, детский столик, тяжелые плавающие шторы. Все застыло в пространстве, выплыло из сумрака только наполовину и не желало вернуться в реальность. Неподвижность и полусвет, ни запахов, ни звуков, ни оттенков, ни времени. Нет слов, нет движения, страданий и чувств. Что-то еще здесь есть, мы слепые, мы не видим.

Ведь так, дед?

Июнь

Лето началось не по-питерски: в первую же неделю к обеду столбик термометра перевалил за плюс тридцать и не хотел опускаться. Воздух плавился, стал как будто осязаем. Тяжелые, наполненные выхлопными газами влажные потоки перетекали через дома и припаркованные машины. Утренние часы еще как-то можно было пережить, но к полудню больница раскалялась до невозможности. Даже мои родители, будучи совершенно здоровыми людьми, стали жаловаться на всяческие недомогания. Отец по-спартански держался, однако мама сдалась, отступив под натиском климатических перемен и накопившейся усталости, и несколько раз выдала хороший гипертонический криз. На семейном совете было решено отправить ее в санаторий, куда-нибудь в Карелию, поскольку там явно посвежее. Однако в наборе маминых жизненных представлений не было места такому времяпровождению, более того, она просто презирала любителей курортологии, и поэтому мы сошлись на простой турбазе. Катку отправили вместе с ней. Настало физическое облегчение. Но по своей пионерской привычке я тут же заполнила свободное время дежурствами и осмотрами больных из палат выбывших в отпуск товарищей. Я не чувствовала никакого неудобства в таком решении, не считала теперь каждую минуту после трех часов, чтобы успеть в детский сад, так как воспринимала всю эту работу как отдых. Это время вполне походило на хороший отпуск.

Лето всегда приносит с собой надежду и окрыляет, как Новый год или день рождения, однако с Вовкой пока ничего обнадеживающего не происходило. В конце мая психотерапия у хорошего и дорогого дядьки Сапожникова закончилась и тут же продемонстрировала свой дефолт. В первых числах июня у мусорного ведра скромно, немного стесняясь пока, начали выстраиваться пустые пивные бутылки, и это тоже давало мне повод реже появляться дома. Что делать дальше, я пока не придумала и закапывала голову в песок старым способом: в отсутствие ребенка работа – есть свет.

В приемнике, к моей радости, продолжала существовать наша стойкая компания под названиями «среда», «суббота» или «воскресенье», куда входил основной костяк. К нашей компании быстро присоединились Славка и Костя. Они оказались полной противоположностью друг друга. Славка был руки, и в больнице быстро сложилось мнение, что у него на столе не страшно протрепанить и собственную голову, если что. Костян же очень продуктивно работал мозгами. Выяснилось, что у обоих и отцы, и деды служили военными врачами, но эта тема была табу, и «братаны» не любили говорить ни о себе, ни о родителях, ни о Чечне. Впрочем, никто после Чечни не рассказывал ничего романтического и вдохновляющего, а точнее, обычно вообще ничего не вспоминал. Костя оказался стойко и необратимо женат и уже имел двух детей. Славкино личное дело являлось предметом бешеного интереса всей женской половины небольшого больничного коллектива. Совершенно ясно, что он был не женат, но что там, в анамнезе, – никто не знал. Интрига оказалась удушающей. Этот огромный жилистый черт с цыганским хвостиком под колпаком не давал покоя всем дамам нашего королевства.

В очередную субботу мы с моей неизменной Люсиндой пили в сестринской утренний чай, пользуясь быстро ускользящей тишиной. К нам спустились девочки из оперблока. Последние несколько недель тема для болтовни была практически одна и та же – доктор Вячеслав Сухарев, нейрохирург.

– Девочки! Это вообще! Словами не передать. Перчатки ему надеваю, а руки такие! О-о-о! Такие, прямо мурашки по спине. Потом стоим за столом, а он как глаза на меня поднимет – я ничего не слышу прямо, стою как дура, пока не рявкнет. Ой, девочки! Отдалась бы не глядя, если б только намекнул.

Слушать это по десятому разу уже не хватало терпения, и я таки вступила в дебаты:

– Дамы, ну что вы вечно не на том циклите! Это же ходок, у него диагноз на лбу большими буквами прописан. Вот Костя – это другое дело. Жинке его, конечно, повезло. Настоящий крепкий мужик. Вот от таких детей рожать не страшно. А этот – сатана с хвостиком.

Девки из операционной хитро прищурились.

– Да-да, Елена Андреевна, что-то только не ясно, отчего это он к вашей теплой воскресно-субботней компании присоседился дежурить. Не знаете, случаем?

– Так... не поняла, что за намеки? Вы ж меня знаете, у меня полный климакс: работа, дом, работа. Я уже умерла.

Подколки закончились недоверчивым ржанием в мой адрес. Началось обязательное обсуждение последних новостей с фронтов. Заговорили, в частности, про всебольнично известную пациентку со второй хирургии, которая умудрилась в новогоднюю ночь поймать своей печенкой огромную петарду, пробившую на огромной скорости и шубу, и все, что под ней было. Довольно большая по размерам штука в итоге застряла, не разорвавшись, в левой доле печени, испортив Федьке новогоднюю ночь. Выковыривали злосчастную игрушку около четырех часов, рискуя остаться без пальцев в любой момент. Тетка осталась жива, но с тех пор периодически попадала к нам с разными осложнениями, неизбежными после застревания в животе огромного инородного тела и кусочков шубы. Мы обсудили еще раз Федькино мастерство, и разговор опять переплыл на Славку и его образцово-показательные трепанации, которыми он прославился и среди сестер. Товарищ заигрывал со всеми, включая меня. Причем с чувством однозначного превосходства и уверенности в победе, чем страшно раздражал. Весь приемник с интересом наблюдал наши стычки. Дефилируя вразвалочку мимо поста, он обычно первым заводил перепалку:

– Елена Андреевна, я пришел. Где тут ваше ДТП? Чувствую, вы прямо задышали чаще. Ждали меня небось?

Я общалась с ним демонстративно громко, не отрывая головы от амбулаторной карточки.

– Ага, одышка прямо, Вячеслав Дмитриевич. Какой же вы милаш, прямо думаю. Еще никто никогда вам ни в чем не отказывал. Кстати, ДТП не мое, а ваше. Дарю.

– И вы тоже хотите мне не отказать?

– Просто жажду, Вячеслав Дмитриевич, умираю от желания отдаться вам со всеми, так сказать, потрохами.

– Так я всегда готов помочь красивой женщине, Елена Андреевна. Особенно блондинке.

– Что-то я не пойму: недавно мой цвет волос был недостатком. Или я опять по тупости своей что-то напутала?

– Елена Андреевна, ну поднимите глазки, а то ведь сейчас уйду в операционную – и все, будете страдать.

Такие диалоги длились ровно до адского крика из рентген-кабинета:

– Вячеслав Дмитрич, черепа-а-ан сняли, идите!

Люди в коридоре, ожидающие своей участи, при таких выкриках резко вздрагивали. Вообще, народ плохо переносит медицинский сленг, и я не раз говорила себе: надо следить за тем, что вылетает изо рта. Однако в экстремальные минуты слушать наше общение на смеси мата и медицинских терминов было невозможно. Хуже всего приходилось молодым операционным сестрам после медучилища. Приходя ассистировать после многомесячной зубрежки названий операционных инструментов, они с ужасом понимали, что не существует на свете скальпелей брюшистых средних и малых, зондов пуговчатых, двусторонних и желобоватых, зажимов «москит» прямых и изогнутых, а есть на самом деле «хренюлины», «канюлины», «штучки», «штукенции», а также «вон то» и «вон это», и горе тебе, если ты по своей беспредельной тупости подала в руки хирурга что-то не то.

Однако себя не обманешь, и если имелась свободная секунда или даже удавалось прикрыть один глаз на пять-десять минут, как тут же образ черта, жгучие глаза и сутулая спина

всплывали сами собой, а в голове проносились такие картины, от которых в животе становилось тепло и сердце билось чаще. В этом смысле я была в общем стаде и ненавидела себя за это.

Я жива? Неужели я жива?

Субботное дежурство медленно перетекло в понедельник на отделении. Воскресенье теперь я старалась проводить при любой возможности вне дома, дабы не сталкиваться нос к носу с Вовкой в алкогольном угаре. Выходной прошел бестолково, в компании Асрян: весь день мы тупо провалялись до шести вечера на Финском заливе. Вовка тоже был приглашен, однако сказал, что занят каким-то срочным контрактом. С бессмысленной радостью я и правда обнаружила на столе в гостиной пачку каких-то бумаг. Однако судьба-злодейка опять грязно надо мной пошутила: вернувшись с залива, Вовку я дома не обнаружила и, прождав до двенадцати часов, завалилась спать, так и не получив ответа на пять вызовов по сотовому. Утром меня снова встретила тишина, чему можно было только порадоваться. Апокалипсис пройдет стороной. Что бы ни случилось – все без меня. Не желая случайно оказаться свидетелем неумяемого пьяного прихода мужа домой, я выскочила из дома на полчаса раньше.

Около десяти часов утра уже становилось невыносимо жарко, больные во всех палатах открывали окна и двери. Не осталось ни одной свободной койки: инфаркты, инсульты, диабетические комы. Процент наполняемости был прямо пропорционален температуре воздуха. Питерские болота проверяли человека на стойкость и триста лет назад, и сейчас. До одиннадцати я отбывала повинность в хирургии, осматривая как консультант всех плановых операционных больных, и наконец в полдвенадцатого поплелась через территорию в свой терапевтический корпус.

Я шла, загруженная предчувствием вечерних разбирательств с Вовкой. Молодые девочки из медучилища драили окна, опасно вывешиваясь с подоконников. И тут я увидела, что в моей платной палате на третьем этаже окно тоже открыто.

Черт, в пятницу же не было платных никого.

Я машинально остановилась. Долетел тонкий аромат, и внутри все замерло. Неведомые руки колыхали слегка желтоватые больничные занавески. Руки Сирены, ведь все предназначено и все предрешено.

Полина Алексеевна.

Я взлетела по лестнице, сбивая с ног больных и медперсонал. Дверь в седьмую слегка приоткрыта, как и во всех палатах, так как без сквозняка можно было просто умереть. Она. Да, она лежала на кровати, бледная, но с тем же предательским сахарным румянцем, который был еще сильнее, чем в прошлый раз. Дремала. От скрипа двери она открыла глаза и тут же, увидев меня, заулыбалась так, как будто я просто пришла к ней в гости на чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.